

Научный совет РАН по исторической демографии
и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 3

Часть 2

*Материалы Всероссийской научной конференции
по исторической демографии «Этнодемографические
процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)»
(Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.)*

Сыктывкар, 2005

УДК 947 (470.13)

Этнодемографические процессы на Севере Евразии: Сборник научных трудов. Москва–Сыктывкар, 2005. Вып. 3. Ч. 2. 216 с. (Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.).

В третьем выпуске серии сборников трудов, посвященных этническим и этнодемографическим процессам, происходившим в различные исторические эпохи на Севере Евразии, публикуются материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», состоявшейся в Сыктывкаре 28–30 сентября 2005 г. Во вторую часть выпуска вошли материалы, посвященные этническому и социально-демографическому развитию Севера России в XI – начале XX в.

Сборник подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Редакционная коллегия

Ю.А.Поляков (главный редактор, Москва), И.Л.Жеребцов (зам. главного редактора, Сыктывкар), В.Б.Жиромская (зам. главного редактора, Москва), Е.Н.Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В.Аргудяева (Владивосток), Я.Е.Водарский (Москва), А.В.Головнев (Екатеринбург), Г.Е.Корнилов (Екатеринбург), К.И.Куликов (Ижевск), В.Н.Петров (Краснодар), А.С.Сенявский (Москва), В.А.Семенов (Сыктывкар), В.В.Фаузер (Сыктывкар).

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор О.В.Золотарев
доктор исторических наук, профессор А.Н.Турубанов

- © Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2005
- © Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН, 2005
- © Авторский коллектив, 2005
- © И.Л.Жеребцов, сост., 2005

**Этническое и социально-демографическое
развитие Севера России
в XI – начале XX века**

Э.А. Савельева*

Истоки народа коми

Реконструкция этнических процессов в древности не может быть реализована на основании данных какой-либо одной науки, так как возможности каждой из них ограничены, что обусловлено спецификой источников, которыми они оперируют. Она возможна только на основе комплексного метода, с привлечением данных смежных наук, а также антропологии, и сопоставления их выводов.

Эта проблема неоднократно поднималась в научной литературе. Как правило, специалисты, обращающиеся к данной проблематике, основываются на данных своей науки, привлекая выводы специалистов смежных дисциплин. Ранние этапы истории человеческого общества реконструируются преимущественно на основе археологических источников, которые позволяют реконструировать историю материальной культуры древних обществ. Однако они не могут дать ответа на вопрос о языке населения, культуру которого исследуют археологи. Традиционно они основываются на ретроспективном методе, суть которого заключается в выстраивании генетически связанной между собой цепочки археологических культур от достоверно этнически определимых (упоминаемых в письменных источниках) к предшествующим, что, соответственно, предполагает генетическое родство их носителей. Практически аналогичная цепочка выстраивается при исследовании этнических процессов лингвистами. Однако лингвистика

*Савельева Элеонора Анатольевна (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зав. отделом археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Специализируется в изучении археологических памятников Европейского Северо-Востока эпохи средневековья, этнокультурной истории региона. Автор более ста научных работ, в числе которых около 20 монографий, учебных пособий, научно-популярных книг. Открыла более сотни археологических памятников на территории Республики Коми и сопредельных областей.

не может методами собственной науки датировать те или иные языковые процессы. Она вынуждена обращаться к данным археологии или истории.

Исключительно важными являются антропологические источники, что «обусловлено наследственным характером изучаемых признаков, которые теснее связаны со своими носителями, чем языковые и культурные особенности. Кроме того, темпы биологической эволюции обычно ниже темпов культурных и языковых изменений, что делает антропологические данные очень важными в плане ретроспективного анализа» [Моисеев, 1999. С. 3]. Общеизвестно, что темпы развития языка, материальной культуры и антропологического типа их носителей могут идти разными темпами и не всегда совпадают во времени. Более того, генетическая и культурная преемственность не обязательно свидетельствуют о языковой преемственности.

Исходя из этих методологических положений, в данной статье излагается современное состояние проблемы этногенеза народа коми.

Коми язык входит в уральскую языковую семью, представленную двумя ветвями – финно-угорской и самодийской. Финно-угорская ветвь, в свою очередь, делится на угорскую, к которой относятся венгерский, мансийский и хантыйский языки, и финно-пермскую ветвь, представленную пермскими языками (коми и удмуртским), марийским и мордовским (волжские языки), прибалтийско-финской языковой группой и саамским языком. Самодийская ветвь подразделяется на северную (ненецкий, энецкий и нганасанский языки) и южную (селькупский язык).

К пермским народам относятся удмурты, коми-зыряне и коми-пермяки. По этимологии названия «пермь» в литературе существуют различные точки зрения. Известно, что впервые оно появляется на страницах «Повести временных лет» и относится к одному из народов, платящих дань Руси. Наиболее убедительной представляется этимология этого термина, данная А.М.Шегренем и поддержанная Д.В.Бубрихом, согласно которой этноним «пермь» происходит от вепсского *Peга таа* (Перя маа) – «задняя земля, земля за рубежом». Некоторые исследователи связывают название народа пермь с Биармией, легендарной страной, известной по средневековым западноевропейским картам и географическим описаниям. Большинство исследователей помещают Биармию на Кольском полуострове, на побережье Белого моря и в нижнем течении Северной Двины.

Пермь не является самоназванием (эндоэтнонимом) народа коми. Наиболее вероятно, что этот географический термин («задняя земля, земля за рубежом») был перенесен русскими колонистами на финно-угорские народы, обитавшие в бассейне Северной Двины, в том числе – Вычегды. По письменным источникам, в числе земель Новгородской земли упоминаются Колопермь (Кольская Пермь), Трепермь (Тер-

пермь), также локализуемая на Кольском полуострове, а затем Пермь, Югра и Печера. В дальнейшем на страницах русских источников появляются новые территории, называемые Пермью: Пермь Старая (в районе Вычегды и Выми), к юго-востоку от нее – Чусовская, или Великая Пермь, Малая Пермь, Серебряная Пермь и др.

К.Вилкуна полагает, что название пермь связано с занятиями населения торговлей пушниной. Он отмечает, что оно встречается в тех местах, где могли находиться крупные центры меховой торговли. Позднее пермь превратилась в этноним и стала общим названием коми и удмуртов [См.: Хайду, 1985. С. 52–53].

Этноним зыряне впервые появляется в «Житии Стефана Пермского», написанном в конце XIV в. Епифанием Премудрым, под именем сырьяне. На страницах русских летописей с конца XIV в. оно встречается в формах сырьяне, серияне, сирьяне, сурьяне. Существует множество этимологий этого слова [см. Хайду, 1985. С. 57 и сл.]. Одни исследователи связывают его с названиями близких по звучанию названий рек, другие – выводят из хантыйского и мансийского языков (саран – морской, живущий у моря), но эти этимологии не представляются убедительными. Заслуживает внимания этимология, выдвинутая академиком А.Шегреном, поддержанная и обоснованная А.К.Матвеевым [Матвеев, 1984]. Они сопоставляют название зыряне с прибалтийско-финским словом сюрья, что означает в переводе «край, сторона». Таким образом, и зыряне, и пермь являются географическими терминами прибалтийско-финского происхождения, перенесенными русскими на народ или народы. Эндоэтнонимом народа является коми. Он возводится к прауральскому «комс», что означает «человек, мужчина».

Географические границы перми впервые очерчены в «Житии Стефана Пермского». «Река едина, ей же имя Вымь; си обходящая всю землю Пермскую и вниде в Вычегду. Река же другая именем Вычегда; си исходящая из земли Пермския и шествующия к северной стране и своим устием вниде в Двину, ниже града Устюга за 40 поприщ... Всякому же хотящему шествовать в Пермскую землю удобезден путь есть от града Устюга рекою Вычегдою вверх, дондеже внидеть в самую Пермь» [Житие Святого Стефана Пермского, 1897. С. 9]. По данным «Жития», на верхней Каме располагалась «Пермь великая, глаголемая Чусовая». «Сырьяне» же названы среди иноязычников, живущих «вкруг около Перми». В «Жалованной грамоте Ивана III Васильевича жителям Перми вычегодской на владение реками, озерами и угодиями, которыми владели их деды и отцы» 1485 г. среди жителей Перми вычегодской перечислены пермяне вычегжане, вымичи, удорены, сысолене и крещенные сирьяне Ужговские. Кроме того, упомянуты еще две группы пермян – лузская и вилегодская пермца, входящие в устюжскую территориальную общность [Документы по истории коми, 1958. С. 243–247].

По мнению Л.П.Лашука, коми-зыряне в летописный период их истории жили по нижней и частично средней Вычегде с притоками Виледь, Яренга, Вымь и Сысола, а также в верхней половине р. Луза [Лашук, 1972. С. 53]. Следует отметить, что на современном уровне археологической изученности региона нет данных, свидетельствующих об обитании в эпоху средневековья коми-зырян на Виледи.

По проблеме формирования пермских финнов в литературе существуют диаметрально противоположные точки зрения. Еще в XIX – начале XX в. Ф.А.Теплоуховым [Теплоухов, 1893, с. 74] и А.Ф.Теплоуховым [Теплоухов, 1924] была высказана гипотеза о формировании предков пермских финнов западнее и юго-западнее территории их современного обитания, которые в древности заселяли угорские племена. По мнению А.Ф.Теплоухова, предки пермских финнов с территории своего формирования (к югу от верхней Камы, верхней Вычегды и Чепцы) переселяются на Вычегду, а после VIII в. н.э. с Вычегды – в бассейн Камы, заселенной в то время уграми.

Миграционная гипотеза о переселении предков коми-зырян из Верхнего Прикамья на территорию их современного обитания была сформулирована в конце XIX в. финским ученым Ю.Вихманом. Согласно этой гипотезе, общепермская языковая общность существовала до VIII в. н.э. Эта дата основана на том, что в VIII в. в Среднее Поволжье проникают тюркоязычные болгары, создавшие в X в. мощное государство – Волжскую Болгарию, в орбите экономического, политического и культурного влияния которого оказались пермские племена и народы, что прослеживается и в лексическом фонде пермских языков. В прапермском языке сохранилось 20 болгарских заимствований. Исходя из того, что в удмуртском языке их насчитывается 150, а в коми-зырянском – 20, исследователь полагает, что после VIII в. н.э. предки коми переселяются на север, что привело к распаду общепермской общности на пракоми и праудмуртскую.

Эта концепция получила дальнейшее развитие в работах В.И.Лыткина. По его мнению, носители общепермского языка-основы обособились от остальных финно-угров примерно в I тыс. до н.э. и жили длительное время, представляя известное единство, где-то в бассейне нижней Камы и ее притока Вятка, в непосредственной близости со скифо-сарматами, а с VI–VII вв. н.э. – с волжскими булгарами, о чем свидетельствуют болгарские заимствования во всех пермских языках, сохранившиеся от прапермского языка. Не ранее VIII–IX вв. в связи с движением коми на север общепермский язык распался на удмуртский и коми, а еще позднее, после XIV в. на базе единого коми языка сложились коми-пермяцкий и коми-зырянский языки [Лыткин, 1953. С. 53–54 и сл.]. В другой работе он отмечает, что прапермский период закончился не раньше 700-х гг. н.э., и коми до продвижения на север, начало

которого относится к примерно IX–X вв., жили в северной половине прежней Вятской губернии, а также в западной части Пермской губернии по р. Кама до Сарапула. Часть коми, вероятно, по Каме и притокам ее верхнего течения, а также по р. Вятка и по рекам, впадающим с юга в Вычегду, передвинулись на север до Печоры [Лыткин, 1964. С. 105]. Общекоми период, по В.И.Лыткину, длился около двух столетий – в IX–XI вв., после которого предки коми-зырян стали осваивать современную территорию их обитания [Лыткин, 1957. С. 25]. Эта гипотеза без каких-либо корректив до недавнего времени являлась практически единственной в историческом языкознании.

Новая гипотеза этногенеза пермских финнов на основе данных лингвистики в начале 90-х гг. прошлого столетия разработана удмуртским лингвистом Р.Ш.Насибуллиным [Насибуллин, 1992. С. 81–95]. Он видит причину распада прапермской общности «в неравномерном развитии отдельных диалектов и звеньев общепермского языка-основы в течение всего общепермского периода». Исследователь отвергает гипотезу о позднем переселении коми на север, полагая, что булгаризмы в коми язык могли попасть в результате торговых связей, а также через посредство удмуртов уже в то время, когда коми жили в бассейне Вычегды. Одну из причин незначительного количества тюркских слов в коми-зырянском языке он объясняет тем, что коми, в отличие от удмуртов, раньше вошли в сферу древнерусского культурного влияния, и «с конца XI – начала XII в. свободные клетки коми языка стали заполняться русскими словами». В соответствии с современными воззрениями на лингвистические процессы в древности, Р.Ш.Насибуллин представляет прапермскую языковую общность в виде непрерывной цепочки диалектов (континуума) между северноудмуртскими и южнокоми диалектами. По его мнению, эта цепочка была разорвана лишь в XV–XVII вв. в процессе русской колонизации Вятского края, когда возник широкий, заселенный русскими коридор между удмуртами и коми.

Основные концептуальные положения гипотезы Р.Ш.Насибуллина частично повторены историком С.К.Белых в кандидатской диссертации «Пермские истоки этногенеза удмуртского народа (проблема распада прапермской общности)» [Белых, 1998]. В автореферате кандидатской диссертации подчеркивается, что концепция Ю.Вихмана не подтверждается историческими источниками, в том числе археологическими и этнологическими, и в качестве альтернативной излагает гипотезу Р.Ш.Насибуллина, однако исключает из нее факт отрицания исследователем миграции коми на север после VIII в. н.э. С.К.Белых вслед за А.Х.Халиковым общепермской считает гляденовскую культуру и также как А.Х.Халиков относит время распада прапермской общности к значительно более позднему времени, чем полагают лингвисты и археологи. Начало этого процесса он датирует временем после VIII в. н.э.,

завершение – сер. II тыс. н.э. А.Х.Халиков полагал, что прапермское единство сохранялось около 1,5 тыс. лет – до IX–X вв., пракоми – до X–XIV вв. [Халиков, 1985. С. 12]. Разница заключается в том, что А.Х.Халиков считал пермскими ананьинскую, гляденовскую, ванвиздинскую и вымскую культуры, а ломоватовскую и родановскую – угорскими, в то время как С.К.Белых с прапермской общностью сопоставляет гляденовскую, ломоватовскую и неволинскую культуры. В конечном итоге С.К.Белых повторяет гипотезу Ю.Вихмана, согласно которой в VIII–IX вв. «часть эндопермян переселяется в бассейн р. Вычегды и некоторые сопредельные районы, чтобы в дальнейшем стать коми-зырянами» [Белых, 1998. С. 18]. Таким образом, он приходит к выводу, который противоречит концепции Р.Ш.Насибуллина по проблеме формирования коми-зырян.

Проблеме этногенеза коми по данным археологии посвятил специальную статью М.В.Талицкий [Талицкий, 1941]. На основе археологических источников он обосновал генетическую преемственность материальной культуры населения Прикамья на протяжении эпохи средневековья. По мнению М.В.Талицкого, общность населения Верхнего Прикамья и Вычегодского бассейна сформировалась не позднее X–XII вв., хотя не исключает возникновение отдельных элементов коми языка и культуры в глубокой древности. С другой стороны, М.В.Талицкий даже на очень немногочисленном в то время материале не подвергает сомнению своеобразие двух групп памятников X–XIII вв. – вычегодской и камской.

В.А.Оборин в одной из ранних работ по истории Прикамья [Бадер, Оборин, 1958] на основе сходства керамики Тохтинского поселения, расположенного на Яренге, притоке нижней Вычегды, с ломоватовской, считал, что в I тыс. н.э. произошло переселение части ломоватовских племен из Прикамья на Вычегду, где жили племена, оставившие памятники типа Ванвиздинской стоянки, предположительно оставленные вепсами, которые были ассимилированы пришельцами.

Антропологические исследования коми-зырян проводились Н.Н.Чебоксаровым, К.Ю.Марк, Г.А.Аксяновой, В.И.Хартановичем, В.Г.Моисеевым и др. Непреходящую ценность представляет статья Н.Н.Чебоксарова, посвященная этногенезу коми по данным антропологии [Чебоксаров, 1946]. Автор выделяет среди коми три типа: беломорский, вятско-камский и восточнобалтийский. Мезодолихокефальные светлые европеоиды преобладают в северной части зоны расселения коми – на Удоре, Ижме и нижней Печоре. В Вычегодском бассейне они постепенно сменяются светлым, но более низкорослым и короткоголовым балтийским типом, влияние которого чувствуется до самых верховьев Камы. У южных коми (пермяков) широко распространен вятско-камский (субла-

поноидный) переходный комплекс, проникающий на север до рек Луза и Сысола [Чебоксаров, 1946. С. 58–59].

По мнению Н.Н.Чебоксарова, предки современных коми-зырян уже в начале II тыс. н.э. отличались преобладанием беломорского типа. Происхождение беломорского типа он связывает с прибалтийскими финнами. Вятско-камский сублапоноидный тип исследователь связывал с Прикамьем. Н.Н.Чебоксаров на территории расселения коми выделяет две крупные племенные группировки: северо-западную и юго-восточную. В первую он включает Удору, а также верховья Мезени, Вымь, нижнюю Вычегду вплоть до Пыраса (Котласа), а может быть, Пинегу, во вторую – Верхнее Прикамье. Сысольско-прилузскую группу коми он рассматривает в качестве связующего звена между пермяками Мезенско-Вычегодской области и Верхним Прикамьем. По мнению исследователя, антропологические материалы опровергают теорию о массовой миграции предков коми с Камы на Вычегду.

Автор совершенно справедливо отмечает, что беломорский и восточнобалтийский типы, господствующие среди коми-зырян, не могут быть связаны с Прикамьем. «Светлые европеоиды... связаны с Прибалтикой, а не с Приуральем. Легко допустить, что беломорский и балтийский расовые типы проникли на территорию Коми АССР с запада, распространяясь вдоль рек Северодвинского и Мезенского бассейнов... Но совершенно нелегко предполагать, что крайне депигментированные компоненты удорцев, вымичей или нижневыхогодцев попали на север с Камы, где их сравнительно мало среди современного населения, и, вероятно, было еще меньше в прошлом» [Чебоксаров, 1946. С. 67]. По его мнению, если и было какое-то незначительное переселение из Верхнего Прикамья, то только в бассейн Сысолы. Более того, Н.Н.Чебоксаров считает, что более ощутимо обратное переселение с Вычегды, Сысолы и Лузы на Каму, прослеживаемое по письменным источникам и убедительно иллюстрируемое антропологическими материалами.

Сопоставляя антропологические материалы с археологическими, оперируя в основном имеющимися в то время данными М.В.Талицкого, а также А.П.Смирнова об этнокультурной близости трех групп памятников – вятско-чепецкой, вычегодской и камской, Н.Н.Чебоксаров не исключает их древнюю общую ананьинско-пьяноборскую основу. Близость вычегодской и камской групп памятников эпохи средневековья исследователь объясняет мощным культурным влиянием, распространявшимся на север из Прикамья, не сопровождавшимся крупными передвижениями населения.

Основные идеи концепции Н.Н.Чебоксарова нашли подтверждение в новейших исследованиях антропологов. Как отмечает В.Г.Моисеев, коми-зыряне среди европейских народов входят в группу наиболее европеоидных, к которым также относятся эстонцы, финны и мордва –

мокша [Моисеев, 1999. С. 43, 45, 52]. По мнению В.Г.Моисеева, у коми-зырян отсутствует существенный уральский антропологический субстрат наряду с южными удмуртами, эстонцами и карелами [Моисеев, 1999. С. 60].

К этим же выводам пришел В.И.Хартанович на основании анализа данных краниометрии [Хартанович, 1991]. По мнению К.Марк, южные коми (коми-пермяки) относятся к сублапоноидному типу уральской или урало-лапоноидной расы, северные – к европеоидному с небольшой примесью монголоидности, большинство – к светлому сублапоноидному (вычегодскому) типу уральской расы. Вслед за Н.Н.Чебоксаровым она отмечает преобладание европеоидного компонента у коми-зырян и низкий индекс монголоидности. При суммарном сопоставлении измерительных признаков коми-зыряне обнаруживают наибольшую близость вепсам. Особое место занимают наиболее светлопигментированные южные коми-зыряне (Летский район), у которых отчетливо выражена монголоидная примесь, что сближает их с северо-восточными финнами (у которых выражен сильный саамский субстрат) и саамами-сколтами. К.Марк предполагает, что это противоречивое сочетание объясняется сохранением у них реликтового типа древних финно-угров, а «депигментация на севере Восточной Европы произошла уже в смешанных группах, которые сохранили некоторые монголоидные черты от очень древних времен» [Марк, 2000. С. 157].

Г.А.Аксянова также отмечает близость коми-зырян в целом, но особенно нижневычегодцев и сысольцев, к западным финнам (вепсам и карелам), носителям восточнобалтийского типа, при меньшей грацильности коми-зырян. По данным Г.А.Аксяновой, в общем финно-угорском массиве этносов коми показали максимальное и большое приближение к условному нулю. Они занимают промежуточное положение между удмуртами+марийцами и вепсами+ карелами при чуть большем единстве с восточнофинскими народами [Аксянова, Аксянов, 2000. С. 187].

Первая попытка комплексной постановки проблемы этногенеза коми-зырян была предпринята Л.П.Лашуком в «Очерках по истории Коми АССР» (1955), затем он возвращается к ней в научно-популярном очерке (1961) и, наконец, посвящает проблеме формирования народности коми обобщающую монографию (1971). Необходимо отметить, что в первых двух работах привлекались очень малочисленные в то время археологические материалы. В «Очерках по истории Коми АССР» исследователь высказывает предположение, что первоначальное заселение бассейна Вычегды происходило с юго-запада, вероятно, по Сухоне, и во II–I тыс. до н.э. вычегодское население не имело непосредственных этнических связей с племенами Прикамья (т. 1, 1955, с. 18). Основываясь на миграционной концепции Ю.Вихмана и В.И.Лыткина,

в подтверждение ее он приводит единичные имевшиеся в то время археологические материалы (Тохтинского поселения и городища Карыйбйв), которые, по его мнению, близки прикамским. На основании этих материалов он приходит к выводу, что «археологические материалы указывают на несомненную принадлежность вычегодских памятников VIII–XIV вв. пермским племенам и устанавливают приблизительно дату переселения их с Камы, которое, возможно, началось около V–VI вв. и продолжалось до самого конца I тыс. н.э.» [Очерки по истории Коми АССР, 1955. С. 28]. Пришлое население смешалось с аборигенами, оставившими памятники типа Ванвиздинской стоянки, этническая принадлежность которого не определяется. Исследователь также отмечает прибалтийско-финский и русский компоненты в формировании коми-зырян.

С началом планомерного систематического археологического изучения Европейского Северо-Востока (далее ЕСВ) в конце 50-х гг. прошлого века появляются новые концепции этнической истории древнего населения ЕСВ. Г.М.Буровым в двух монографиях (Вычегодский край, 1965; Древний Синдор, 1967), а затем в кандидатской диссертации (Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке, 1968) дана реконструкция этнических процессов в бассейне Вычегды с эпохи мезолита до раннего средневековья. В эпоху мезолита Вычегодский край включается в единую общность с Прикамьем, что объясняется продвижением на север населения из Прикамья. В эпоху позднего неолита в культуре местного населения наряду с камским выявляется волго-окский компонент. По мнению исследователя, прикамское население впоследствии было ассимилировано волго-окскими племенами. В эпоху бронзы выделяются три группы керамики, которые сопоставляются с турбинцами (древними финно-уграми), поздняяковской культурой Волго-Окского междуречья (поволжскими финнами) и синдорской, связываемой с уграми. В раннем железном веке фиксируется новая волна населения из Верхнего Прикамья, которое сопоставляется с древними пермскими племенами.

Этнокультурное расхождение между населением Прикамья и бассейна Вычегды, по мнению Г.М.Бурова, начинается в первой половине I тыс. н.э., когда в бассейне Вычегды формируется ванвиздинская культура, в которой прослеживается сильное угорское влияние, объясняемое приходом в бассейн Вычегды нижнеобского угорского населения и ассимиляцией им местных племен. Формирование коми-зырян на территории современного обитания Г.М.Буров связывает с приходом во второй половине I тыс. н.э. новой волны пермского населения [Буров, 1968. С. 15–18]. По мнению исследователя, Европейский Северо-Восток «в культурно-этническом отношении попеременно примыкал к трем основным областям: Верхнему Прикамью, Нижнему Приобью и Волго-Ок-

скому бассейну». К нижеобским угорским культурам исследователь относит синдорскую, лебяжскую и бичевницкую, к верхнекамским пермским – турбинскую, ананьинскую, гляденовскую и вымскую [Буров, 1967. С. 184].

Эти идеи нашли повторение в совместной статье Г.М.Бурова и Б.А.Серебренникова, посвященной этногенезу коми [Буров, Серебренников, 1967. С. 301–320]. Б.А.Серебренников поддерживает концепцию Г.М.Бурова о западносибирском происхождении населения ванвиздинской культуры, с которым связывает топонимы на -ым или -им, зафиксированные в бассейне Вычегды, на нижней Вычегде, в бассейне Печоры, Лузы, Мезени, на верхней Каме, Удмуртии, Башкирии, на территории Кировской области. Отмечается, что эта гидронимика лучше всего представлена на Вычегде и верхнем течении Камы, а также в пределах Удмуртии и на территории Кировской области. На территории Республики Коми угорских гидронимов значительно меньше в бассейнах Печоры, еще меньше – Лузы и совсем мало на Мезени.

Эти наблюдения Б.А.Серебренникова представляют большой интерес, так как именно на территориях с наибольшим количеством гидронимов на -ым и -им за пределами Республики Коми, в частности, в верхнем Прикамье, на территории Удмуртии в ванвиздинское время были представлены бесспорные древнекоми и древнеудмуртские памятники [Голдина, 1989, 1999]. Также не согласуется факт скудно представленной угорской топонимики, сопоставляемой с ванвиздинским населением, в бассейне Мезени, где находился один из центров концентрации ванвиздинских памятников [Мурыгин, 2001].

Этногенез народа коми, по данным топонимии и лексики, исследовался А.И.Туркиным [Туркин, 1985]. В современной топонимии Республики Коми наряду с коми названиями зафиксированы русские, ненецкие, обско-угорские, прибалтийско-финские (карело-вепские) и саамские. К самым поздним отнесены русские топонимы (X–XV вв.), к наиболее ранним – прибалтийско-финские. По мнению исследователя, данные топонимии свидетельствуют об обитании ненцев в XII–XIV вв. на средней и нижней Печоре и в верховьях Выми. Лексический и этнонимический материал свидетельствует о пребывании ненцев на Удоре, в основном в нижнем течении Мезени, а также на нижней и средней Вычегде, предположительно, кратковременно в зимнее время.

Первоначальные контакты между обскими уграми и коми исследователь относит к началу II тыс. н.э. Обско-угорские топонимы зафиксированы в верховьях Вычегды и на западной стороне Уральского хребта. Угорские колонии, по мнению А.И.Туркина, существовали также на нижней Печоре и нижней Вычегде. Они разделены на две группы: ранние и более поздние. К первым отнесены наименования крупных объектов – Вымь, Вычегда, Мезень, Синдор и другие, которые

больше тяготеют к современному хантыйскому языку, ко вторым – гидронимы и оронимы верхней Печоры и верхней Вычегды, большинство которых имеет мансийское происхождение.

Прибалтийско-финский компонент в формировании народа коми особенно отчетливо прослеживается в бассейне Вашки и Мезени, Вычегды и Лузы, что объясняется их пограничным положением с завололочской чудью и весью (вепсами), начало контактов с которыми отнесено к XI в. В коми языке выявлено 104 слова из языка завололочской чуди, основная масса которых приходится на удорский (53 слова), ижемский (21), лузско-летский (18), нижневычегодский (17) диалекты. Прибалтийско-финские топонимы отмечены в низовьях Печоры, верховьях Мезени и бассейне Лузы. Наибольшая их концентрация отмечена в низовьях Вычегды и бассейне Лузы. По мнению А.И.Туркина, саамские топонимы могли проникнуть в коми язык опосредованно – через прибалтийских финнов [Туркин, 1985. С. 19].

И, наконец, особый интерес вызывает самый ранний слой в топонимии Республики Коми, который определен как «западносибирский». Он представлен в основном гидронимами, зафиксированными также в Прикамье, Кировской и Пермской областях, Удмуртии и Башкирии. Они находят аналогии в бассейнах рек Обь, Енисей и Лена, что позволило А.И.Туркину высказать предположение, что они принадлежали какому-то западносибирскому этносу, который вошел в состав коми. А.И.Туркин высказывает предположение, что после отступления ледника «отдельные группы кочевого древнего населения, которые в этническом отношении, скорее всего, не были однородны, проникли из Западной Сибири в бассейн Камы, а оттуда в поисках более благоприятных условий двинулись в бассейны Печоры, Вычегды и Мезени и далее на запад» [Туркин, 1985. С. 24]. Пришельцы были ассимилированы коми населением, «хотя смешение предков коми с западносибирскими племенами могло начаться уже в Прикамье» [Туркин, 1985. С. 25]. Эти идеи нашли отражение и в других исследованиях А.И.Туркина, в том числе в докторской диссертации [Туркин, 1989].

Существенный вклад в изучение субстратной топонимии Русского Севера внес А.К.Матвеев. Он был и остается приверженцем финского происхождения субстратной топонимики Европейского Севера [Матвеев, 2001, 2004]. Распространенные на территории Республики Коми топонимы -им, -ым, -еньга, -анга, -онга, -юг, -уг, -уга, -юга, которые Б.А.Серебренников сопоставляет с уграми [Серебренников, 1966], по мнению А.К.Матвеева, имеют финское происхождение. По данным А.К.Матвеева, названия на -юг, -уг образуют «четкий и плотный ареал» в бассейне р. Юг (Вологодская область), а также на смежных территориях Костромской и Кировской областей (верховья Моломы и бассейн нижнего течения Лузы), а также встречаются в Архангельской области

и на юго-западе Республики Коми. Они зафиксированы и в бассейнах Онеги и Шексны, Костромской и Нижегородской областях и в Прикамье. Гидронимы на -юга, -уга распространены на всем Русском Севере к востоку от Онеги и Кубенского озера. Между ареалами -юга, -уга и -юг, -уг проходит четкая граница от устья р. Сухона к верховьям Костромы, т.е. чуть южнее Сухоны, которая, видимо, и служила в древности своего рода рубежом, разделяющим родственные, но различные этносы. По мнению А.К.Матвеева, эти гидронимы восходят к финскому источнику, точное определение которого не представляется возможным. В качестве предполагаемых источников называются волжско-финские (мерянский) или пермские (коми-зырянский) языки [Матвеев, ч. I, 2001. С. 254, 255].

Названия на -еньга фиксируются на территории Архангельской и Вологодской областей, исключая Белозерский край, а также Костромской и Кировской областей. Формант -еньга, по мнению исследователя, – географический термин-детерминант со значением «река». Исходя из предположения о существовании на Русском Севере в прошлом северно-финских языков, занимающих промежуточное положение между прибалтийско-финско-саамскими и волжско-финскими, и наибольшей близости детерминанту -еньга в марийском языке, А.К. Матвеев полагает, что гидронимы на -еньга оставлены севернофинским этносом, предположительно, заволочской чюдью [Матвеев, 2001. С. 273]. На территории Республики Коми они зафиксированы в верховьях Мезени, на нижней Вычегде, Лузе и Летке [Матвеев, 1960. С. 109, 103]. Топонимы -бонг, -вонг А.К.Матвеев также связывает с прибалтийско-финскими языками (глубокое место в воде, бухта, омут) [Матвеев, 1969. С. 299–304].

Первое и пока единственное монографическое исследование, посвященное формированию народности коми, принадлежит Л.П.Лашуку. В нем прослеживается этническая история коми-зырян с древности до завершения процесса оформления народности, которое он относит к XVIII в. [Лашук, 1972]. Как и в предыдущих работах, автор, вслед за другими исследователями, прежде всего, лингвистами, считает прародиной коми-зырян Верхнее Прикамье. Основанием для этого являются традиционные в лингвистических построениях болгарские, а также индоевропейские заимствования в пермских языках. Однако исследователь оперирует в данной работе не только лингвистическими концепциями, но и новыми для того времени археологическими источниками. Они позволили исследователю скорректировать предложенную им ранее концепцию этногенеза народа коми. Так, в частности, Л.П.Лашук, опираясь на разработки В.Ф.Генинга [Генинг, 1959], приходит к выводу, что общепермское единство распалось раньше VIII–IX вв., так как уже в первой половине I тыс. н.э. существовали этнические различия между

верхнекамской (древней коми) и среднекамско-чепецкой (древней удмуртской) культурами [Лашук, 1972. С. 19].

Л.П.Лашук подвергает резкой критике концепцию Г.М.Бурова–Б.А.Серебренникова об угорской принадлежности ванвиздинской культуры. По его мнению, «Ничто ...достоверно не свидетельствует о распространении зауральских или печорско-верхневьчегодских угров до нижневьчегодского рубежа» [Лашук, 1972. С. 27]. Как отмечает исследователь, мощный ананьинско-гляденовский пласт в формировании ванвиздинской культуры «по-настоящему приближает нас к разрешению проблемы коми-зырянского этногенеза» [Лашук, 1972. С. 27]. Одним из важных аргументов, приводимых автором, не позволяющих согласиться с угорской этнической принадлежностью ванвиздинской культуры, являются антропологические материалы. Как уже неоднократно отмечалось, вымско-вьчегодские коми относятся к европеоидному антропологическому типу, что резко отличает их от угров. По его мнению, миграция прикамских предков в Вьчегодский край началась в пределах первых веков н.э. и, вероятно, имела несколько последовательных волн [Лашук, 1972. С. 30]. Это было постепенное, растянувшееся на столетия просачивание «на новую территорию отдельных групп, вначале одиночек-разведчиков, а затем уже целых родовых коллективов или их подразделений» [Лашук, 1972. С. 31]. По его мнению, нижневьчегодские коми в какой-то своей части являются отдаленными потомками биармийцев или заволочской чуди. По существу, Л.П.Лашук поддерживает концепцию Н.Н.Чебоксарова о том, что переселение прикамских пермян было только в южные районы современной Республики коми, т.е. на Сысолу и Лузу. Население нижней Вьчегоды под влиянием сысоличей **восприняло коми язык** (*выделено автором статьи*), сохранив европеоидный антропологический тип и некоторые традиционные элементы культуры [Лашук, 1972. С. 36].

Отличную от других исследователей концепцию этногенеза пермских финнов, в том числе коми-зырян, разработал А.Х.Халиков. По его мнению, до XV–XVI вв. территория обитания пермских финнов располагалась не на Каме и не на Чепце, а в междуречье Вятки и Вьчегоды, севернее и северо-западнее, где исследованы памятники вымской культуры перми вьчегодской, которую он связывает с предками коми и удмуртов [Халиков, 1985. С. 8]. Прапермской он считает гляденовскую культуру. Прапермское единство сохранялось, согласно этой концепции, около 1,5 тыс. лет – с III в. до н.э. до IX в. н.э., когда происходили активные контакты прапермян с древними уграми и тюркоязычными племенами. Распад общепермского языка на праудмуртский и пракоми он датирует IX–X вв., что документируется выделением вымской культуры перми вьчегодской и лузско-вятских могильников древних удмуртов [Халиков, 1985. С. 12]. Северные границы пермян А.Х.Халиковым

очерчиваются по Вычегде. В бассейне Печоры, Мезени и правобережью Вычегды, по его мнению, находились кочевья ненцев, на Мезени обитали вепсы, в бассейне Северной Двины и Онеги – прибалтийские финны и саамы.

Проблема происхождения народа коми на основе археологических источников с привлечением данных письменных источников, антропологии, этнографии и языкознания рассматривается в монографии Э.А.Савельевой «Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми» [Савельева, 1971]. Центральное место в работе занимает выделенная автором вымская культура перми вычегодской, бесспорно принадлежащая древним коми-зырянам, генезис которой является важной составной частью в исследовании этногенеза народа коми. Автором была предпринята попытка объяснить противоречия между имевшимися в то время данными археологии, антропологии и лингвистики в миграционной концепции этногенеза коми-зырян. В монографии была сформулирована и обоснована концепция о формировании культуры перми вычегодской на основе предшествующей субстратной пермской ванвиздинской при участии западных (прибалтийско-финских) племен и населения, близкого волжским финнам. Последний компонент четко не был определен. Как отмечалось в заключении, «последние представляли собой какие-то промежуточные смешанные группы финского населения, имеющие в материальной культуре много волжско-финских (древнемарийских, мерянских) черт» [Савельева, 1971. С. 180]. Последнее предположение было основано на близости материалов раннего этапа вымской культуры и Кочергинского могильника, который в то время считался древнемарийским [Архипов, 1973], а также данных лингвистики и топонимики. В настоящее время Кочергинский могильник является эпонимным для выделенной кочергинской культуры, сопоставляемой с древними удмуртами [Голдина, 1999. С. 325–331]. Р.Д.Голдина отмечает, что в кочергинской культуре прослеживается влияние волжских финнов, что объясняется контактами соседних групп населения [Голдина, 1999. С. 329].

Основные положения концепции формирования культуры перми вычегодской были признаны ведущими специалистами, занимающимися проблемами этногенеза пермских финнов. В.А.Оборин в статье, посвященной культурным связям племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа, отказывается от выдвинутой Л.П.Лашуком и поддержанной им гипотезы о значительной миграции гляденовского населения Верхнего Прикамья на Вычегду и Печору в середине I тыс. н.э. Более того, он отмечает приток в конце I тыс. н.э. поздневанвиздинского населения в Северное Прикамье [Оборин, 1969. С. 163]. Принципиально важным представляется признание В.А.Обориным концептуального положения о формировании вым-

ской культуры на основе ванвиздинской, а не путем переселения родовцев в бассейн Вычегды [Оборин, 1969. С. 165].

Дальнейшее накопление археологических материалов на ЕСВ позволило скорректировать концепции ранних этапов этнической истории ЕСВ. Установлено, что первоначальное заселение ЕСВ произошло на ранней стадии верхнего палеолита, около 40 тыс. лет тому назад. Памятники этого времени входят в европейскую приледниковую культурную провинцию. Около 17–18 тыс. лет тому назад в регион проникают новые группы палеолитического населения североазиатского происхождения, которые, предположительно, могут быть древними уральцами [Павлов, 1996]. В эпоху мезолита на ЕСВ представлены археологические памятники, принадлежащие пришлому населению из Волго-Окского междуречья и Прибалтики, с одной стороны, и с Камы – с другой [Археология Республики Коми, 1997. С. 115–118]. Последние входят в камскую мезолитическую культурную общность, которая сопоставляется с древними уральцами. По мнению В.С.Стоколоса, начиная с неолита, этническое ядро населения Северного Приуралья составляли финно-угорские племена. С нераспавшейся финно-угорской общностью сопоставляется чужьяельская культура на ранней (неолитической) стадии ее развития. Распад этой общности на угорскую и финно-пермскую относится к эпохе энеолита, к среднему периоду ее развития, датируемому серединой III тыс. до н.э. Постчужьяельские (финно-пермские) традиции в культуре местного населения прослеживаются вплоть до эпохи финальной бронзы, когда формируется лебяжская культура, послужившая основой сложения вычегодско-печорского (северного) варианта ананьинской историко-культурной общности. Наряду с этим исследователями отмечается приток иноэтничных групп населения – индоевропейских, угро-самодийских, поволжско-финских, а также смешанных разноэтничных, проникающих с запада, юга, а также Зауралья [Стоколос, 1992; Ашихмина, 1993].

В эпоху раннего железного века ЕСВ входит в ананьинскую историко-культурную общность, ареал которой включает Верхнее и Среднее Прикамье, бассейны Вятки, Вычегды и Печоры. Согласно современным научным представлениям, она сформировалась на базе ряда культур бронзового века – приказанской, ерзовской, луговской, лебяжской и др., которые локализуются на территории Прикамья, Среднего Поволжья и ЕСВ.

Концепция формирования северного варианта ананьинской историко-культурной общности на основе многолетних исследований была разработана В.И.Канивцом [Канивец, 1974]. Исследователь отмечал, что «с наступлением железного века и эпохи ананьинской культуры, оказавшей глубокое и длительное влияние на всю Северо-Восточную Европу, материальная культура населения Вычегодского и Печорского

краев приобрела новое содержание» [Канивец, 1974. С. 135]. Им были выделены четыре культурно-хронологических типа (Ласта, Перный, Ямашор и Чаркабож) и убедительно обоснована их генетическая преемственность с предшествующей лебяжской культурой. Были выявлены как общие черты, так и специфические особенности каждого из выделенного культурных типов. Исследователем подчеркивалась наибольшая культурная близость ананьинским памятникам Прикамья культурных типов Ласта и особенно Перный, что объяснялось возрастающим культурным влиянием прикамских ананьинских племен. Выраженные зауральские элементы подчеркивались в ямашорской группе памятников, которые располагаются в непосредственном соседстве с Нижним Приобьем [Канивец, 1974. С. 138–139]. Памятники типа Чаркабож отнесены исследователем к особому культурному типу, родственному гамаюнской (каменогорской) культуре, хотя истоки его также возводятся к лебяжской культуре. Памятники этого типа выявлены в районах, прилегающих к Северному и Приполярному Уралу, подобная керамика отмечена на верхней Вычегде, на нижней Печоре [Канивец, 1974. С. 143, 144]. Как отмечает ученый, «явления, наблюдаемые на Печоре, были только частью гораздо более широкого процесса распространения зауральских культурных элементов в Северном и Среднем Приуралье в конце медно-бронзового и начале раннего железного века» [Канивец, 1974. С. 143].

Хотя северные и южные ананьинцы входили в единую историко-культурную общность, они находились на различных стадиях социально-экономического развития. На волго-камских ананьинских памятниках обнаружены свидетельства развития земледелия, животноводства, металлургии и металлообработки. В Волго-Камье находился мощный очаг металлургии, изделия которого распространялись далеко за его пределы, вплоть до Скандинавии. Здесь сооружались городища с совершенными для своего времени фортификационными сооружениями. На волго-камских памятниках обнаружено огромное количество бронзовых изделий, в том числе предметов вооружения. Кроме того, волго-камские ананьинцы испытывали мощное воздействие индоиранского мира. Именно к этому времени относятся наиболее интенсивные контакты прапермлян с индоиранскими народами. В пермских языках сохранились многочисленные иранские заимствования, в частности, названия металлов (сталь, золото, серебро, железо), слова, связанные с занятиями земледелием и животноводством (сошник, лемех, пешня, кнут, курица, корова, скот, сыромятная кожа), отражающие общественные отношения (царь, князь, богатый) и др. Археологические и лингвистические источники свидетельствуют об имущественном и социальном расслоении ананьинского общества, выделении военных дружин, военной знати.

У северных ананьинцев в раннем железном веке основными источниками существования продолжали оставаться охота и рыбная ловля, сохранялись кремневые орудия труда и охотничьего вооружения, все поселения были неукрепленные. Однако следует отметить, что в материальной и духовной культуре северного населения прослеживается влияние волго-камских ананьинцев, а также (вероятно, опосредованно) скифо-сарматских племен. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы Шиховского могильника V–III вв. до н.э., расположенного на Печоре [Васкул, 2002]. Здесь обнаружены погребения в лодках, сопровождающиеся культовыми изделиями, украшениями, предметами вооружения (железными кинжалами с бронзовыми зооморфными рукоятками, наконечниками копий, железными и бронзовыми, бронзовыми и костяным наконечниками стрел) и др. Представляют интерес находки бронзовых зеркал с боковой ручкой-штырем, аналогичных раннесарматским, а также культовых изделий, к которым относятся бронзовые литые фигурки медведя, бобра, пчелы, крадущегося хищника из семейства кошачьих, ящера с человеческой личиной на спине, лося, грифона, быка и др. Эти материалы, бесспорно, свидетельствуют об интенсивных культурных контактах волго-камских и северных ананьинцев. Не исключено, что они сопровождались миграциями ананьинских групп населения на север. Однако, хотя Шиховский могильник обнаруживает близость волго-камским погребальным памятникам, но по комплексу признаков (погребальный обряд, керамика, предметы вооружения, украшения, культовые предметы) отличается заметным своеобразием и включен автором раскопок в круг памятников Перный–Ямашор [Васкул, 2002. С. 13, 16–17].

Что собой представляла общепермская общность по лингвистическим источникам? В настоящее время праязыковые общности рассматриваются как обширные массивы родственных языков и диалектов, связанных друг с другом многообразными ареально-генетическими связями [Хелимский, 1982. С. 24–25]. Эту идею применительно к пермскому праязыку (праязыковой общности) развивает известный эстонский лингвист А.-Р. Хаузенберг. По ее мнению, в позднем прапермском праязыке и даже раньше уже были диалекты. Она обращает внимание на общие черты удорского диалекта и прибалтийско-финских языков, среди которых выделяет ранние, а также появившиеся в результате конвергентного развития, которые подпитывались продолжающимися контактами между соседними народами [Хаузенберг, 2002. С. 307]. Она предполагает, что существующие ныне изоглосы восходят к более древним эпохам, чем считают сегодня лингвисты [Хаузенберг, 2002. С. 308].

Как и многие другие исследователи, в частности Р. Насибуллин, А.-Р. Хаузенберг полагает, что концепция Ю. Вихмана «в наши дни уже не выглядит убедительной» [Хаузенберг, 2002. С. 303]. По ее мнению,

обособление северного и южного коми языковых ареалов произошло значительно раньше, чем представлено в концепции Ю.Вихмана. Как отмечает исследовательница, «период прапермского праязыка не имеет ни четко определенного начала, ни четко установленного конца. Логичнее говорить о более старых и более поздних общих чертах, более или менее распространенных инновациях и их возможных источниках, но не о туманном праязыке» [Хаузенберг, 2002. С. 308].

В статье “Onko komin ja itamerensuomalaimissa kielissa areaalisia yhteishiirteita?” («Есть ли общие ареальные признаки в коми и прибалтийско-финских языках?») на основе данных лингвистики, согласно которым в коми языке есть инновации, соответствий которым нет в удмуртском, исследовательница приходит к выводу, что пермские племена разошлись существенно раньше, чем конец I тыс. н.э. На основе анализа лексики и грамматики коми языка она приходит к выводу, что контакты прибалтийско-финских и коми языков продолжались от прадиалектов до современных языков, поскольку значительная часть сходств прибалтийско-финских и коми языков отсутствует в удмуртском. В качестве одного из аргументов в пользу этого предположения она приводит факт отдельного развития примитивной земледельческой лексики в удмуртском и коми языках, особенно в коми диалектах. По мнению исследовательницы, прапермский язык был представлен различными диалектами в то время, когда в Волго-Камье появилось земледелие (II тыс. до н.э.) и, следовательно, ранние контакты коми и прибалтийских финнов относятся ко времени существования соответствующих прадиалектов. Они свидетельствуют о территориальной близости и контактах прадиалектов прибалтийско-финских и коми праязыков.

Об этом же свидетельствуют пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера, отмеченные многими исследователями (И.А.Шегрен, М.Веске, И.Н.Смирнов, М.Фасмер, А.И.Попов, А.К.Матвеев). По мнению А.К.Матвеева, они представлены в субстратной топонимике Заволочья, прежде всего в бассейне Пинеги, правобережье низовьев Северной Двины. Он полагает, что они разновременны и восходят к различным диалектам и языкам. Это могли быть ныне вымершие пермские или близкие к ним этнические элементы. «Здесь могли быть и коми-зыряне, и неизвестные нам пермские племена, и финно-угры, говорившие на особых прибалтийско-волжско-пермских языках» [Матвеев, 1968. С. 29]. Названия на -важ, -юг он относит к прибалтийско-волжско-пермским, на -вожа, -виска, частично -курья – к поздним коми-зырянским. Исследователь не исключает пермское происхождение терминов -керга, -лагмас, -чугла. Названия на -юга на территории Республики Коми и прилегающих районов Заволочья он связывает с пермскими источниками, на территории Двинской земли многие назва-

ния на -юга, -юг – с прибалтийскими финнами и саамами [Матвеев, 1968. С. 36–37]. Эти материалы являются еще одним аргументом в подтверждение концепции А.-Р.Хаузенберг о ранних (докоми) пермско-прибалтийско-финских контактах, следы которых она выявила на основе данных лексики и грамматики прибалтийско-финских и пермских языков.

Концепция А.-Р. Хаузенберг находится в полном соответствии с данными археологии, согласно которым генетические предки коми-зырян (ананьинцы) на ЕСВ появляются не позже I тыс. до н.э. Вероятно, к этому времени относятся первые контакты носителей пракоми и праприбалтийско-финских диалектов, как и предполагает исследовательница.

В конце III в. до н.э. ананьинская историко-культурная общность распадается на пьяноборскую, ареал которой включает Нижнее Прикамье, бассейны рек Вятка и Белая, и гляденовскую, памятники которой расположены в Верхнем и Среднем Прикамье, бассейнах Вычегды, Мезени и Печоры. Пьяноборская историко-культурная общность сопоставляется с удмуртами [Генинг, 1967]. В настоящее время в нее включается несколько культур: чегандинская – в удмуртском Прикамье, худяковская – на Вятке, кара-абызская – в северо-западной Башкирии и среднекамский вариант. Р.Д.Голдина хронологические рамки пьяноборской общности определяет III в. до н.э. – V в. н.э. Ею убедительно обоснован генезис этих культур на базе ананьинской [Голдина, 1987. С. 12–14; 1999. С. 206–254].

Формирование гляденовской историко-культурной общности на базе предшествующей ананьинской также не вызывает сомнений. Ананьинские традиции сохраняются и в материальной, и духовной культуре гляденовцев. Однако, как и в предшествующую эпоху, выделяются как внутри-, так и межрегиональные локальные особенности памятников гляденовской общности. Новейшие исследования И.О.Васкула, с одной стороны, дали новые свидетельства культурной близости древностей ЕСВ и Прикамья в раннем железном веке, с другой – позволили выявить локальные специфические особенности гляденовских древностей ЕСВ и на этом основании выделить две археологические культуры – джудждыдьягскую в бассейне Вычегды и пиджскую – в бассейнах Печоры и Мезени. По мнению И.О.Васкула, пиджская культура сформировалась на основе культуры типа Перный-Ямашор, джудждыдьягская – типа Перный. В гляденовское время фиксируются те же культурные импульсы, что и в ананьинское: в джудждыдьягской – из Прикамья, в пиджской – из Зауралья. Не исключается и приток на Европейский Северо-Восток выходцев из этих регионов, однако, по мнению исследователя, никаких свидетельств массовой миграции населения нет [Васкул, 1994; Археология Республики Коми, 1997. С. 376–382].

По мнению большинства исследователей (В.А.Оборин, В.Ф.Генинг, Р.Д.Голдина, Э.А.Савельева и др.), формирование на основе ананьинской общности пьяноборской и гляденовской знаменует распад финно-пермской общности на пракоми и праудмуртскую. А.Х.Халиков считает гляденовскую общность общепермской, так как «на базе гляденовской культуры какие-либо культуры кроме ванвиздинской не формируются, ибо мнение об участии гляденовских племен в развитии ломоватовских и поломских культур более чем спорно» [Халиков, 1985. С. 11]. Существует гипотеза и об угорской этнической принадлежности гляденовской культуры [Белавин, 1996. С. 61]. Критика концепции А.Х.Халикова содержится в ряде работ Р.Д.Голдиной [Голдина, 1999. С. 204–205]. Большинство исследователей отвергается и гипотеза А.М.Белавина [Мельничук, Лепихин, 2004. С. 56–59]. На ЕСВ формирование двух культур гляденовской общности – джудждыгской и пиджской, вероятно, знаменует начало интеграции пракоми общности в бассейне Вычегды и угро-самодийской – в бассейне Печоры.

В конце V–VI вв. н.э. на ЕСВ появляются памятники, резко отличающиеся как от предшествующих, так и последующих эпох. К ним относятся Веслянский I, Борганьельский, Юванаягский и Шойнаягский могильники, расположенные на Выми, Нившере и Сыsole. На этих могильниках наряду с грунтовыми выявлены хронологически более ранние погребения под небольшими насыпями. Они сопровождаются боевым оружием (мечами, кинжалами), ножами в серебряной обкладке, оборонительными доспехами (кольчугами), железными котлами, богатыми поясными наборами с серебряными деталями с позолотой, украшенными сканью и зернью, золотыми и серебряными нартниками и наглазниками, сасанидскими серебряными монетами, богатыми ожерельями бус из янтаря, горного хрусталя и сердолика, многочисленными культовыми изделиями, представленными бронзовыми цельнолитыми коньками, полыми фигурками медведей, хищных птиц, утку-лосей и др. Особый интерес представляют обломок серебряного ритона с изображением головы быка и деревянная чаша (ковш) с ручкой в виде скульптуры медведя из Веслянского I могильника [Савельева, 1979. С. 91–96]. Полихромные изделия, золотые и серебряные нартники и наглазники имеют аналогии в древностях Северного Причерноморья. Погребения под курганными насыпями, с исключительно богатым вещевым инвентарем, включающим боевое оружие, богатые поясные наборы, свидетельствуют о высоком статусе погребенных. Наиболее вероятно, что это погребения дружинников и дружинной знати. В VII в. курганный обряд постепенно исчезает.

Могильники веслянского типа в бассейне Вычегды обнаруживают близость памятникам бродовского этапа неволинской и харинского этапа ломоватовской культуры в Северном Прикамье, появление кото-

рых исследователи связывают с движением кочевников-гуннов из Центральной Азии. В Северном Прикамье памятники харинского типа связываются с саргатским населением из лесостепной зоны Западной Сибири, этническая принадлежность которого не является бесспорной. Хотя в научной литературе преобладает гипотеза об угорской принадлежности саргатской культуры, но существуют и другие – об ираноязычном, самодийском, угорско-иранском этносе ее носителей [Голдина, 1989. С. 25]. В настоящее время Р.Д.Голдина не исключает, что в составе мигрантов были небольшие группы позднесарматского населения, хотя основную часть его составляли угры [Голдина, 1999. С. 277]. В этой связи представляет интерес возрожденная идея А.П.Смирнова о сарматском происхождении харинских древностей, обоснованная в результате анализа харинской поясной гарнитуры Ф.В.Овчинниковым [Овчинников, 2005. С. 47–53]. Возможно, к этому времени относятся иранские заимствования, сохранившиеся в коми языке и отсутствующие в удмуртском: «бурьсь» грива, «vapes» овца, «вурун» шерсть (овечья), «мегарин мего» баран, барашек, «небӧг» книга (письмо), «нямӧд» портянки, «тасма» ремень, «зон» сын, «шайт» рубль. Эти слова связаны с занятиями населения коневодством, овцеводством, развитием обмена и торговли. Именно с приходом южного степного населения в конце V в. н.э. на ЕСВ связано начало развития животноводства, появление зачатков земледелия, первых металлических денег в виде бронзовых стержней, найденных на могильниках веслянского типа. Т.И.Тепляшина и В.И.Лыткин объясняют сохранившиеся иранские заимствования в коми языке тем, что «они утрачены в удмуртском языке или же они попали в коми языка в силу определенного географического положения носителей его» [Основы финно-угорского языкознания, 1976. С. 218].

Немногочисленные группы мигрантов и в Северном Прикамье, и на ЕСВ были ассимилированы местным гляденовским населением. В Волго-Камье в V–IX вв. сформировались новые археологические культуры, финноязычные по этнической принадлежности: в бассейне р. Сылвы – неволинская, в Верхнем Прикамье – ломоватовская, на правобережье верхнего течения р. Чепцы – полумская [Голдина, 1989. С. 25]. На ЕСВ в итоге взаимодействия местного и пришлого населения формируется ванвиздинская культура, датируемая VI–X вв. В научной литературе существует несколько точек зрения на проблему генезиса и этнической принадлежности ванвиздинской культуры. А.П.Смирнов отмечал сходство ванвиздинской керамики с ананьинской [Смирнов, 1928. С. 472–479]. Л.П.Лашук в ранней работе высказал предположение о древневепсской принадлежности ванвиздинской культуры [Очерки по истории Коми АССР, 1955. С. 28], которое было поддержано В.А.Обориным [Бадер, Оборин, 1958. С. 163]. В монографии, посвященной формированию народности коми, Л.П.Лашук, с учетом новых археоло-

гических материалов, склоняется к пермской этнической атрибуции ванвиздинской культуры [Лашук, 1972. С. 27–29].

В конце 50-х – 60-е гг. прошлого столетия возникли две концепции генезиса и этнической принадлежности ванвиздинской культуры. Согласно первой, она сформировалась на основе предшествующей гляденовской путем ассимиляции ее бичевническими угорскими племенами Нижнего Приобья [Буров, 1965. С. 189], согласно второй – ванвиздинские памятники на Печоре оставлены летописной печерой, пермской по своей этнической принадлежности [Канивец, 1964. С. 133–134].

В начале 1970-х гг. была выдвинута гипотеза о древнекоми принадлежности ванвиздинской культуры [Савельева, 1971. С. 147, 148], поддержанная в дальнейшем В.А.Обориным, Р.Д.Голдиной и др. [Оборин, 1969. С. 165; Голдина, 1987. С. 15, 19; 1989. С. 25]. А.Х.Халиков считал ванвиздинскую культуру общепермской [Халиков, 1985. С. 9–11].

Особую позицию по проблеме генезиса и этнической принадлежности ванвиздинской культуры занимает А.М.Мурыгин. По его мнению, генетической основой вымской культуры перми вычегодской являются памятники типа Тохтинского поселения на нижней Вычегде, которое он исключает из круга ванвиздинских памятников. Ванвиздинская же культура, по его мнению, «представляла собой продукт многослойного синтеза, пермский компонент которого был не единственным и вряд ли определял существенным образом облик культуры» [Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984. С. 27]. По мнению автора данной статьи, Тохтинское поселение характеризует нижневычегодский вариант ванвиздинской культуры [Савельева, 1971. С. 148].

В настоящее время исследованы поселения финального этапа ванвиздинской культуры, датируемые IX–X вв. н.э., которые хронологически смыкаются с нижней датой вымской культуры – поселение Лозым на Сысоле [Чеснокова, 1983] и Угдым II на Вычегде [Королев, 2002. С. 6–17; 1984. С. 13–14]. Они дают неопровержимые свидетельства генетической преемственности ванвиздинской и вымской культур, что проявляется, прежде всего, в наиболее массовом материале – керамике. Комплекс керамики поселений Угдым II и Лозым по форме, технологии изготовления, орнаменту имеет как поздневанвиздинские признаки, так и черты, присущие керамике перми вычегодской [Королев, Савельева, 1988. С. 9–18]. Керамика сопровождается выразительным комплексом металлических изделий, датируемых IX–X вв. [Королев, Савельева, 1988. С. 18–20]. Генетическая преемственность ванвиздинской и вымской культур прослеживается и в погребальной обрядности [Королев, 1985. С. 35–44].

Вымская культура, датируемая XI–XIV вв., принадлежит непосредственным предкам коми-зырян, что засвидетельствовано и письменными источниками [Савельева, 1971. С. 148–157]. Памятники перми

вычегодской исследованы в долине Выми, средней и нижней Вычегды, на Лузе, Сыsole и Вашке. В рамках единой культуры выделяются шесть локальных вариантов, соответствующих территориально-племенным объединениям: вымский, средневычегодский, нижневычегодский, удорский, верхнесысольский, прилузский. В настоящее время наиболее изученными остаются вымские памятники [Савельева, 1987]. В долине Выми известно 16 могильников перми вычегодской, на которых вскрыто более 1100 погребальных комплексов, а также одно поселение. Здесь расположены самые крупные некрополи перми вычегодской, содержащие по несколько сотен погребений. На нижней Вычегде известно четыре могильника, из которых исследовано два (Ленский и Чожтыягский), на средней Вычегде – святилище и пять могильников, насчитывающих до двух десятков погребений.

Наименее изученными остаются удорские, прилузские и сысольские памятники. На Удоре частично исследован только один могильник (Вильгортский), на Лузе – два могильника (Лоемский и Векшорский) и Лоемское поселение, на Сыsole – два могильника (Усть-Сысольский и Вотчинский). Прилузские памятники относятся к различным культурам. Векшорский могильник близок памятникам перми вычегодской и, вероятно, оставлен лузской пермцей [Савельева, Игушев, 1998. С. 146–159]. Лоемский могильник и, вероятно, поселение принадлежат пришлой прибалтийско-финской группе населения, в культуре которого прослеживается древнерусский компонент [Савельева, 1995б. С. 92–138].

На Сыsole также выделяются две группы памятников. Исследованные Н.Н.Чесноковой Ужгинский I, II могильники относятся к культуре перми вычегодской и представляют ее верхнесысольский вариант, Вотчинский могильник (исследован Т.В.Истоминой) отличается определенным своеобразием. Хронологически он близок памятникам средневычегодского варианта культуры перми вычегодской, по погребальному обряду и вещевому инвентарю – камско-вятским. По мнению Т.В.Истоминой, на рубеже I–II тыс. н.э. на юге современной Республики Коми существовала территориальная группа населения, оставившая памятники, близкие родановским, чепецким и древнемарийским [Истомина, 1999. С. 99]. Это предположение не лишено оснований и подтверждается данными и антропологии, и языкознания. Материалы Вотчинского и, возможно, Усть-Сысольского могильника позволяют предполагать существование своеобразного нижнесысольского территориально-племенного объединения, занимавшего, возможно, промежуточное положение между вымско-вычегодскими и прикамскими коми, о чем писал Н.Н.Чебоксаров, который рассматривал сысольско-прилузских коми в качестве связующего звена между северными и южными (верхнекамскими) коми [Чебоксаров, 1946. С. 67].

Данные антропологии, лингвистики, топонимики, этнографии, археологии свидетельствуют об участии в сложении коми-зырянского этноса прибалтийских финнов. Все антропологи отмечают европеоидность коми-зырян, что отличает их от других пермских народов – коми-пермяков и удмуртов. Большинство исследователей связывают этот факт с прибалтийско-финским компонентом в этногенезе коми-зырян. Н.Н.Чебоксаров писал, что «светлые европеоиды связаны с Прибалтикой, а не с Приуральем. Легко допустить, что беломорский и балтийский расовые типы проникли на территорию Коми АССР с запада, распространяясь вдоль рек Северодвинского и Мезенского бассейнов» [Чебоксаров, 1946. С. 67]. Прибалтийско-финский компонент особенно ощутим в северо- и юго-западных районах современного расселения коми-зырян – на Удоре, нижней Вычегде, Лузе, особенно в наиболее консервативном элементе традиционной культуры – погребальной обрядности.

На Вильгортском могильнике, расположенном на Вашке, 76% от числа раскопанных погребений совершены в срубках, что сближает их с могильниками заволочской чуди, вепсов, карел [Савельева, 1995а. С. 42; 1998. С. 126]. Нижневычегодский Ленский могильник также отличается большим своеобразием погребального обряда. На нем наряду с небольшими грунтовыми ямами вскрыты могильные ямы больших размеров, в которых погребения совершены в сгоревших или обуглившихся домовинах на столбах, покрытых берестой. Прямые аналогии ленскому обряду погребения автору не известны. Некоторая близость обнаруживается с памятниками прибалтийско-финского населения Северо-Западной Руси, Южного и Восточного Приладожья, могильниками летописной веси, древней корелы, а также – заволочской чуди [Савельева, 1971. С. 96–101; 2005а. С. 91–103]. Лоемский могильник на Лузе оставлен прибалтийско-финской группой населения, в культуре которого прослеживается древнерусский компонент [Савельева, 1995б. С. 92–138].

Прибалтийско-финский компонент в этногенезе коми-зырян не оспаривается и лингвистами. Различные точки зрения существуют лишь о времени начала прибалтийско-финских и коми контактов. По мнению А.И.Туркина, они относятся ко времени не ранее XI в., А.-Р.Хаузенберг полагает, что они начались значительно раньше.

Не вызывает сомнений и древнерусский (русский) компонент в культуре перми вычегодской. В настоящее время получены новые материалы, позволяющие проследить механизм проникновения древнерусского воздействия на культуру перми вычегодской. По материалам могильников было установлено, что массовый приток древнерусских украшений отмечается с XII в. Предполагалось, что они попадают на ЕСВ от новгородцев, взимавших дань и осуществлявших также торговые операции.

Дальнейшие исследования показали, что в XII в. на ЕСВ появляются древнерусские поселения. В настоящее время на Вычегде, Выми и Сыsole их известно четыре, три из которых укрепленные [Савельева, 2005б. С. 458–459]. Новейшие археологические исследования позволяют проследить прогрессивные изменения, происходившие под влиянием древнерусской культуры в экономике перми вычегодской: в земледелии начинается использование железных почвообрабатывающих пахотных орудий, в кузнечное производство внедряются передовые технологии. Привозные украшения становятся источником для изготовления копий местными мастерами, нередко перерабатывающими их в соответствии со своими традициями и вкусами. Древнерусский компонент стал составной частью культуры перми вычегодской, в значительной мере определивший ее специфику.

Заметный след в культуре перми вычегодской оставила Волжская Болгария. На памятниках вымской культуры встречаются болгарские серебряные ювелирные изделия, реже – предметы быта, оружие. Однако на ЕСВ, в отличие от Прикамья, нет болгарских поселений, не встречается болгарская керамика, что является свидетельством торгового характера связей с булгарами, более вероятно, опосредованного – через древних коми-пермяков (родановцев).

Таким образом, северные и южные коми оказались в сфере воздействия двух различных миров (первые – прибалтийско-финского и древнерусского, вторые – тюркоязычного болгарского), что не могло не привести к углублению различий между двумя родственными народами [Савельева, 1995а. С. 41]. Возможно, к этому времени относится проникновение булгаризмов в коми язык. Как указывалось выше, по мнению Р.Насибуллина, они могли попасть в коми язык в результате торговых связей, а также через посредство удмуртов уже в то время, когда коми жили в бассейне Вычегды.

Период культуры перми вычегодской (XI–XIV вв.) характеризует начальный этап формирования народности коми, происходящего на базе территориально-племенных объединений, упоминаемых в письменных источниках: вычегжан, вымичей, сысоличей, ужгинских сырьян и т.д. Характерными чертами народности являются общность языка, территории и культуры. О древнепермском языке дают представление памятники древнепермской письменности XIV–XVII вв. Он распадался на несколько территориальных диалектов: нижневыхогодский, вымский, удорский и сысольский. На основе этих диалектов в XV–XVII вв. возникает современный коми-зырянский язык. Постепенно складывалась и общность территории. В «Житии Стефана Пермского», а также в источниках XV в. очерчивается ареал обитания вычегодских пермян – это, прежде всего, бассейн Вычегды с ее притоком Вымью, который являлся центром Пермской земли, а также Вашка, Луза, Пинега. В

настоящее время археологические памятники перми вычегодской на Пинеге не известны. Культура перми вычегодской в XI–XIV вв. была представлена несколькими локальными вариантами, отражающими территориально-племенные различия между различными группами коми-зырян: нижневыходскими, средневыходскими, вымскими, удорскими, прилузскими, верхнесысольскими. Нижнесысольские коми, судя по материалам Вотчинского могильника, занимали промежуточное положение между северными и южными коми. Завершение формирования народности коми-зырян Л.П.Лашук относит к XVIII в. [Лашук, 1972].

Литература и источники

- Аксанова Г.А., Аксянов Е.А. Сравнительная статистическая оценка антропологического разнообразия финно-угров // Антропология современных финно-угорских народов. М., 2000. С. 165–266.
- Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997.
- Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973.
- Ашихмина Л.И. К вопросу о формировании лебяжской культуры // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар, 1993 (МАЕСВ; Вып. 12).
- Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
- Белавин А.М. О роли угров в этнической истории Верхнего Прикамья // XIII УАС. Пермь, 1996.
- Буров Г.М. Вычегодский край. М: Наука, 1965.
- Буров Г.М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967.
- Буров Г.М. Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Сыктывкар, 1968.
- Буров Г.М., Серебренников Б.А. Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических и лингвистических данных // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus 17 (3-4). P. 301–320 (1967).
- Васкул И.О. Европейский Северо-Восток в эпоху раннего железного века (конец I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 1994.
- Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар, 2002. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 451).
- Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. Серия гуманитарных наук, вып. 2. Казань, 1959.
- Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV.
- Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск, 1987. С. 6–36.

Голдина Р.Д. Этническая история пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 24–26.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4.

Житие Святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897.

Истомина Т.В. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). Сыктывкар, 1999. (МАЕСВ; Вып. 16).

Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964.

Канивец В.И. Печорское Приуралье. Эпоха раннего металла. М., 1974.

Королев К.С. Погребальный обряд населения средней Вычегды в эпоху раннего железа и средневековья // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 35–44. (Тр. Ин-та языка, литературы и истории Коми фил. АН СССР; Вып. 36).

Королев К.С. Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде. Сыктывкар, 2002. С. 6–17.

Королев К.С., Савельева Э.А. Генезис средневековых культур бассейна Вычегды (II пол. I тыс. н.э. – начало II тыс. н.э.). Сыктывкар, 1988. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО АН СССР; Вып. 192).

Лашук Л.П. Первобытно-общинный строй на территории Коми АССР // Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. С. 6–30.

Лашук Л.П. Происхождение народа коми (научно-популярный очерк). Сыктывкар, 1961.

Лашук Л.П. Формирование народности коми. М.: Изд-во МГУ, 1972.

Лыткин В.И. Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкознания, 1953. № 5.

Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957.

Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

Марк К. Ю. Антропология волжских и пермских финно-угорских народов. М., 1964.

Марк К.Ю. Антропология пермских финнов в связи с вопросами их этногенеза // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

Марк К. Антропология пермских финнов в связи с вопросами этногенеза // Антропология современных финно-угорских народов. М., 2000. С. 153–164.

Матвеев А.К. Историко-этимологические разыскания // Ученые записки Уральского университета. Свердловск, 1960. Вып. 36: Языкознание.

Матвеев А.К. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // Советское финно-угроведение, 1968. № 4. С. 27–37.

- Матвеев А.К. Топонимические этимологии // Советское финно-угроведение, 1969. № 4. С. 299–304.
- Матвеев А.К. Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Свердловск, 1984.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2001. Ч. I; Екатеринбург, 2004. Ч. II.
- Мельничук А.М., Лепихин А.Н. Гляденовский и кулайский мир: проблема их соотношения // Оборинские чтения. Пермь, 2004. Вып. 3.
- Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб.: Наука, 1999.
- Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры на Мезени. Екатеринбург, 2001.
- Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. (Науч. докл. / Коми филиал АН СССР; Вып. 105).
- Насибуллин Р.Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской общности // Вордском Кыл. Ижевск, 1992. № 2.
- Оборин В.А. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С.156–166.
- Овчинников Ф.В. О происхождении хаоринской поясной гарнитуры (к вопросу об истоках культуры харинского типа) // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005. (МАЕСВ; Вып. 17).
- Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976.
- Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955.
- Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока европейской части России. Сыктывкар, 1996.
- Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971.
- Савельева Э.А. Хронология погребальных комплексов // КСИА АН СССР. М., 1979.
- Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
- Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья: Науч. докл. на соиск. уч. степ. д-ра истор. наук. М., 1995а.
- Савельева Э.А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995б. (МАЕСВ; Вып. 13).
- Савельева Э.А. Удорские памятники эпохи средневековья // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. (МАЕСВ; Вып. 15).
- Савельева Э.А. Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005а (МАЕСВ; Вып. 17).
- Савельева Э.А. Основные итоги изучения эпохи средневековья на Европейском Северо-Востоке // История, современное состояние, перспек-

тивы развития языков и культур финно-угорских народов (Материалы III Всероссийской конференции финно-угроведов, 1-4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005б.

Савельева Э.А., Игушев А.Р. Векшорский могильник // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. (МАЕСВ; Вып. 15).

Серебренников Б.А. О гидронимических формантах -нья, -юга, -уга и -юг // Советское финно-угроведение, 1966. № 1.

Смирнов А.П. Ванвиздинская дюнная стоянка // ТСАРАНИОН, 1928. Вып. IV.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА, 1952. № 28.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век Северного Приуралья: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 1992.

Талицкий М.В. К этногенезу коми // КСИИМК, 1941. Вып. IX.

Теплоухов Ф.А. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Пермь, 1893. Т. II.

Теплоухов А.Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского Общества любителей естествознания. Свердловск, 1924. Вып. 39.

Туркин А.И. Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики. Таллин, 1985а.

Туркин А.И. Топонимия Коми АССР: Автореф. дис. ... д-ра филол.наук. М., 1989.

Хаузенберг А.-Р. Рец. на: R. Bartens, Permifistien kielten rakenne ja kehitys, Helsinki 2000 (MSFOu 238) // Linguistica uralica, 2002. Т. XXXVIII. № 4.

Халиков А.Х. Проблемы этногенеза пермских финнов. Казань, 1985.

Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

Хартанович В.И. Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сборник МАЭ, 1991. Т. 44. С. 108–126.

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М, 1982.

Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография, 1946. № 2.

Чеснокова Н.Н. Ванвиздинская археологическая культура: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1983.

Hausenberg A.-R. Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalisia yhteispiirteitä // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. P.IV. Jyväskylä, 1995. S. 180–182.

Список сокращений

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР

МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МКФУ – Международная конференция финно-угроведов
УАС – Уральское археологическое совещание
ТСАРАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации
научно-исследовательских институтов общественных наук
CIFU VIII – Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum I-VIII.
Jyväskylä 1995

М. В. Кленов*

**Пермь вычегодская. К проблеме формирования
населения Коми края в эпоху средневековья**

В настоящей работе автор не ставит перед собой задачи проведения историко-демографического или палеодемографического анализа процесса формирования населения на территории Коми края в период XI–XIV вв. в их традиционном понимании. Предлагаются историко-демографическая *оценка* ситуации на основе имеющегося комплекса археологических источников и построение *вероятной модели* системы расселения**. Подобные процедуры используются в демографических исследованиях и связываются с понятиями «условное», «модельное или гипотетическое» население.

Интерес к данной проблематике вызван активно проводящимися на территории Русского Севера, в Поволжье и Приуралье работами, давшими интереснейший материал по истории населения XI–XIII вв. [Макаров, 1990, 1997; Иванова, 1992, 1998, 1999], а также необходимостью получения новых данных, дополняющих характеристику демографических процессов, протекавших на севере Восточной Европы в эпоху средневековья.

Работы историко-демографической направленности, посвященные ранним этапам истории Европейского Северо-Востока (и Коми края в частности), до недавнего времени практически отсутствовали, что объясняется недостатками источниковедческой базы, имеющейся в распоряжении исследователей***. Предварительные оценки численности населения ЕСВ, встречающиеся в литературе, базировались, в основном, на данных немногочисленных письменных источников конца XV–XVI вв. и историко-демографических оценках по сопредельным территориям (Прикамью), что давало, на наш взгляд, завышенные результаты.

*Клёнов Михаил Викторович (Сыктывкар) – научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, специализируется в области археологии Европейского Северо-Востока эпохи средневековья.

**В работе используется комплекс археологических источников, доступный в настоящее время. Все данные содержатся в публикациях или были получены автором в ходе проведения самостоятельных экспедиционных исследований. Случайные находки, отдельные погребения и неподтвержденные данные о существовании памятников в работе не учитываются.

*** Первые попытки совместных работ историков и археологов в русле историко-демографической направленности были предприняты в последние годы [Жеребцов, Королев, 2000; Жеребцов, Кленов, 2002; Кленов, 2004].

Общая численность населения края определялась «не более 3–4 тыс. человек»*.

В целом, в российской и региональной историографии в результате активной публикации материалов археологических исследований, проводившихся на территории ЕСВ к концу 90-х гг. XX в., сформировался определенный, устоявшийся стереотип решения проблемы формирования финно-угорского населения на территории ЕСВ в эпоху средневековья.

Согласно существующей концепции, «консолидированный» массив финно-угорского населения, известный в литературе как «пермь вычегодская», формируется в XI в. на основе ванвиздинской АК и занимает обширную территорию, включающую бассейн нижней и средней Вычегды с притоками Вымь, Яренга, Сысола, а также Прилузье и бассейн р. Вашка**. Основным районом концентрации населения периода XI–XIV вв. считается долина Выми.

Всего по имеющимся данным на территории ЕСВ известно не менее 35 могильников и, предположительно, около 15 поселенческих памятников, относящихся к рассматриваемому периоду***.

Наиболее представительную (и изученную) группу составляют погребальные памятники, предоставляющие исследователям возможность получения максимального объема данных по проблематике (от определения времени и места обитания до антропологических харак-

*Следует отметить, что расчет численности населения Коми края в XI–XIV вв. на основании данных, полученных прикамскими исследователями, является не совсем корректным из-за разного объема источниковедческой базы, имеющейся в распоряжении исследователей. На территории распространения памятников Родановской культуры известно свыше 300 поселений, 70 могильников, изучено около 14 тыс. погребений. На территории распространения памятников перми вычегодской известно не менее 35 могильников (около 2,5 тыс. погребений – изучено около 1,5 тыс. комплексов) и, предположительно, около 15 поселенческих памятников.

**Ванвиздинская АК датируется VI–VIII вв., основная масса памятников расположена на Вычегодско-Мезенской равнине (Археология Республики Коми, 1997). Поздний период IX–X вв. (переходный) документируется материалами поселений Лозым и Угдым.

***Могильники имеют различные размеры: малые – до 42, средние – до 68, крупные – до 400 погребений. К числу наиболее крупных поселенческих памятников относятся Пожегское (около 1,8 тыс. кв. м) и Карыбйвское (около 1 тыс. кв. м) городища, поселения Жигановское (около 2–2,5 тыс. кв. м) и Гуль-Чунь (около 0,8 тыс. кв. м). На Жигановском поселении зафиксированы остатки не более 3–4 жилых построек. Максимальное количество одновременно проживающего населения – не более 40 чел., Гуль-Чунь – не более 2–3 жилых построек, Карыбйвское городище – не более 2.

теристик) [Алексеев, 1989; Долуханов, 1978; Черносвитов, 1989]. К сожалению, до сих пор отсутствуют полные публикации материалов нескольких наиболее значимых погребальных памятников (Жигановского, Кокпомъягского, Чежтыягского и, частично, Кичилькосьского I могильников).

Общее количество погребений составляет около 2450, из них раскопано около 1560 (опубликовано не более половины исследованных погребальных комплексов), антропологические определения отсутствуют.

На основании данных по средневековым погребальным памятникам ЕСВ, приведенных в работах исследователей [Савельева, 1987; Савельева, Истомина, Королев, 1997; Савельева, Истомина, Королев, 1999] можно говорить о следующих основных этапах формирования населения на территории распространения памятников перми вычегодской:

1) XI в. – начальный этап. Характеризуется открытыми в южных районах небольшими могильниками – Усть-Сысольский и Вотчинский (связываемые с населением, близким населению Прикамья), к концу XI в. – рубежу XI–XII вв. относятся небольшие могильники на средней Вычегде (4 могильника – 44 погребения) и отдельные погребения вымских могильников (Кичилькосьский I, Жигановский).

2) Этап территориального роста. Середина – конец XII в. характеризуется появлением и распространением небольших (до 40 погребений) могильников (предположительно 12 памятников) в долине Выми.

3) Рубеж XII–XIII – XIII в. Концентрация и укрупнение памятников, в основном, в среднем течении Выми, прекращение функционирования средневычегодских памятников.

4) XIV в. Прекращение функционирования вымской группы памятников, появление могильников на Лузе и Мезени.

В целом, приведенная схема мало подходит для характеристики «консолидированного» массива финно-угорского населения. Следует отметить, что внутри данной схемы скрыты несколько важных проблем.

Одним из наиболее важных и довольно спорных моментов является определение начального периода существования перми вычегодской. Особенно актуальным этот вопрос стал в последние годы, когда в работах российских археологов все чаще приводятся факты более длительного существования многих типов вещей, являвшихся прежде надежными хронологическими маркерами. Примером может являться использование в качестве «хронологических маркеров» таких изделий, как: крестопрорезные бубенчики (бытуют до 1134 г. и позднее), калачевидные кресала различных типов (до 1177 г. и позднее), битрапециодные бусы разных типов (до 1134 г. и позднее), широкосрединные «усатые» перстни (X – начало XIII в.), бронзовые флаконовидные бусы, монетные находки

(встречаются в погребениях второй половины XII, иногда XIII в.) [Потин, 1982; Седова, 1981; Лесман, 1988; Рябинин, 2001 и др.].

К наиболее ранней хронологической группе, датируемой XI в., отнесены Усть-Сысольский, ранние комплексы Кичилькосьского I и других вымских могильников, большая часть могильника Шойнаты II [Савельева, 1999. С. 339]. Проведенный автором анализ опубликованных материалов позволил высказать предположение об отсутствии на памятниках (исключая Усть-Сысольский и Вотчинский могильники*) погребений, датируемых первой половиной XI в. (полностью отсутствуют наборы предметов, характерных для данного периода). Датировка по **отдельным** находкам предметов, время бытования которых, в основном, заканчивается в данный период, не может являться надежной. Таким образом, наличие в погребальных комплексах единичных «ранних» предметов совсем не гарантирует «раннюю» дату погребения и, следовательно, можно говорить лишь о возможности существования отдельных комплексов конца XI в. на могильниках Кичилькосьском I, Жигановском и Шойнаты II**.

Вторая проблема связана с основным районом формирования средневекового населения края. Проведенный картографический анализ данных по археологическим памятникам рассматриваемого периода подтверждает, что их основная концентрация наблюдается в долине р. Вымь, что позволяет рассматривать данный регион в качестве основного места расселения «перми»***.

На данной территории известен 21 памятник, из них 16 могильников (50% от общего количества). На могильниках насчитывается около 1820 погребений (74,5% от общего количества), из них раскопано – 1167 (74,7% от общего количества и 64% от количества погребений в долине Выми). Девять могильников имеют незначительные размеры и насчитывают от 7 до 42 погребений (всего 223 погребения датируются временем до XIII в., рубежом XII–XIII – XIII вв.), семь могильников насчитывают от 105 до 400 погребений (1597 погребений, верхняя дата функциони-

*Указанные могильники располагаются в долине р. Сысола и ее устьевой части, близки по комплексам вещевого инвентаря и, вероятно, могут «документировать существование территориальной группы населения, оставившей памятники, близкие синхронным памятникам Прикамья – родановским, чепецким, а также древнемарийским» (Истомина, 1999. С. 99).

**Это предположение не противоречит общей датировке могильника Шойнаты II – XI–XII вв. (Королев, 1979).

***Расчет численности населения по погребальным памятникам в других районах ЕСВ дает настолько незначительные результаты, что в данной работе не используется. Максимальное количество населения было рассчитано для могильников нижней Вычегды – 71–84 чел.

рования – XIII–XIV вв.). Общая протяженность зоны распространения памятников составляет около 220 км, район наибольшей концентрации – около 135 км. Максимальная зона распространения малых могильников составляет около 220 км, крупные могильники концентрируются на участке протяженностью около 90 км.

Наиболее ранние комплексы могут, предположительно, датироваться временем не ранее конца XI в. Расстояние между Кичилькосьским I и Жигановским могильниками, где встречены данные погребальные комплексы, составляет около 43 км. Комплексы XII в. присутствуют практически на всех вымских могильниках. Картографирование памятников и определение расстояния между ними показывают, что среднее расстояние между могильниками, содержащими комплексы XII в., составляет восемь–десять километров. Погребальные памятники, содержащие комплексы XIII в., концентрируются, в основном, на участке протяженностью около 60 км (д. Весляна – с. Шошка). Зона распространения комплексов XIV в. составляет около 42 км (с. Кони – с. Шошка).

Таким образом, представленная картина размещения погребальных памятников первой половины II тыс. н.э. в долине Выми позволяет предложить следующую модель возможного формирования населения в данном районе.

Исходя из положения, что пермь вычегодская сформировалась на основе ванвиздинской культуры, следует отметить факт отсутствия на участке основной концентрации вымских могильников ванвиздинских памятников. Основной массив памятников ванвиздинской культуры расположен на средней Вычегде и в долине Мезени. Датируются они, в основном, временем не позднее VIII в. н.э. В среднем течении Выми к ванвиздинской культуре относятся комплекс памятников в районе д. Весляна и Евдино, датируемый временем не позднее VIII в., и небольшой металлообрабатывающий комплекс на Жигановском поселении. Наиболее близкими территориально памятниками рубежа I–II тыс. н.э. являются поселения Ошчой I и Чернутаевское на Мезени, отражающие процесс взаимодействия прибалтийско-финских, возможно, древневепсских и восточно-финских групп населения в ходе освоения бассейна Мезени в X–XI вв. [Мурыгин, 1998. С. 106–107]. Следовательно, говорить о возможности обитания стабильного автохтонного населения в среднем течении Выми до момента ранее конца XI в. в настоящее время не представляется возможным. Изложенные выше, даже в самом общем виде, данные позволяют предполагать, что в конце XI в. или на рубеже XI–XII вв. в долине Выми появляется небольшая группа населения, осевшая в районе порогов Кичилькось и д. Жигановка. На протяжении XII в., в силу естественного прироста или миграций, численность населения увеличивается, растет зона освоенной территории – до 220 км (свидетельством чего является увеличение количества могильников –

не менее 13 могильников). Для данного периода можно произвести приблизительный оценочный расчет возможного количества населения*.

При расчете по уровню смертности (за основу принимается уровень 3% в год) результат – 133 чел., при расчете на данных предполагаемой продолжительности жизни (формула Г. Ачади и И. Немешкери) – 150 чел. Полученные результаты (133–150 чел.) следует воспринимать не в качестве точного количества населения, а как *возможный средний уровень населения с минимальным положительным коэффициентом прироста*.

Рубеж XII–XIII вв. характеризуется новыми изменениями в системе расселения обитателей долины Выми. Сокращается до 90 км зона распространения погребальных памятников. Прекращают функционировать семь малых могильников, происходит укрупнение могильников на участке Кичилькось – Шошка. В течение первой половины XIII в. на данном участке формируется устойчивая группа памятников, включающая до восьми могильников и, предположительно, не менее четырех поселений (городища Пожегское и Поп-кар, Ыджыдзельское и Жигановское поселения).

При расчете возможного среднего количества населения за период XIII–XIV вв., при уровне смертности 3% в год результат – 232 чел., при расчете по формуле Г. Ачади и И. Немешкери – 263 чел. При аналогичных расчетах за период XIII в. результат – 330 и 356 чел. Таким образом, можно предположить, что период начала – середины XIII в. характеризуется максимальным количеством населения, сконцентрированным на небольшой территории, центром которой является комплекс поселений. Данный факт тесно связан с одним из важнейших исторических процессов, сыгравших огромную роль в формировании и развитии средневекового населения всей лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири. В исторической литературе этот процесс известен под названием «древнерусская колонизация». Рост численности населения и его концентрация совпадают с основанием и расцветом Пожегского городища (памятника, имевшего несомненное древнерусское происхождение). Таким образом, можно предположить, что формирование и рост группировки средневекового населения в долине Выми, прежде всего в ее

*В работе использовались методики, применяемые большинством археологов: 1) расчет численности популяции с использованием данных о ежегодной смертности в северных губерниях России за период 1811–1913 гг.; 2) по данным предполагаемой продолжительности жизни (как правило, используется формула Г. Ачади и И. Немешкери ($P=K+\frac{d}{t} \cdot E$)). При этом, не располагая антропологическими определениями возраста погребенных, оперируют средними показателями продолжительности жизни для эпохи средневековья – 30–40 лет, хотя некоторые исследователи используют и другие цифры – от 22 до 29 лет.

среднем течении, неразрывно связан с прохождением по данной территории одного из основных для XII–XIII вв. водноволоковых путей проникновения русских в Зауралье [Савельева, Кленов, 1997. С. 671]. Возможно, что одной из причин увеличения численности вымского населения в данный период могла являться его подпитка за счет мигрантов, привлеченных в новый регион торгово-промысловой активности.

Вероятно, сходными причинами могут объясняться изменения, фиксируемые на карте археологических памятников в других регионах ЕСВ. В долине Сысолы на рубеже XII–XIII вв. возникает небольшое поселение Гуль-Чунь, основная часть материалов которого имеет выраженный древнерусский облик. На средней и верхней Вычегде этим временем датируются находки древнерусской керамики с поселения Угдым II и городище Новик, на нижней Вычегде – городище Карыбйив. К XIII в. в долине Лузы относится возникновение Лоемского комплекса, связываемого с группой пришлого смешанного финно-славянского населения.

Следующий период (вторая половина – конец XIII в.) характеризуется прекращением функционирования Кичилькосьского I могильника, постепенным угасанием комплекса поселений. Можно предположить, что до рассматриваемого времени в регионе господствовало комплексное хозяйство, товарность которого обеспечивалась, в первую очередь, разнообразными промыслами, прежде всего, добычей пушнины и, не исключено, обслуживанием торгового пути. Подобная направленность, вероятно, обусловила размещение населения компактной группой, что предоставляло большую возможность для использования имеющихся незначительных людских ресурсов (прежде всего для промыслов), позволяла концентрировать полученные продукты, облегчало их реализацию. Вероятно, в пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что вымские могильники расположены на расстоянии 8–10 км друг от друга.

Наметившиеся во второй половине – конце XIII в. негативные тенденции развития системы расселения на Выми, вероятно, могут объясняться несколькими причинами: упадком или прекращением функционирования торгового пути через долину Выми, быстрым истощением наиболее важных промысловых ресурсов*.

XIV в. представлен на вымских памятниках настолько незначительным количеством материалов, что исследователи затрудняются говорить о сколь-либо представительной группе погребальных комплексов данного времени. Зафиксированы лишь отдельные погребения на

*Сходная картина изменений в организации системы расселения отмечается исследователями на материалах поселений Кубенского озера и Белоозерья, начиная со второй половины XII в. [Макаров и др., 2000. С. 70-72; Макаров и др., 2001. 496 с.].

Ыджыдьельском и Кокпомъягском могильниках с характерными украшениями XIV в. (многобусинные височные кольца, перстень с солярным знаком). Данное обстоятельство, а также единичные находки рассматриваемого времени в комплексах Пожегского городища и Жигановского поселения, свидетельствуют о серьезных изменениях в организации системы расселения приведших к смене старых мест обитания и, вероятно, сокращению численности населения долины Выми.

Проведенная в рамках данной работы, даже в наиболее общем виде, оценка существующей базы источников XI–XIV вв., позволила высказать предположение о значительно меньшей численности населения, обитавшего в рассматриваемый период на территории Европейского Северо-Востока, и рассмотреть одну из вероятных моделей его формирования. Косвенным подтверждением данной гипотезы могут считаться достаточно безуспешные поиски крупных поселенческих памятников.

Полученные результаты приводят к предположению о несколько ином характере процессов формирования населения ЕСВ в рассматриваемый период. Можно предположить, что картина изменений в системе расселения ЕСВ и, прежде всего, вымского региона является своеобразным отражением основных закономерностей формирования населения всего Севера, определяющим фактором которого являлся процесс русской колонизации. В основе этого процесса лежали переселение небольших групп колонистов, их консолидация в локальные общины, быстрый демографический рост, связанный с освоением новых промысловых земель и торговых путей, и последующий спад, связанный с истощением основных ресурсов, прекращение торговли. Вероятно, кризис торгово-промыслового типа хозяйства на рубеже XIII–XIV вв. явился одной из причин затухания вымского центра и оттока населения в другие районы. Результаты процесса угасания старых центров и формирования новых нашли свое отражение в грамоте великого князя Ивана III жителям Перми Вычегодской 1485 г., из текста которой следует, что основными центрами концентрации населения стали сысольские и нижневыхгодские земли (около 57% населения).

Литература и источники

- Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997. 758 с.
- Алексеев В.П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М.: Наука, 1989. С. 63–90.
- Долуханов П.М. Истоки миграций (моделирование демографических процессов по археологическим данным) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II. С. 38–42.
- Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 258 с.

Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар, 2000. 20 с. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 425).

Жеребцов И.Л., Кленов М.В. Население Европейского Северо-Востока в XI–XVII вв. (опыт демографического моделирования) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002. С. 259–264.

Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992. 184 с.

Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998. 294 с.

Иванова М. Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Урала в средние века. Ижевск, 1999. С. 207–254.

Кленов М.В. Ыджидьельское поселение // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995. С. 82–91 (МАЕСВ; Вып. 13).

Королев К.С. Новый район обитания вычегодских пермян. Сыктывкар, 1979. 48 с. (Науч. докл. / Коми фил. АН СССР; Вып. 46).

Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1997. 386 с.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Зайцева И.Е. Сельские поселения на Кубенском озере в XII–XIII вв. – от расцвета к запустению // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций. Тезисы докладов. М., 2000. С. 65–72.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. 496 с.

Мурыгин А.М. Комплекс позднего железного века поселения Ошчей I на Мезени // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. С. 100–111 (МАЕСВ; Вып. 15).

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Урала в средние века. Ижевск, 1999. С. 255–298.

Потин В. М. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 127–134.

Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб., 2001.

Савельева Э.А. Вымские могильники. XI–XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.

Савельева Э.А., Зеленский В.С. Хронология погребальных комплексов Ыджидьельского могильника // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986. С. 99–118. (МАЕСВ; Вып. 10).

Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997. С. 651–691.

Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Урала в средние века. Ижевск, 1999. С. 299–349.

Седова М.Е. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. 194 с.

Черносвитов П.Ю. Методические приемы моделирования, реконструкций в археологии // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск, 1989. С. 16–32.

*А. В. Коробейников**

Идеи к созданию процессуальной демографической модели городища (водоснабжение и водоотведение)

Демографические исследования доисторических обществ способны пролить свет на целый комплекс вопросов социальной организации. В самом деле, существует множество подходов к интерпретации назначения тех или иных поселений. Исследователи предлагают те или иные типологические схемы, систематизирующие множество населенных пунктов. Однако зачастую простая подстановка расчетных данных численности населения того или иного населенного пункта в реконструированную модель его функционирования способна либо верифицировать такую модель, либо поставить ее под сомнение ее работоспособность. В то же время в практике исследователей пока отсутствует единая методика демографических расчетов, учитывающая в полной мере комплекс параметров поселения – природные условия, естественные оборонительные свойства, экологические качества, археологические следы, народные традиции и т.д. Следовательно, создание такой методики представляется актуальным делом.

Наиболее продуктивным способом исследований исторической демографии представляется именно многофакторное процессуальное моделирование, позволяющее использовать, на первый взгляд, несочетаемые данные, оценивать и обрабатывать их с помощью процедур, принятых не только в истории, но и в точных науках (в том числе, в военной науке), а затем перекрестно проверять полученные выводы. Поэтому формулирование принципиальных подходов к созданию методики моделирования является **предметом** предлагаемого исследования.

В качестве **объекта исследования** выступает доисторическое укрепленное поселение-городище, как явление. Известно, что городища строятся для удовлетворения вполне конкретных и поддающихся логической реконструкции потребностей исторического субъекта, места их возникновения (строительные площадки) расположены закономерно, их жизнь продолжается и завершается под воздействием факторов, мысленное восстановление которых, собственно, и является задачей историка. Почему именно городища? Этот тип поселения наиболее удобен для палеодемографического исследования хотя бы потому, что площадь городища всегда известна – она ограничена оборонительными сооружениями (валами) и естественными препятствиями (откосами).

***Коробейников Алексей Владимирович** (Ижевск) – соискатель Удмуртского государственного университета.

В виде **рабочей гипотезы** предлагается утверждение о возможности создания своего рода «моментальной фотографии» городища, которая способна запечатлеть число всех его жителей. Разумеется, мы должны отдавать себе отчет в определенной условности такого способа фиксации, ведь у нас нет (и никогда не будет) полной уверенности, что все исходные данные, которые мы используем для расчетов и оценок, были синхронны. Тем не менее, использование параметров с большой инерционностью (той же площади, например) может повысить степень определенности выводов.

В **порядке реализации гипотезы** нами рассмотрен комплекс источников, связанных с городищем Иднакар, которое расположено в окрестностях г.Глазов на севере Удмуртии.

Пожалуй, первое упоминание об этом городище в научной литературе XVIII в. (правда, под именем, которое передано в цитированном издании как Илкатар) встречаем у Н.П.Рычкова: «на восточной стороне...реки <Чепцы> на вершине превысокой горы находится старинное городище, укрепленное с западной стороны крутизною горы, с полудня преглубокою долиною, посреди которой течет р.Пиза (Пызеп – А.К.), соединяющаяся с источниками р.Чепцы, <а> с востока крутыми валами, касающимися концами своими высоких берегов вышеупомянутых рек. В нем нет никаких достаточных развалин, кроме некоторого числа бугров, находящихся внутри градского укрепления» [1, с.132]. Тот же автор предпринимает попытку интерпретации одного из городищ, реализуя принцип оценки емкости жилого фонда, который мог быть размещен на обвалованном участке: «Малое его пространство дает случай думать, что валы служили замком какого-нибудь селения, или в нем не было совсем никакого жилища, разве только что древние жители сея земли искали там безопасного убежища во время нашествия своих неприятелей» [1, с. 128].

Современные исследователи Иднакара реализуют тот же принцип оценки ёмкости жилого фонда. Так, М.Г.Иванова утверждает: «На внутренней части городища, где вскрыта половина площадки, выявлено 23 места локализации жилищ разной площади. Совершенно очевидно, что их было гораздо больше. Плотны расположены жилища и на средней части, равной по площади внутренней. Можно предположить, что на внутренней и средней части одновременно могло функционировать не менее 50 жилищ. Если допустить, что в каждом из них обитало 10–15 чел., то получится, что здесь могло проживать 500–700 чел. Кроме того, жилые сооружения были и на внешней части, площадь которой равна сумме внутренней и средней. Но здесь жилища расположены гораздо реже. На наш взгляд, в XII – начале XIII в. в период наивысшего расцвета на городище Иднакар могло проживать до 1000 человек, может быть и больше» [2, с. 227]. Как видно из содержания приведенной

цитаты, использованный способ демографического расчета настолько обременен допущениями, что степень достоверности его результата нельзя полагать достаточной. Тот же автор использует своеобразный «экологический норматив» – 22-24 м² на одного проживающего и приходит к выводу, что «если площадь только внутренней и средней части городища Иднакар составляет 20000 м², то здесь могло проживать более 800 человек» [2, с. 228]. Итак, результаты расчетной численности для внутренней и средней части через ёмкость жилого фонда составили 500-700 чел., а через «экологический норматив» – более 800 чел. Иными словами, разброс значений, приводимых М.Г.Ивановой, составляет 60%. С другой стороны, сам норматив площади 22-24 м² на одного проживающего (который мы назвали «экологическим» – А.К.) в цитированной работе никак не обоснован. Кроме того, зачастую трудно однозначно определить, сколько именно построек из тех, что обнаружены археологами в виде следов, в принципе могли использоваться для жилья. Поэтому плотность построек не обязательно свидетельствует о плотности населения. Сама исследовательница признает что: «определение функционального назначения сооружений представляло определенные трудности, выделение четких критериев не представляется возможным. Чаще всего это производилось *интуитивно* (курсив наш – А.К.) с учетом размеров сооружения, интерьера (наличие очага, нар), системам от столбов, состава находок. Но и эти признаки не абсолютны» [2, с. 31].

Таким образом, задача расчета численности населения городища Иднакар не имеет пока удовлетворительного решения.

А могут ли археологические следы жилищ в принципе быть использованы в качестве исходных данных для такого расчета? Для этого надо сначала решить самостоятельную задачу – установить, сколько жилищ находилось на обследуемой территории на момент, для которого производятся вычисления. Задача эта не так проста, как может показаться. Во-первых, как мы показали выше, исследователям не понятно, какие именно из построек были жилыми, а какие производственными; логично предполагать, что обнаруженные постройки вполне могли и сочетать эти функции. Во-вторых, не ясно, что же считать за признаки одного жилища: провал от очага?, прямоугольное пятно органики?, следы нижнего венца? Даже если мы установим, что за одно жилище (например, наземную срубную хижину) следует считать некоторый комплекс археологических следов, то нет никакой гарантии, что часть жилых построек могла иметь иную конструкцию (например, по типу юрты), и такие жилища (возводимые на случай военной угрозы?) вообще не оставили следов. А если мы условились, что все постройки были бревенчатыми, то каков был показатель повторности жилища, возобновляемого на том же месте? Иными словами, у нас нет уверенности относительно того обстоятельства, стояло ли всякое жилище на

одном месте сотни лет, вращаясь в культурный слой и возобновляясь по мере изгнивания, либо же оно, отслужив свой срок в 30...40 лет, было разобрано, нижние венцы брошены на месте, а рядом построен новый дом. По мнению М.Г.Ивановой, Иднакар был заселен с IX по XIII в. [2]. Но ни одна постройка на грунте столько не простоит, и та или иная модель повторности жилищ даст различное количество построек применительно к конкретному моменту времени. Следовательно, если мы говорим, к примеру, о следах 50 жилищ на некоторой площади, мы не знаем определенно, что все они функционировали синхронно. Разумеется, там, где городище и все его постройки имеют следы одномоментного разрушения (например, в случае пожара) нет сомнения в том, что на момент этого разрушения данные постройки существовали. И в этом случае демографические расчеты через ёмкость жилого фонда были бы вполне оправданы. Наконец, отмечаемая археологами разная плотность жилищ на Иднакаре (она гораздо выше на первоначально обвалованной территории) может быть как результатом многократного возобновления жилищ во внутренней части (на оконечности мыса), так и свидетельством наибольшей привлекательности для заселения именно мысовой части, ибо она наиболее удалена от источника опасности (от поражения стрелами с напольной стороны). Нельзя исключать и того, что часть постоянных построек на защищенной территории могла быть не заселена, а использовалась только в случае военной угрозы аналогично «осадным дворам», хорошо известным из истории древнерусской фортификации. Иначе следовало бы признать, что население окрестных селищ не могло рассчитывать на укрытие за валами в случае опасности и было брошено на произвол судьбы.

Возможно, некоторую ясность может внести логическая реконструкция мотивов исторического субъекта, который огородил трудоёмким (внутренним) валам часть мыса для того, чтобы обеспечить защиту от вполне определенных и известных ему видов угроз – обстрела, штурма и осады (подробнее об этом см. [3]). Логично полагать, что строитель планировал использовать фортификацию с максимальной отдачей. В этой связи закономерным представляется обращение к процессуальному моделированию жизнедеятельности городища.

Источники водоснабжения и потребности выживания

«...и у каждого были под рукою меч и вода...»

[Неемия 4:23]

Археологи изучают городища, расположенные на возвышенностях, уже многие десятки лет, библиография по таким городищам может насчитывать многие сотни наименований книг и тысячи статей. Разумеется, нами изучена лишь малая часть таких публикаций, но даже при таком поверхностном знакомстве бросается в глаза, что исследователи горо-

дищ в массе своей не уделяют внимания вопросу жизнеобеспечения населенного пункта. В частности, вопрос водоснабжения остается за пределами изучения. Попробуем задать себе вопросы: какими ресурсами и расходными материалами должно было обладать население для своего жизнеобеспечения? Не только на случай осады, но и на каждый день первоочередным вопросом было именно водоснабжение. Поэтому попытаемся здесь в основных чертах наметить направления изучения способов водоснабжения населения городища в связи с проблемой палеодемографического расчета.

Количество воды и количество людей. Чтобы показать, насколько важно водоснабжение для боеготовности войск и жизнеобеспечения населения, приведем некоторые нормативные значения.

Принятый в современной Российской армии норматив водоснабжения в качестве минимально допустимой нормы на одного человека (для питья и приготовления пищи на срок не более трех суток) для жаркой погоды указывает 8 л в сутки, для умеренной погоды – 5 л, на одну голову крупного скота – 50 л, на одну голову мелкого скота – 10 л, а на выпечку одного килограмма хлеба предусматривает один литр воды [4, с. 349, табл. 7, 10].

Гуманитарная Хартия в качестве минимальной нормы водоснабжения в зонах стихийных бедствий исключительно для приема внутрь с питьем и пищей для потребностей выживания (без гигиенических потребностей) указывает норматив 2,5-3 л [5, с. 68].

Действовавшие в Советской армии в 50-х гг. прошлого века нормы суточной потребности в воде в литрах предусматривали на одного человека (для питья, приготовления пищи, умывания и мытья посуды): на отдыхе и в обороне на местности, обеспеченной водоисточниками – 10 л; в маневренных боевых условиях – 6 л; в маневренных боевых условиях, когда получение доброкачественной воды затруднено – 3 л (только для питья и одноразового приготовления горячей пищи);

Нормы суточной потребности в питьевой воде в литрах для домашних животных были следующие:

Потребители	Обыкновенная норма	Норма при недостатке воды	Минимально допустимая норма
Лошадь, мул	50	30	20
Осёл	22	14	10
Верблюд*	60	30	20
Крупный рогатый скот	50	50	15
Мелкий скот	8-10	5-5	2-3
Служебные собаки	4	2-3	1-2

*Каждый третий день верблюду следует давать 100 литров воды.

При больших переходах и усиленной работе минимально допустимой нормой можно пользоваться не более 5 суток, а в жаркой местности – не более 3 суток [6, с. 392].

Пользуясь приведенной таблицей, можно рассчитать суточную потребность воинского контингента и защищаемого им населения в воде.

Например: Рассчитать суточную потребность в воде для 20 конных воинов, 50 пеших воинов, 200 гражданских лиц с 25 коровами.

Потребители, их число	Обычная норма	Объем по ней	Минимальная норма	Объем по ней
Воины – 70	10	700	3	210
Лошади – 20	50	1000	20	400
Гражданские лица – 200	10	2000	3	600
Коровы – 25	50	1250	15	375
Итого:		4950		1585

Таким образом, минимально необходимый суточный дебит водоисточника для городища, на котором укрывается вышеописанный контингент, составляет 1585 л. Если же представить, что водоисточника нет, а вода принесена на городище его жителями в ожидании осады, тогда для пятидневного существования на минимальной норме при усиленной работе (а оборона – это, конечно, усиленная работа) им потребовалось бы создать (и постоянно поддерживать и освежать на случай осады) неприкосновенный запас воды минимальным объемом $1585 \times 5 = 7925$ л. Эти без малого 8 тонн воды зрительно можно представить в виде кубической цистерны $2 \times 2 \times 2$ м, а будучи запасенной в трехлитровых горшках или тесах, эта вода заняла бы 2642 горшка. Разумеется, все эти тысячи горшков полностью исключались бы из хозяйственного оборота, так как предназначались они для хранения неприкосновенного страхового запаса воды. Кроме того, необходимо было бы обеспечить прочность этих сосудов на разрыв при замерзании. Обнаружены ли на городищах Севера Евразии цистерны большого объема (пифосы, амфоры и т.п.), или тысячи неприкосновенных горшков?

Можно ли найти следы колодцев на раскопках мысовых городищ?

Для ответа на этот вопрос вспомним, где и как может быть построен такой источник грунтовой воды, как колодец. На рис.1 видно, что шахта колодца прорезает верхний водоупорный слой, достигает водоносного слоя, врезается в нижний водоупорный слой, в котором образует приямок, собирающий воду из увлажненного водоносного слоя. Ведь давление воды в водоносном слое распространяется во все стороны одинаково (на рисунке отмечено крестообразными стрелками).

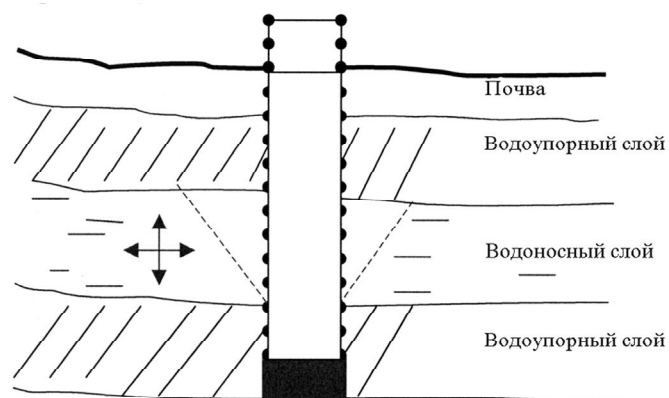

Рис. 1.

Вода движется туда, где ее давление не уравновешено противо-давлением, т.е. в колодец, где ей противодействует лишь сравнительно малое давление атмосферного воздуха. Уровень грунтовых вод пони-жается вокруг шахты колодца воронкообразно, образуя так назы-ваемую депрессионную поверхность (Об этом подробнее см. [7]).

Теперь представим тот же колодец, но расположим его не на равнине, а на возвышенности, площадка которой (гребень холма, мыса) окружена понижениями рельефа, т.е. склонами (рис. 2). Тогда склоны холма, раскрывающие слоистую структуру этой возвышенности, открыв-ают выход воды из водоносных слоев наружу. Значительная часть воды просто вытекает из водоносного слоя по склонам, не попадая в колодец.

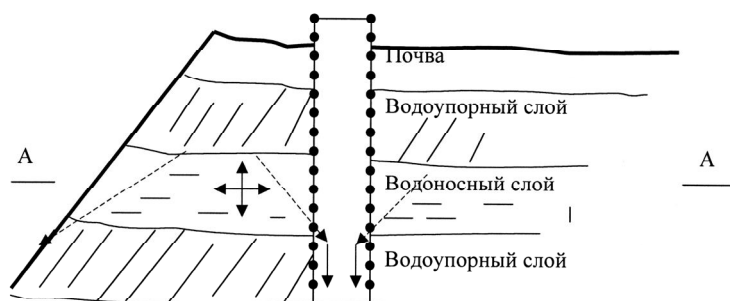

Рис. 2. Вертикальный разрез колодца на мысу.

Ведь давление воды в водоносном слое здесь бесполезно страв-ливается через склоны, площадь сечения которых неизмеримо больше площади стенок колодца. То есть, площадь депрессионной поверхности

склонов холма во много раз больше, чем площадь поверхности депрессионной воронки, которую образует колодец (рис. 3).

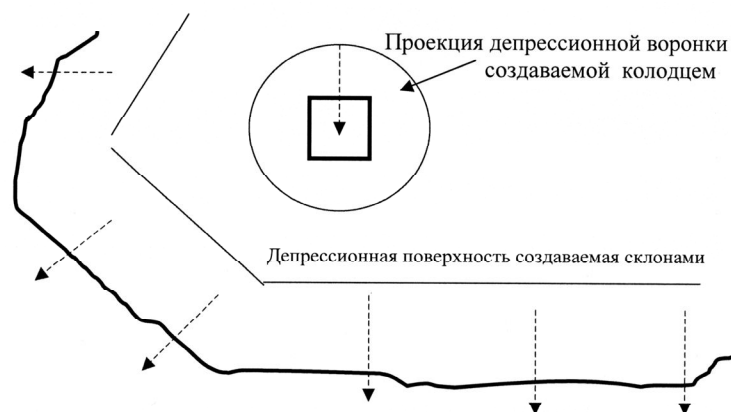

Рис. 3. Горизонтальный разрез водоносного слоя по линии А–А и вид колодца сверху.

Откуда же вода попадает в водоносный слой? Она просачивается в него с поверхности и содержится в нем лишь в силу того, что ниже имеется слой водоупорный, который не дает воде просочиться еще глубже под действием гравитации. Поэтому грунтовая вода перемещается под уклон водоупорного слоя.

Представим себе городище, расположенное на вершине круглого холма. Здесь водоносному слою грунта просто неоткуда получить воду, ведь притока ждать неоткуда – кругом понижения рельефа. С другой стороны, появившаяся в водоносном слое влага свободно истечет через склоны. Разумеется, колодец здесь возможен, но его глубина должна будет достигать водоносного слоя расположенного ниже подошвы холма (рис. 4).

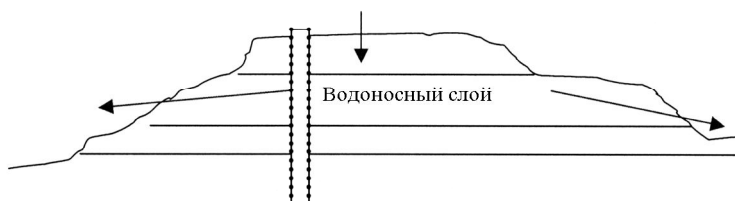

Рис. 4.

Рассмотрим городище мысового типа. Здесь наличие воды в верхнем водоносном слое грунта возможно при следующих условиях: во-первых, расположенный под ним водоупорный слой должен иметь выраженный

уклон, причем уклон от перешейка мыса к его окончанию. Во-вторых, ширина такого мыса должна быть достаточна для размещения колодца, а точнее, площади водосбора колодца, т.е. площади, с которой внутрипластовое давление погонит воду именно в колодец, а не на склоны. Чтобы пояснить этот тезис последний раз, представим водоносный пласт в разрезе (рис. 5).

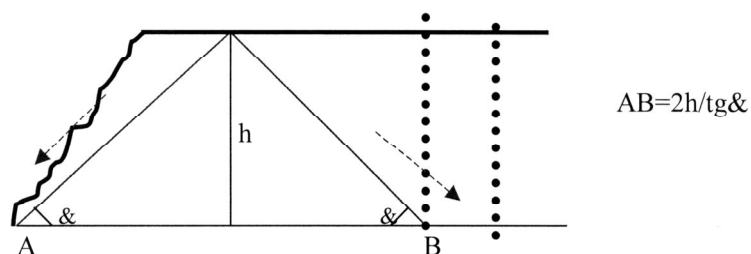

Рис. 5. Водоносный пласт в разрезе.

AB – расстояние колодца от склона холма; h – мощность водоносного слоя; α – угол депрессионной поверхности (выше этой линии влага выдавливается давлением грунта сверху в водопонижающие устройства, а ниже нее – остается в грунте).

На основании сказанного можно заключить, что даже при самом благоприятном стечении гидрогеологических условий, для гипотетического размещения сколь-нибудь эффективного колодца на мысу остается лишь неширокий «язык» в середине площадки, максимально удаленный от склонов и от окончания мыса, т.е. расположенный непосредственно у оборонительного вала. Обнаружен ли колодец на площадке рассматриваемого здесь городища?

Поддаются ли обнаруженные углубления грунта интерпретации в качестве колодцев? Известен ли исследователям Иднакара уровень залегания грунтовых вод? Известна ли величина дебета ближайшего грунтового водоисточника? Пока мы имеем только вопросы без ответов. Следовательно, перед археологами, которые изучают поселения, встает задача поиска следов системы водоснабжения.

*Организация адекватных отхожих мест
относится к числу важнейших мероприятий,
обеспечивающих достоинство, безопасность и здоровье людей*
[Гуманитарная Хартия, с.76]

Количество жителей и «хозяйственные ямы». На городищах, среди следов неразборных (капитальных) жилых построек, археологи во

множестве обнаруживают углубления в грунте, которые они именуют «хозяйственными ямами». Посмотрите на графическую реконструкцию древнего городища – всё на своих местах: ров и вал, ряды домиков, и ярко светит солнце. Только «хозяйственные ямы» присутствуют как-то неявно, т.е. их на реконструкции просто не видно. А почему? На минуту отвлечемся от картинок, которые рисуют нам реконструкторы и повернемся лицом к реальной жизни. Итак, всякий, кому приходилось раскорчевывать выделенный ему садово-огородный участок земли, или тот, кто хотя бы видел вновь осваиваемые садово-огородные участки, сразу и безошибочно скажет, какие именно строения с ямой, возводимые по индивидуальным проектам, появляются на этих участках раньше дома, бани, погреба и сарая и раньше колодца? Но если эти малые архитектурные формы неминуемо и моментально появляются на участках, где соседи отделены друг от друга десятками метров, то появление их в плотной застройке городища, площадь которого сжата валом, и где жилища стоят с интервалами в несколько метров, просто неизбежно. Непонятно, почему этих построек не видно на графических реконструкциях?

Надо помнить и о том, что городище, в отличие от садового участка, является местом круглогодичного проживания, т.е. рассматриваемые нами устройства функционируют на городище ежедневно и всесезонно, с большой скоростью их наполняемости.

Поэтому на ограниченной площадке не только вместо ветхого жилья приходится строить новое, но и в дополнение к переполненным сортирным ямам приходилось время от времени копать новые, либо выгребать содержимое. Общеизвестно, что уже в Римской армии существовали эмпирические нормативы, в соответствии с которыми для воинского контингента определенной численности, строился полевой лагерь установленного размера, а в случаях, когда лагеря располагались на водупорной почве (которая не впитывала жидкую фракцию фекалий), эти укрепления приходилось периодически переносить по причине переполненности отхожих мест, при невозможности организовать их выгреб.

Минимальный норматив, который может быть использован для «сортirной демографической статистики», приводит Гуманитарная Хартия для зон стихийных бедствий: «на 20 человек приходится один туалет, пользование туалетом организовано по семейному принципу и (или) по принципу половой принадлежности» [5, с. 76]. А в соответствии с армейскими нормами «на каждый взвод (30 чел.– А.К.) устраивается одно или два отхожих места» [6, с. 111].

На плане археологического раскопа наиболее вероятные места расположения ям, которые могут быть интерпретированы в качестве отхожих мест, логично искать в зонах и слоях, которые можно очертить на основе известных эмпирических нормативных условий:

1. Туалеты располагаются не далее чем в 50 м или в минуте ходьбы от жилища [5, с. 76].

2. Отхожие места для большинства видов почв располагаются на расстоянии не менее 30 м от источников подземных вод, а дно их приходится как минимум на 1,5 м выше уровня грунтовых вод [5, с. 79].

3. Отхожие места от жилых построек удаляются не менее чем на 25 м [4, с. 361].

4. Отхожие места устраивают не ближе 15-20 м от траншей [6, с. 111].

5. «Отхожее место располагают не ближе 50 м от жилья с подветренной стороны» [6, с. 427].

Учитывая необходимость доступности отхожего места для всех жителей городища – взрослых и детей – в любое время суток, полагаем целесообразным для изучения доисторических поселений принять за ориентир норматив Гуманитарной Хартии. То есть, оптимальное расстояние до жилья должно составлять около 25 м. Однако для городища, зажатого оборонительными сооружениями, вряд ли было позволительно столь расточительно использовать площадь (Аналогично тому, галюн в подводной лодке гораздо меньше и располагается ближе к кухне, чем помещение аналогичного назначения, но расположенное на берегу, на открытой местности, где нет дефицита площади). Следовательно, в случае с рассматриваемым городищем норматив расстояний не дает однозначной информации о локализации отхожих мест.

Так, может ли быть установлено количество отхожих мест на площадке городища? Для ответа на этот вопрос можно попытаться интерпретировать следы обнаруженных исследователями Иднакара «хозяйственных ям» по аналогии с современными отхожими местами. Приведем некоторые из них на рис. 6. Сходство профиля донной части котлована современного отхожего места и приводимых нами ям не может не бросаться в глаза: и там, и здесь присутствует ступенька (показана стрелками).

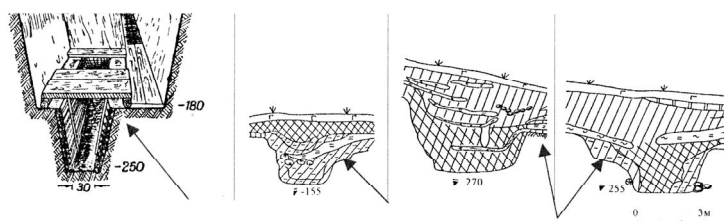

Рис. 6. Слева направо: Профиль котлована полевого туалета [6, с. 114]. Иднакар. Профили ям № 58 (внешняя часть), 85, 88 (внутренняя часть) по [2, с. 75, 60].

Переводы пола могут быть уложены на эту ступеньку. При этом они фиксируются от горизонтального перемещения стенками котлована (рис. 7, переводы показаны пунктиром).

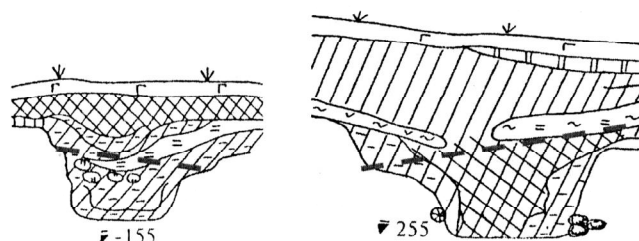

Рис. 7. Возможная фиксация переводов пола в котловане.

Ступенька, отмеченная на профиле котлована древних сооружений, может быть интерпретирована и как выгреб, который давал возможность периодически очищать ёмкость, по мере ее наполнения оставляя перекрытие (пол) в неприкосновенности. Обратим внимание на рис. 8. Профиль заполнения ямы слева дает основания предполагать, что она периодически очищалась так, что ее содержимое удалялось из центра ёмкости.

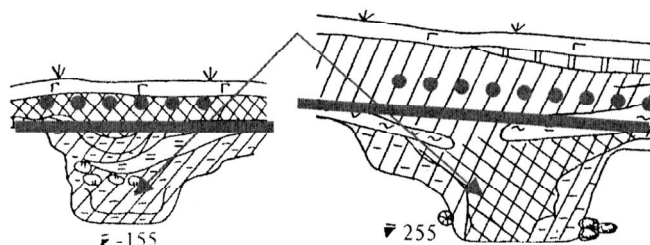

Рис. 8. Боковой выгреб из ёмкости – показан стрелками.

Конечно, древние постройки, следы которых мы рассматриваем здесь, имели котлованы с габаритами, которые гораздо больше современных. Но, следует учесть, что постройка, приводимая нами из Наставления по инженерному делу просто меньше; она имеет крышу с грунтовой засыпкой для защиты от пуль и осколков, возводится она под огнем противника и не рассчитана на длительное (в течение года) пользование.

Какие еще признаки ям, кроме сходства профиля, могут поддерживать предлагаемую их интерпретацию? Видимо, в первую очередь стоит обратить внимание на структуру заполнения ямы. На всех приво-

димых рисунках пересекающейся штриховкой показан темный гумус, т.е. грунт, насыщенный органикой, а наклонной штриховкой – глина с гумусом [2, с.75, легенда к рис. 26]. На профиле ямы № 10 (наш рис. 9) видно, что ее органическое заполнение имеет форму воронки (ср. с рис. 7, 8, справа). Логично полагать, что форма такая образовалась вследствие того, что органика долгое время падала в яму и просачивалась в ее заполнение. Причем, в придонной части по краям ямы органика разлагалась, а в ее центре концентрация поддерживалась во время эксплуатации. Очевидно, что источник поступления органики находился на продольной оси образовавшейся воронки, приблизительно по центру ямы. Следовательно, закономерно реконструировать перекрытие такой ямы – оно было выполнено в виде настила с отверстием посередине. Ступенька (показана стрелкой) может быть интерпретирована как боковой выгреб. Таким образом, рассмотренная яма, расположенная на внешней (самой «молодой» части городища), была заполнена органикой полностью, а ее очистка по каким-то причинам не была произведена.

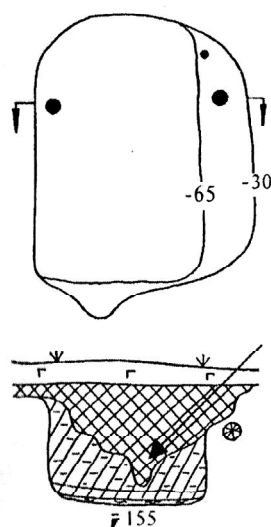

Рис. 9. Вид сверху и профиль ямы № 10 на внешней части городища по [2, с. 75]. Воронкообразное органическое заполнение. Стрелкой показан выгреб (?).

Видимо, еще одним из признаков ям рассматриваемого назначения может служить их прямоугольная форма. В самом деле, если ёмкость имеет перекрытие из дерева (плах, жердей), то материал перекрытия

диктует форму ямы в плане: логично делать эту яму прямоугольной, чтобы полностью использовать пространство под полом.

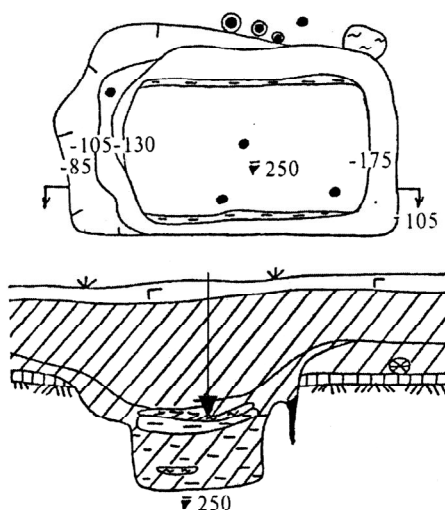

Рис. 10. Вид сверху и профиль ямы № 72, на внутренней части по [2, с. 61]. Стрелкой показаны остатки дерева-следы перекрытия (?).

Яма на рис. 10 имеет все выделенные нами признаки: прямоугольную форму органическое заполнение, ступеньку-выгреб(?) и следы деревянного перекрытия.

Отметим на плане раскопа внутренней части рассмотренные нами ямы (рис.11). Закономерность их расположения относительно жилищ установить невозможно, а по линии от северной границы жилой площадки до южного откоса они расположены с равномерным интервалом (показан фигурной скобкой). Впрочем три ямы – это отнюдь не достаточно для поиска закономерностей.

Поэтому необходимо констатировать, что, располагая базой данных по городищу Иднакар, опубликованной на сегодняшний день, невозможно решить задачи демографического расчета через количество устройств ассенизации; изученная нами публикация содержит профили лишь некоторых ям. Следовательно, на повестку дня встает вопрос полноты публикации данных, полученных раскопщиком того или иного городища.

Так какой же могла быть модель водоснабжения и водоотведения городища? И где искать следы этой системы? Вновь обратимся к руководству по водоснабжению войск полувековой давности. «Колодцы должны располагаться не ближе 50 метров от дорог, отхожих мест,

навозных ям и других источников загрязнения, в местах, не затопляемых талыми и паводковыми водами [6, с. 395]».

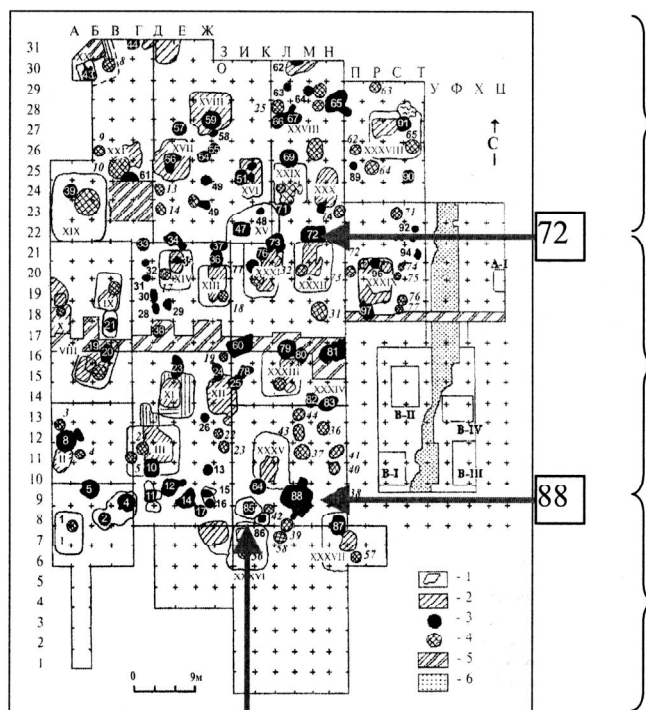

Рис. 11. Иднакар, внутренняя часть, план раскопа нижнего горизонта по [2, с. 53]. Стрелками показаны ямы № 72, 85, 88.

Разумеется, приведенный войсковой норматив, значительно менее строг, чем современные требования (стандарты) по водоснабжению населения. Но приводимые во всех нормативах значения получены эмпирически, они концентрируют опыт поколений. Конечно же, норматив можно и нарушить, но тогда получаемая вода будет небезопасна для питья. С учетом приведенного выше норматива, можно ли было найти на площадке городища место, которое не только было бы подходящим по гидрогеологическим условиям, но и удовлетворяло бы требованиям санитарии, давая воду приемлемого качества? Анализ плана застройки или даже оценка площади подавляющей массы известных городищ делает положительный ответ чрезвычайно маловероятным (см., например, таблицу распределения древнерусских городищ по размерам укрепленной площади: [8, с. 41]).

Завершая разговор о колодцах, напомним читателю, что грунтовые колодцы имеют свойство снижать дебит и вообще пересыхают при длительном отсутствии осадков – в засушливое лето и зимой. Вероятно, в силу всего сказанного выше, древний строитель считал рытье колодцев на мысовых поселениях делом бесперспективным, либо их устройство не имеет аналогий с колодцами современными и оттого следы этих древних колодцев не обнаруживаются пока исследователями.

Городище Иднакар расположено на высоте более сорока метров и на удалении в десятки метров (по горизонтали) от уреза воды ближайшей речки. Что это означает? Не утомляя читателя расчетами, скажем, что ценой естественной защищенности здесь явилась запредельная трудоемкость водоснабжения: водонос должен был поднимать в гору собственно воду, тару (ведро? бурдюк?) и вдобавок свое тело. Совершенная при этом работа против силы тяжести есть произведение всех этих весов на высоту подъема. Коэффициент полезного действия при совершении этой работы теоретически не мог превышать 25% (человек среднего веса в 60 кг больше двух ведер в гору не вознесет). Зимой КПД снижается в несколько раз: резко уменьшается коэффициент трения в паре снег (лед) – обувь, а непроизводительные траты энергии растут: водонос тратит силы на подъем в гору не только своего тела, но и зимней одежды, его внутренние энергозатраты на поддержание основного обмена организма также гораздо выше, чем летом. Разумеется, при подъеме воды из колодца человек совершает гораздо меньшую работу против силы тяжести, величина ее есть произведение суммарного веса воды и ведра на глубину колодца. Таким образом, с точки зрения эргономики, индикатором не только осадного, но и просто зимнего использования городища явилось бы наличие колодца на его площадке. Отсутствие такого колодца способно породить хотя и логичную, но пока еретическую мысль о том, что возможность круглогодичного ежедневного использования данного городища может быть поставлена под сомнение. Ведь приводимые нами выше нормативы водоснабжения (2-3 литра в день) рассчитаны исключительно на потребности выживания, т.е. лишь на поддержание водного баланса организма. Они приняты без учета минимальных гигиенических потребностей, в число которых входит мытье пищевых продуктов, мытье рук и тела после пользования туалетом, мытье рук перед приготовлением пищи и перед едой, мытье посуды и т.п. Для целей гигиены необходима вода питьевого качества, т.е. ее надо принести из той же реки. И если предположить, что население городища состояло из сотен человек, то суммарное суточное водопотребление (и, разумеется, водоотведение) составит десятки тонн. Нетрудно посчитать объем работы по поднятию этого груза в физическом смысле (при названном КПД) и перевести этот объем в килокалории, чтобы оценить количество водоносов и объем

пищи известной калорийности, потребное на восполнение энергозатрат водоносов. Либо придется допускать, что практика мытья рук была для жителей городища непозволительной роскошью, и потребность обороны подавляла необходимость гигиены. (Впрочем, понятие гигиены могло и отсутствовать в то время – это тема отдельного исследования).

А возможны ли альтернативные источники автономного водоснабжения городища? Разумеется, на случай осады нельзя исключить возможность и гипотетических альтернативных источников водоснабжения. Включив воображение, можно представить, что в зимнее время на случай осады мог быть обеспечен запас воды в виде ледяных блоков, предварительно замороженных в формах (например, в корытах). На лето такой же запас мог быть сохранен в ледниках. Глубокие ямы диаметром более четырех метров, обнаруженные в ходе раскопок Иднакара, теоретически могли быть использованы для реализации физического принципа искусственной вечной мерзлоты без холодильной установки: достаточно было зимой промораживать котлован, потом укладывать в него ледяные блоки, а летом обеспечивать его термоизоляцию (засыпкой листьями, соломой и т.п.). А в случае необходимости органическая термоизоляция могла быть использована в качестве топлива для плавления льда.

На примере одного из городищ мы попытались обосновать гипотезу о том, что археологические следы могут быть использованы для демографических расчетов. Выделенный нами перечень таких следов (системы водоснабжения и водоотведения) призван оказать влияние на формирование исследовательских задач археолога и историка и побуждать исследователей к полной публикации данных. А базой правил при интерпретации обнаруженных археологических следов могут послужить принятые для войск и беженцев минимальные нормативы водоснабжения и водоотведения. Таким образом, означенный подход, наряду с другими методами, может быть использован для количественных оценок популяции того или иного городища.

Литература и источники

1. Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. 1770–1772, СПб. // Энциклопедия земли Вятской. Т. IV: История. Киров, 1995. С. 124–133.
2. Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998. 294 с.
3. Коробейников А.В. Об оценке уровня защиты древних городищ // Шестая Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы докладов. Ижевск, 2003. С. 46; Он же. Об оценке уровня защиты древних городищ // Режим доступа: [<http://v3.udsu.ru/item->

ipspub/meth-v/obj-08499.htm]; Он же. Алгоритмы доисторических фортификаций // Первая Российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. Казань: КГУ, 2004. С. 125–126; Он же. Внутренний вал городища Иднакар (Пример исторического моделирования на основе технологического анализа). 45 с. // Рукопись депонирована в Фонд интеллектуальных и информационных ресурсов УР. № 168 от 24.10.2003; Korobeinikov A. About the Proportions of Ancient Hillforts // European Association of Archaeologists. X Annual Meeting: Abstracts.-Lyon, 2004. P. 280.

4. Калибернов Е.С. и др. Справочник офицера инженерных войск. М., 1989. 432 с.

5. Гуманитарная Хартия. Режим доступа // [www.http://sphereproject.org/russian2004](http://sphereproject.org/russian2004)

6. Наставление по военно-инженерному делу для всех родов войск Советской Армии. М., 1952. 440 с.

7. СНиП 3.01.01-85 Строительное водопонижение.

8. Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII веков. М., 1996. 255 с.

К. А. Аверьянов*

Печорский край в XIV веке

Историческая география крайнего северо-востока Европы в эпоху средневековья изучена достаточно слабо. На исторических картах территория практически всего Русского Севера вплоть до конца XV в. закрашивается цветом новгородских владений. Между тем, в нашем распоряжении имеется ряд источников, позволяющих усомниться в этом.

Речь идет о так называемых «Печорских актах» – указной грамоте 1294–1304 гг. великого князя Андрея Александровича на Двину посадникам, скотникам и старостам о кормах и подводах для трех ватаг великого князя, ходящих на морской промысел; жалованной грамоте 1328–1339 гг. великого князя Ивана Даниловича Калиты печорским сокольникам Жиле с ватагой об освобождении их от даней и некоторых повинностей; указной грамоте 1329 г. Ивана Калиты и всего Новгорода на Двину о поручении Печорской стороны в ведение Михаила с ватагой для морского промысла; жалованной кормленной грамоте 1363–1389 гг. великого князя Дмитрия Ивановича Донского Андрею Фрязину о пожаловании его Печорою в кормление [1].

В первой из этих грамот интересно указание на «старину»: «А как пошло при моем отце и при моем брате» (речь идет соответственно о великих князьях Александре Ярославиче Невском и его сыне Дмитрии Александровиче Переяславском). Аналогичное свидетельство имеется и в последней грамоте – в ней прямо говорится, что после Ивана Калиты Печорой последовательно владели великие князья Семен Иванович Гордый и Иван Иванович Красный.

К этим актам примыкает свидетельство предисловия «Летописца княжения Тферскаго», в котором его автор, перечисляя владения тверского князя Александра Михайловича, сообщает, что тот владел «землею Русскою... даже до моря Печерскаго» [2].

Из указанных источников выясняется, что Печорским краем на протяжении более чем столетия – с середины XIII в. по конец XIV в. – последовательно владели не новгородцы, как это считается до сих пор, а великие князья: сначала Александр Невский, затем его сыновья Дмитрий Переяславский и Андрей Городецкий, которых сменил Александр Тверской, после которого этими землями обладали представители московского княжеского дома: Иван Калита, Семен Гордый, Иван Красный, Дмитрий Донской. Вместе с тем с конца XIV в. сведения о

*Аверьянов Константин Александрович (Москва) – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

принадлежности Печоры московским князьям из источников исчезают. Укажем на то, что упоминания о ней отсутствуют в списках московских владений на Двине, составленных при подготовке ликвидации новгородской независимости в 1470-х гг. [3].

Хотя «Печорские акты» вошли в научный оборот еще в первой половине XIX в., в литературе до сих пор не было высказано мнение по поводу того, каким образом эти земли достались данным князьям. Для этого необходимо напомнить о физико-географических особенностях Русского Севера. Небольшое количество пригодных для земледелия и скотоводства участков земли буквально теряется на фоне обширных пространств леса и тундры. Все это приводит к очаговому характеру расселения, когда отдельные населенные пункты отделены от соседних десятками километров непроходимых болот.

С началом славянской колонизации эти огромные северные территории начинают осваиваться не только с запада, откуда продвигались новгородцы, но и с юга – со стороны Великого Устюга, ставшего форпостом ростовских князей, и Белоозера, стольного города белозерских князей, выделившихся в середине XII в. из ростовского княжеского дома. Следствием этих сталкивавшихся колонизационных потоков стала чрезвычайно дробная политическая карта здешних мест. Сплошь и рядом встречались случаи, когда новгородские владения располагались попеременно с ростовскими и белозерскими. К сожалению, подробная картина средневекового расселения на Русском Севере еще мало изучена, и создание точных политико-административных карт этого периода – дело будущих исследователей.

Земледелие и скотоводство в этих местах никогда не были основным занятием его обитателей. Главную роль здесь играли рыбный промысел, охота и добыча морского зверя. Наиболее богатыми ими являлись побережья Баренцова и Белого морей, зачастую располагавшиеся из-за сезонного характера этих промыслов на сотни верст от места постоянного жительства рыбаков, охотников и зверобоев.

С очень раннего времени в целях более равномерного использования природных ресурсов все арктическое побережье европейской части России было поделено на отдельные охотничьи участки. Напоминанием этого является то, что до сих пор различные части побережья Баренцова и Белого морей, начиная от Норвегии вплоть до устья Печоры, носят различные названия: Мурманский берег, Терский берег, Кандалакшский берег и т.д. На востоке крайним из них является Захарьин берег, протянувшийся вдоль западного побережья Печорской губы. Границами этих берегов и поныне являются заметные ориентиры – глубоко вдающиеся в море мысы и устья крупных рек. При этом «чужакам» запрещалось вести на них лов: «А как пошло при моем отце и при моем

брате не ходити на Терскую сторону ноугородцам, и ныне не ходять», – читаем в упомянутой грамоте великого князя Андрея Александровича [4].

Кому же до московских князей принадлежала Печора? Название Захарьин берег указывает на некоего Захария, возможно, первым освоившим эти места. Вероятно, это был достаточно видный и значительный для своего времени человек. Однако, по состоянию источников, у нас нет пока возможности отождествить его с тем или иным лицом, упомянутым в летописи.

Для нас важнее другое. Когда незадолго до окончательного падения новгородской независимости московские власти начали составлять перечни владений Ивана III на Русском Севере, выяснилось, что ранее многие из них принадлежали ростовским князьям. Так, в одном из списков Двинских земель 1470-х гг. читаем: «А за рекою за Двиною Хавры-горы, Задвиние, Пингиш, Челмахта, речка Сея, – то было княже Костянтиново Володимровича Ростовского» [5]. Когда-то весьма влиятельные ростовские князья уже к XIV в. настолько измельчали, что в первой половине этого столетия поделили свой стольный город на две половины, одна из которых тогда же была приобретена московскими князьями. В этих условиях они были вынуждены идти на службу к своим более удачливым сородичам. Переход ростовских князей на московскую службу привел к тому, что хотя прежние владельцы сохранили свои земли, они распоряжались ими не на княжеском, а на вотчинном праве. Верховным сюзереном их владений стали московские князья.

Аналогичная ситуация складывалась и с белозерскими князьями. Свою родословную они вели от князя Глеба Васильковича Белозерского, брата Бориса Васильковича Ростовского, жившего в первой половине XIII в. К сожалению, дошедшие до нас родословцы, составленные уже в XV–XVI вв., содержат серьезные противоречия в их генеалогии. Вместе с тем, в ряде источников упоминается несколько представителей белозерского княжеского дома, которые не известны родословцам. В свое время, используя данные синодиков, сфрагистики, нам удалось показать, что сохранившееся в родословцах генеалогическое древо белозерских князей явно неполно – в нем имеются пропуски не только отдельных лиц, но даже целых ветвей рода. Объясняется это весьма прозаически – к моменту составления родословцев эти ветви вымерли и подать сведения о них в Разряд было некому. В результате скрупулезной работы выяснилось, что в родословцы не попала ветвь князей каргопольских [6].

Их стольным городом являлся Каргополь, который в литературе относят к числу древнейших поселений на севере России, хотя прямых указаний на время его основания в летописи нет. Впервые в ней он упоминается лишь под 1447 г. Древность этого города подтверждают

и археологические разведки (планомерных раскопок не было), выявившие слои XIV–XV вв.

Подобно своим белозерским сородичам каргопольские князья очень рано измельчали и перешли в качестве служилых под власть великих князей. В частности, они уже с конца XIII в. служили великим князьям – Андрею Александровичу Городецкому и Михаилу Ярославичу Тверскому, будучи их наместниками в Пскове и Копорье. В середине XIV в. они служили уже московским князьям, а двое из них (Глеб и Федор Семеновичи), судя по «Сказанию о Мамаевом побоище», принимали участие в Куликовской битве. Самым интересным для нас является то, что каргопольская ветвь белозерского княжеского дома находилась на положении служилых как раз у тех великих князей, имена которых встречаются в «Печорских актах». Все это позволяет сделать предположение, что Печорский край первоначально являлся промысловым владением именно этой ветви белозерских князей. После того как князья каргопольские перешли на службу к более значительным представителям потомства Рюрика, эти земли попали под верховную власть последних.

Московские князья, будучи сюзеренами каргопольских князей, владели Печорой вплоть до конца XIV в. Однако уже при сыне Дмитрия Донского Василии I в результате московско-новгородской войны 1398 г. эти земли были утеряны ими и вновь перешли под власть Москвы лишь столетие спустя, после ликвидации новгородской самостоятельности.

Любопытно, что связи Печоры с Каргополом сохранялись еще несколько столетий после описываемых событий – именно в этот город из Печорского края шел громадный поток пушнины, который здесь обрабатывался и далее направлялся в различные места. Вплоть до XIX в. основным промыслом в Каргополе являлась выделка беличьих мехов – еще в 70-х гг. XIX в. тут выделялось до 2 млн. шкурок белок.

Сюжет об истории Печорского края в XIV в. интересен и другим обстоятельством. В отечественной историографии, когда речь заходит об объединении русских земель, сложилась давняя устойчивая традиция изображать его как непрерывное последовательное поглощение Москвой одного за другим отдельных русских княжеств и земель. Однако вряд ли с этим можно всецело согласиться – процесс консолидации страны в единое целое был явлением длительным и весьма сложным – на всем его протяжении московские князья не только приобретали, но подчас и теряли некоторые территории, ранее принадлежавшие им. Именно это показывает эпизод с Печорским краем.

Литература и источники

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М., 1964. № 1–4; Грамоты Великого Нов-

города и Пскова. М.; Л., 1949. № 83–85, 87 (далее – АСЭИ); О датировке см.: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 151–152, 163–165, 172.

2. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XV. Стб. 465.

3. АСЭИ. Т. III. № 14–16.

4. АСЭИ. Т. III. № 1.

5. Там же. № 16. С. 33.

6. Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 137–153.

*Е. Н. Рожкин**

Этнодемографические процессы и административные границы на Европейском Севере России

Хорошо известно, что при возрастании роли и места какого-либо современного явления соответственно возрастают роль и место истории этого явления. В настоящее время огромное внимание вызывают этнические и демографические процессы в различных российских регионах. Неудивителен поэтому и растущий интерес к историко-демографической и этнодемографической проблематике. В полной мере это относится к Северу России, по мере заселения и хозяйственного освоения территории которого здесь формировались своеобразные группы местного русского, финно-угорского и самодийского населения, имеющие значительные отличительные черты в духовной и материальной культуре.

Изучение историко-демографических и этнодемографических процессов играет существенную роль для исследования всех аспектов истории и современного состояния каждого народа или региона, для прогнозирования условий его дальнейшего развития, поскольку движение и состав населения оказывают огромное воздействие на экономическую, социальную, политическую и культурную сферы. Чрезвычайно важным является, в частности, выявление общности и своеобразия этнодемографического развития различных российских регионов, истории их заселения и хозяйственного освоения. Особенно важным является совместное исследование этой проблемы, изучение исторического опыта развития этнических и демографических процессов учеными различных специальностей и специалистами-практиками.

Особенно мне хотелось бы подчеркнуть актуальность исследования истории формирования региональных административных границ и возможную связь (или отсутствие таковой) оформления таких границ с протекавшими в регионах этническими и демографическими процессами в контексте проблемы возможного объединения тех или иных регионов, поскольку, как мне представляется, вопрос о таком объединении следует решать не только исходя из наличия или отсутствия экономической целесообразности, но и учитывая длительный исторический путь формирования этих границ, учитывая этническую сос-

***Рожкин Евгений Николаевич** (Сыктывкар) – кандидат экономических наук, первый заместитель министра культуры и национальной политики Республики Коми, руководитель департамента национальной политики. Специализируется в изучении этнических и этнодемографических процессов на Европейском Севере России.

тавляющую. В полной мере это относится к Европейскому Северу России.

Казалось бы, проблема освоения Европейского Севера финно-уграми, самодийцами, русскими, история формирования здесь административных единиц в целом неплохо известна. Не могу не отметить, однако, что – учитывая общественную значимость проблемы, интерес к ней со стороны общества – данная проблематика нуждается, с одной стороны, в более детальном анализе, с другой – в более активной популяризации знаний по этим вопросам среди населения. В плане популяризации, кстати, можно поставить в пример наших коллег из Архангельска: пять томов написанных в популярной форме, но в то же время научных по сути очерков известного историка Владимира Николаевича Булатова, посвященных освоению Поморья, вызвали огромный интерес и внесли крупный вклад в популяризацию исторических знаний. Есть хорошие примеры и у нас в Республике Коми: назову лишь изданные в последние годы и приобретшие широкую популярность книги «Коми край: очерки о десяти веках истории» известных историков Александра Франсовича Сметанина и Игоря Любомировича Жеребцова, коллективная работа «Республика Коми: историческая хроника с древнейших времен», «Где ты живешь» И.Л.Жеребцова и другие. Издана давно ожидаемая популярная книга рассказов по коми истории, адресованная детям, написанная писателем П.М.Стольниковым и историком И.Л.Жеребцовым.

Я не случайно акцентировал внимание на необходимости популяризаторской работы. Если бы она велась более активно, более целенаправленно, то не появлялись бы в периодической печати рассуждения, в которых история Севера Европейской России ставится едва ли не с ног на голову. Позволю себе привести один пример. В недавно основанной газете «Единый мир» (№ 4 за июнь 2005 г.), издающейся в Северодвинске, – газете, замечу, в целом чрезвычайно интересной и информативной – опубликована статья Ивана Мосеева, председателя НКЦ «Поморское возрождение». Ее автор, совершенно справедливо говоря о своеобразии языка северорусского населения (поморов), излагает по ходу дела весьма неожиданную мысль: оказывается, поморы – едва ли не древнейшее население Севера, самостоятельный славянский народ, и уже в X–XII вв. жили на Белом море, и язык их «никой не диалект русского языка», а отдельный древний язык. Так походя отменяются давно уже известные, обоснованные не одним поколением ученых факты истории освоения Севера русскими.

Вполне понятное стремление показать значимость своей культуры, ее древние корни не редко приводило к необоснованным попыткам «удревнить» историю того или иного народа или этнической общности и в других регионах. В Республике Коми известны выступления на тему

о легендарной Биармии – якобы древней обширной и могущественной Коми стране, существовавшей на Севере на рубеже I и II тысячелетий и прекратившей существование в ходе славяно-русской колонизации. Казалось бы, ученые давно уже доказали, что ГОСУДАРСТВА Биармии не было, была лишь ТЕРРИТОРИЯ с таким названием, причем локализуется она, скорее всего, отнюдь не на Европейском Северо-Востоке, хотя, конечно, на сей счет есть разные мнения. Но нет: на каждом переломном этапе истории, когда возникает потребность в каких-то знаменательных исторических вехах, на которые можно было бы опереться при выборе направления дальнейшего развития, каждый раз находятся люди, предлагающие взять в качестве такого ориентира мифическую Биармию. Так было и в двадцатые годы прошлого века, когда коми-пермяк И.Н.Мошегов выступил в местной печати с целой серией псевдонаучных заметок о «былом величии коми народа», подвергнутых резкой и вполне справедливой критике коми краеведами, его современниками. Удивительно, что в современной литературе его иногда называют «ученым», хотя, на мой взгляд, известный исследователь истории коми краеведения и науки И.Л.Жеребцов в своих работах весьма точно охарактеризовал его как «писателя», а не как ученого. Вероятно, можно при желании найти подобные факты и в печати других регионов. Все это подтверждает необходимость снова обратиться к поставленной в заглавии доклада проблеме: этнодемографические процессы и административные границы на Европейском Севере России.

Итак, как начали складываться на Севере административные границы, какова была роль в их оформлении этнического фактора? Чтобы понять, как развивался этот процесс, вернемся на тысячу лет назад: именно тогда на этнической карте мира появился новый народ – народ коми. Археологи убедительно доказали, что древние коми сформировались на рубеже I и II тысячелетий н.э., точнее, в XI в. Сегодня преодолен новый рубеж тысячелетий, и, как пишет доктор исторических наук И.Л.Жеребцов, можно считать, что исполнилось тысячелетие существования коми народа. Не претендуя на празднование юбилея, подобного 1000-летию Казани, все же считаю нужным отметить этот примечательный факт.

Древние коми первоначально обитали на Вычегде, Выми, Вишере, Сысоле, Лузе и, возможно, Вашке, верхней Вятке с притоками, Малой Северной Двине и Юге. По предположению И.Л.Жеребцова, в конце XI – I половине XII в. они появились также на нижней Сухоне, верхней Ваге, Устье и Северной Двине ниже устья Вычегды (см.: Жеребцов И.Л. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982; Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М.: Наука, 1971). Примерно в этот же период завершилось освоение карелами территории

современной Карелии (хотя ее север остался весьма слабо заселенным и активно обживался еще в XVI в.). Крайний Северо-Восток (Печорский бассейн) обживали самодийцы и обские угры. Какие именно этносы проживали на территории Европейского Севера между землями древних карел и древних коми, со всей определенностью сказать трудно, однако, по мнению исследователей, это были родственные им финно-угорские народы, возможно, прибалтийско-финские (см., напр.: Матвеев А.К. Еще раз о западных границах пермской топонимии на Севере европейской части России // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1994, и др.). Ни о каких искони живших здесь древних славянах (поморах или кого-либо еще), конечно, речь вести не приходится.

Но известно, что на рубеже тысячелетий (самое позднее, с XI, а, вполне вероятно, с X и даже IX вв.) Новгород предпринимает шаги по проникновению на территории расселения северных финно-угров, а затем и установлению над этими территориями своего контроля. Потепление климата в тот период способствовало этому продвижению (как и плаваниям на Север скандинавов, которые и привезли в Европу весть о некой «Биармии»). Однако вполне понятно, что между появлением на финно-угорско-самодийском Севере первых русских ушкуйников и включением этих земель в состав Новгородской республики, сопровождавшимся основанием здесь русских форпостов, прошло немало времени. В XI в. русские селения появились в Приладожье, тогда же или в начале XII в. – в западной части бассейна Северной Двины (низовья Северной Двины, верхняя Сухона, Вага). Остальные районы лишь эпизодически посещались новгородскими дружинами, ушкуйниками и сборщиками дани.

В XII в. усилился приток переселенцев и в восточную часть того обширного региона, который затем получит название «Поморье». Миграции русских в эти районы осуществлялись по двум направлениям. С северо-запада продвигались новгородцы, уже в I половине XII в. основавшие ряд населенных пунктов на нижней Северной Двине, Ваге и верхней Сухоне, затем появившиеся на нижней Пинеге и Мезени, и даже на Выми (не позднее конца XII в.). С юго-запада в район рек Устья, Кокшенги, нижней Сухоны и Юга переселялись жители Ростово-Суздальского княжества. Основной движущей силой славяно-русской колонизации Севера было крестьянство, переселявшееся сюда, спасаясь от эксплуатации феодалов и малоземелья. Миграциям русских на территорию, заселенную древними коми, земледельческому освоению этой территории способствовало стремление крупных русских феодалов подчинить своему контролю обширные пространства этого региона, для чего там строились города и другие опорные пункты. Активнее этот процесс шел на западе, где новгородцам приходилось соперничать

со шведами; естественно, там приходилось строить укрепления. А на востоке к русским опорным пунктам принадлежали, например, появившиеся в конце XII – начале XIII в. Гледень и Устюг, сыгравшие огромную роль в присоединении к Русскому государству (и конкретно, к Ростовскому княжеству) заселенных пермянами земель по верхней Северной Двине, Югу, Лузе, нижней Сухоне и низовьям Вычегды.

В XIII в. приток переселенцев из Новгородской земли и центральных районов Руси на Европейский Север усилился вследствие татаро-монгольского нашествия и разорения русских княжеств. Возросло количество селений. В результате, к концу XIV в., по мнению Л.Н.Жеребцова, жившие на Сухоне, Юге и Ваге (за исключением р.Устьи и некоторых других небольших районов) пермяне были ассимилированы пришлым русским населением. Часть из них, возможно, переселилась в районы, расположенные севернее территории первоначального расселения древних коми – на реки Вашка, Пинега и, как предполагает И.Л.Жеребцов, Немьюгу (приток р.Кулой). Миграции в этот регион шли через нижнюю Вычегду и ее приток Яренгу на Вашку.

Постепенно в ходе русской колонизации Севера здесь начинают складываться первые административно-территориальные образования. Пальма первенства среди них принадлежит, пожалуй, Заволочью – как считают историки Ю.С.Васильев и В.Н.Булатов, этот термин в XI–XIII вв. обозначал Новгородскую волость на р. Вага, а в XIII–XIV вв. стал распространяться также на Нижнее Подвинье, а затем – и на все будущее Поморье. Однако если в последнем, широком смысле Заволочье – термин чисто географический (как и Поморье), то в более узком, как справедливо отмечает В.Н.Булатов, это не что иное, как административно-территориальный округ Новгородской республики, значительную (а на первых порах – основную) часть которого составляла жившая здесь чудь (весь, емь).

Уже в XII в. упоминается Обонежский ряд в вепсском Обонежье, делившийся на погосты, являвшиеся административно-хозяйственными и церковными округами. В середине XIII в. появился административный судебно-податный округ Обонежская тысяча, ставшая одной из новгородских «тысяч», на которые делилась Новгородская республика. В том же XIII в. стал складываться и административно-территориальный округ в землях карел – вслед за их крещением в 1227 г., как отмечают историки, на этнической территории карел неизбежно должны были появиться сельские судебно-фискальные округа – погосты. Во всяком случае, на грани XIII и XIV столетий три таких погоста существовали. Эти погосты составили особую административно-территориальную общность – Корельскую землю (данное название впервые упоминается в документе 1323 г.).

Несмотря на все возраставший приток русских переселенцев на земли вепсов и карел (по мере которого, с ростом населения, появлялись новые погосты и волости), по крайней мере, на первом этапе своего существования Заволочье, Обонежский ряд (Обонежская тысяча) и особенно Корельская земля могут рассматриваться, на мой взгляд, не только как административно-территориальные (подобно Псковской земле, Волоку Ламскому и проч.), но и как этнические **образования**, подобно сложившейся позднее земле Перми Вычегодской (о чем речь впереди), которую исследователь административно-территориального деления Севера И.Л.Жеребцов также считает не только административным, но и этническим округом. Разумеется, Заволочье относительно быстро обжили русские, и появившиеся здесь внутренние административно-территориальные округа – Важская страна (сторона), Двинская земля с их погостами – уже не несли сколь-либо выраженного этнического содержания. Их административные границы складывались, скорее, по географическому принципу.

На Европейском Северо-Востоке административно-территориальные округа стали складываться во второй половине XV в. Процедуру первоначального оформления таких единиц можно связать, в частности, с проведением первых в Коми крае описаний земель и населения во II половине XV в., которые дали возможность центральным властям составить более или менее точное представление о данной территории, расселении жителей и возможностях образования здесь административно-территориальных округов. На большей части Коми края (Вычегда, Вымь, Вашка, Сысола, верховья Камы) такая перепись была проведена в 1481 г.: «Лета 6989 прислал князь великий Ивашку Гаврилова Вычегодские знамени и луки писати. Писал тое писец луки вычегодские, и вымские, и сысоленские, и удоренские, и владыки Филофея вотчину...». Судя по этому, зафиксированный описью 1481 г., регион представлял собой определенную территориальную и административную общность, единство – в отличие от юго-западной (Луза, Виледь) и северо-западной (Пинега, Немьюга) частей Коми края, которые не попали в опись И.Гаврилова и, следовательно, принадлежали к иным территориальным объединениям (о них – несколько ниже).

Считаю важным подчеркнуть, что именно с переписью 1481 г. ряд исследователей связывают завершение длительного процесса вхождения Коми края в состав Русского государства и предлагают считать 1481 год заключительной датой этого процесса. На мой взгляд, эта точка зрения представляется достаточно обоснованной. Но, поскольку на сей счет высказывались различные мнения, позволю себе остановиться на данной проблеме несколько подробнее, поскольку этот вопрос связан с темой нашего доклада. Итак, представляется очевидным, что вхождение Коми края в русское государство – не единовременный

акт, а долгий процесс, начавшийся в XI–XII вв. с проникновения в регион новгородских ушкуйников и первых попыток Великого Новгорода обложить местных жителей данью. И хотя формально Новгород провозгласил эту территорию частью своей земли, реально укрепиться здесь он не смог. Свои претензии со второй половины XII в. весьма активно выдвигало на коми земли и Ростово-Суздальское княжество. О каком-либо действительном управлении Коми краем со стороны Новгорода можно не говорить. Как образно выразился историк И.Л.Жеребцов, «ушкуйники приходили и исчезали как кошмарный сон, о котором старались побыстрее забыть; а жизнь в Коми крае продолжала течь “по обычаю предков”».

Я вполне солидарен с мнением крупнейшего коми этнографа Любомира Николаевича Жеребцова, который еще в конце 70-х гг. XX в. писал: «Представляется принципиально важным выделить из рассматриваемого вопроса (о вхождении Коми края в Русское государство – Авт.) период первоначальных контактов коми с русскими, ибо это период падает на те века, когда на Руси господствовало феодальное раздробление и единого централизованного Русского государства еще не существовало. Установление взаимосвязей народов коми и русского, как и установление даннических отношений Перми вычегодской с Великим Новгородом – это особые вопросы, только косвенно связанные с вхождением Коми края в состав Русского централизованного государства. Они лишь подтверждают, что вхождение коми в состав Русского централизованного государства было исторически предreshено взаимоотношениями предшествующих веков, а не явилось стечением случайностей».

Наиболее важные этапы вхождения Коми края в Русское государство приходятся на XIV и XV столетия. Именно в XIV в. в спор между Новгородом и Ростовом за земли коми властно вмешалась Москва. Тот факт, что Иван Калита в 1333–1334 гг. собирал дань для Золотой Орды на Вычегде и Печоре («Князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцев, – рассказывает Вычегодско-Вымская летопись, – почто устюжцы и ноугородцы от Вычегды и от Печоры не дают черный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печору и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди»), бесспорно, свидетельствует о влиянии Московского княжества на Европейском Северо-Востоке – но естественно, Коми край отнюдь не управлялся московскими князьями.

В 1364 г. Дмитрий Иванович Донской отнял у ростовских князей и присоединил к Москве «пермские места устюгские», т.е. контролировавшуюся из Устюга юго-западную часть Коми края. Есть предположение, что под власть Москвы тогда же могла перейти и остальная

часть Коми края, однако сколь-либо убедительных документальных подтверждений этого не имеется.

Следующим важным шагом в укреплении влияния Москвы стала христианизация коми и учреждение Пермской епархии в 1383 г. Принятие христианства облегчило восприятие русской культуры крещеными коми и тем самым усилило их сближение с русским народом. Создание Пермской епархии под эгидой московского митрополита, назначение пермскими епископами сторонников московского князя, проводивших в интересах московского государства, безусловно, способствовало укреплению авторитета московских князей. Ряд ученых полагал, что епископы Пермские осуществляли не только духовную, но также и административную власть в Коми крае, ведали обороной края и исполняли внешнеполитические функции, т.е. в сущности, были наместниками московского князя; поэтому, писали Л.В.Черепнин, В.Н.Бернадский, Ф.В.Плесовский, можно считать, что с этого времени Коми край вошел в состав Московского княжества. Однако другие историки убеждены, что не следует отводить епископам столь большую роль в управлении Коми краем. А тот факт, что первый епископ Стефан Пермский в 1386 г. вынужден был съездить на поклон к новгородскому владыке, свидетельствует, что о присоединении края к Московскому княжеству говорить опять-таки не приходится.

В XV в. власть Москвы в Коми крае укрепилась. В 1451 г. сюда был прислан наместник Великого князя – Ермолай из рода князей Верейских, дальних великокняжеских родственников. Вместе с ним приехал и его сын Василий, сменивший позднее Ермолая на посту наместника. Именоваться наместники стали князьями Вымскими. Наместники должны были управлять Коми краем по специальной наказной уставной грамоте, в которой оговаривались их права и обязанности. Однако юридическая зависимость Перми Вычегодской от Новгорода продолжала сохраняться, что отмечает Л.Н.Жеребцов, специально занимавшийся изучением этого процесса. Так, по его данным, в договорной грамоте Василия II с Новгородом в 1466 г. в числе новгородских волостей перечислены Пермь, Печора и Югра. В 1471 г., подписав мирный договор, Новгород признал верховную власть Московского великого князя. Однако в договорной грамоте все указанные волости перечислены в качестве новгородских. В то время в III списке двинских (новгородских) земель, которые великий князь московский считал своей вотчиной, упоминается Удора. Иван III настаивает на возвращении ему этих, с его точки зрения, незаконно захваченных Новгородом земель. Номинальные права Новгорода на Пермь, прослеживаются также в проекте договора Новгорода с польским королем Казимиром IV в 1470–1471 гг.

В 1471 г. новгородцы признали верховную власть Москвы. По договору 1478 г., когда Новгород окончательно вошел в состав центра-

лизованного Русского государства, все его волости, в том числе и Пермь, перешли в полное подчинение московскому князю. Покорив Новгород, Иван III осуществил еще ряд законодательных актов, кроме договора 1478 г., направленных на закрепление присоединенных областей в составе единого Русского государства. Для Перми Вычегодской таким актом явилось первое описание земель и населения Коми края, проведенное по указу центрального правительства в 1481 г.: «Лета 6989 прислал князь великий Ивашку Гаврилова Вычегодские знамени и луки писати. Писал тое писец луки вычегодские, и вымские, и сысоленские, и удоренские, и владыки Филофея вотчину...»

Перепись 1481 г. была законодательным актом, так как она имела целью не только перепись населения, а учет и закрепление земель со всем, что на них находилось в составе русского государства. Такие первичные переписи являлись государственными актами закрепления на уровне договорных, отказных и т.п. княжеских грамот. Проведя перепись местного населения, обработанных ими земель и освоенных угодий, центральное правительство подчеркнуло тем самым, что с этого момента описанные земли входят в состав Русского государства, а населяющие их жители становятся подданными московского правительства и облагаются установленными в государстве видами налогового обложения. В результате этой переписи впервые вместо отвлеченного понятия Пермь правительство получило описание конкретной территории с конкретным населением. Эта перепись надолго стала опорным официальным документом важнейшего значения. На нее ссылались местные жители, доказывая право владения землей и угодьями, на нее же ссылалось и правительство, вынося свои решения при разборе спорных земельных вопросов.

Видный историк А.А.Зимин в связи с обсуждением поставленного Л.Н.Жеребцовым вопроса о значении описания 1481 г. для Коми даже подчеркивал, что «перепись 1481 г. существенна не сама по себе, а как оформление процесса присоединения Коми края в результате вхождения новгородских земель в состав Русского государства». О значении описаний конца XV в. убедительно писал академик Б.А.Рыбаков, отмечавший, что тогда «были предприняты грандиозные работы по переписи сел и городов Московского государства от Белого моря до степной окраины и от Чудского озера до Суры. Созданные в результате этих работ писцовые книги свидетельствуют о стремлении Московского правительства составить точное представление о своем новом государстве».

Таким образом, можно полагать, что окончательной датой вхождения Коми края в состав единого Русского государства следует считать 1481 год. Следовательно, в будущем 2006 г. исполняется 525 лет тому событию – дата, на мой взгляд, весьма важная. Еще раз отмечу, что

данная точка зрения впервые была сформулирована крупным коми ученым Л.Н.Жеребцовым (монография «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами», М.: Наука, 1982, и др. работы). В дальнейшем это представление вошло в обобщающие труды по истории Республики Коми (см.: Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1; История Коми. Сыктывкар, 2004. Т.1 и др.).

Теперь вернемся к вопросу о значении описания 1481 г. для формирования административных границ в регионе. Как уже было сказано, именно с ней можно связать процедуру первоначального оформления таких границ, поскольку описание дало возможность центральным властям составить более или менее точное представление о данной территории, расселении жителей и возможностях образования здесь административно-территориальных округов. В этот период древние коми (пермяне) населяли обширную территорию Европейского Северо-Востока по берегам рек, принадлежащих к Двинскому, Мезенскому и Камско-Вятскому бассейнам. На данной территории располагалось несколько территориально-племенных образований: пермяне пинежские, удорские (вашские), вымские, нижневычегодские, вилегодские, лузские, сысольские (зыряне, сырьяне), ужгинские (сирьяне). (В последующее время, в XV–XVI вв. на основе большинства этих территориально-племенных образований сложилась большая часть главных этнографических групп коми: нижневычегодская, вымская, прилузская, сысольская и удорская). Подчеркну, что именно на основе территорий расселения названных территориально-племенных образований и стали формироваться административно-территориальные единицы, получившие принятые в Русском государстве наименования: земли, волости, станы.

Писцовая книга 1481 г. не сохранилась. Но существует несколько грамот конца XV в., составители которых опирались на материалы описи Ивана Гаврилова. В жалованной грамоте Ивана III 1484/85 г. вышеупомянутая территориальная общность именуется Пермью Вычегодской. Существовало, по крайней мере, во II половине XV в. и административное единство территории: с 1451 по 1502 г. «пермской землей Вычегодскою» управляли упоминавшиеся уже наместники московских великих князей – князья Вымские. В Вычегодско-Вымской летописи Пермь Вычегодская именуется землей, как и соседние административно-территориальные образования того времени (II половина XV в.), такие как Устюжская земля, Двинская земля. Согласно грамоте 1484/85 г., земля Пермь Вычегодская состояла из нескольких больших округов, часть которых – вероятно, вследствие своей обширности – также именовались землями: Вычегодской, Сысольской, Удорской, Вымской земель и Ужгинской (Ужговской) волости. В этот же ряд следует включить и выделявшуюся внутри Вычегодской земли особую

Усть-Вымскую вотчину епископа Пермского или Владычную волость. Л.П.Лашук предложил применять для обозначения названных территориальных образований термин «земля-волость», подчеркивающий, в частности, их промежуточное положение между землей Пермью Вычегодской и волостями, на которые делилась (или стала делиться впоследствии) почти каждая из названных земель-волостей. Эту терминологию приняли и другие исследователи (И.Л.Жеребцов и др.). Автор данного доклада поддерживает упоминавшееся выше мнение И.Л.Жеребцова о том, что Пермь Вычегодскую можно рассматривать не только как административно-территориальное (подобно соседним Двинской и Устюжской землям), но в определенной степени и этническое образование, поскольку она представляла основную часть этнической территории коми. Мало того, как справедливо подчеркивает этот историк, этническая специфика сказалась и на сложении территориально-административных округов внутри Перми Вычегодской: каждый из районов проживания территориально-племенных групп коми составил отдельный округ (Вычегодская, Сысольская, Удорская, Вымская земли и Ужгинская волость). Лишь один округ был образован не на территориально-племенной основе – Усть-Вымская вотчина епископов Пермских.

Прилузье и Виледь не входили в состав Перми Вычегодской, а относились к другой земле – Устюжской. Это было связано с тем, что территории большинства новых административно-территориальных образований конца XV–XVI вв. складывались на основе прежних феодальных владений. А юго-запад Коми края раньше других его частей попал под контроль русских (ростово-суздальских, затем московских) князей, что произошло, вероятно, в XIII–XIV вв., вслед за основанием г.Устюга [26, с. 22–26]. Жалованная кормленная грамота Василия III 1425 г. сообщает о существовании волости Лузы, пожалованной в кормление И.Г.Раслу Протасьеву и его сыну. Какую территорию охватывала эта волость, в источнике не сказано. Исследователь И.А.Голубцов предположил, что «волость Луза... лежала, по-видимому, в верховьях р. Лузы, ...где впоследствии известна вол. Лузская Пермца» [2, с.299]. Возможно, что волость Луза действительно являлась «предшественницей» Лузской Пермцы. Другой источник сообщает о том, что волость Луза существовала еще в середине XVI в. и также была отдана в кормление. А.А.Зимин так же соотносил эту волость с Лузской Пермцей [55, с. 37; 91, с. 93]. Однако не исключено, что волость Луза располагалась на иной территории – в низовьях р. Луза, поскольку ее верховья, по крайней мере, с конца XV в. входили в состав административно-территориального округа Лузская Пермца – об этом информирует жалованная грамота 1484/85 г.

Согласно грамоте 1484/85 г., Лузская Пермца относилась к Устюжской земле: «...тое пермяки присуду устюжский» [2, с. 311]. В источнике не указано, земля это или волость; в более поздних документах (XVII в.) Лузская Пермца именуется волостью. Границы Лузской Пермцы в грамоте не указаны, и какая часть р.Луза входила в нее, не известно; отмечено лишь, что угодья лузских пермян располагались также на реках Вятского бассейна Летка, Кобра и Молома. Тот же источник упоминает вилегодских пермяков. Виледь также входила в состав Устюжской земли. Судя по словам грамоты («пермяки Лусские Пермцы и Вилегоцкие»), административно-территориальный округ на Виледи и в то время, возможно, именовался «Вилегодская Пермца» (это название известно по документам XVII в. применительно к верхней Виледи), но занимал, вероятно, более обширную, чем в XVII в., территорию.

Наконец, крайняя северо-западная часть Коми края – по Пинеге и Немьюге – относилась к Двинской земле. На Пинеге коми (пермяне) жили в волости Пермские (или стан Перемский) и, возможно, в стане Сура Поганая – жалованная грамота 1484/85 г. сообщает: «А что пермски (пермяки – авт.) на Пенеге в станах Перемские и Сура Поганая, ...они присуду Двинские земли, Кегрольские». На р.Немьюга располагалась волость Немьюга. «Краткий список Двинских волостей» 1471 г. называет в числе «волостей великого князя Двинских» волости «Пермские» и Немьюга. Исследователи, занимающиеся проблемами формирования этнической территории и народности коми, не рассматривали район р.Немьюга в качестве одного из мест обитания древних коми (пермян), однако основания для такого предположения есть.

На рубеже XV–XVI вв. возник первый административно-территориальный округ на Печоре. В 1499 г. был заложен Пустозерский городок-острог в низовьях реки. Его основали в ходе военного похода в Югру, в котором участвовали и жители Коми края. Они, следовательно, были в числе строителей и, видимо, первых жителей Пустозерска. Коми («пермяки») в значительном количестве жили в Пустозерске и в последующее время, – в частности, во II половине XVI в. Упоминались они среди пустозерцев также в конце XVII и начале XVIII в. В Вычегодско-Вымской летописи Пустозерск и прилегавшие к нему в начале XVI в. земли названы волостью Печорой (позднее – волостка Пустоозеро). В состав Перми Вычегодской Пустозерск не входил. Для управления волостью в Пустозерск в 1502 г. великий князь Иван III перевел из Перми Вычегодской последнего вымского князя Федора: «...а на Выме не быти ему, потому место Вымское не порубежное». «Порубежным», т.е. приграничным опорным пунктом стал теперь Пустозерский острог. Этот крайний северо-восточный административный округ уже не имел сколько-либо выраженного этнического содержания, поскольку был многонациональным с момента его создания: в его центре Пустозерске,

единственном поселении с оседлыми жителями, жили русские и коми, а в тундре кочевали ненецкие роды.

В XVI в. в административном делении Коми края произошел ряд изменений. В 1505 г. скончался Иван III. В своем завещании он разделил города и волости Московского княжества между пятью сыновьями, но при этом более двух третей досталось старшему сыну – Василию. Ему, в частности, достались указанные в завещании в числе других земель и волостей «Вычегра» (Вычегда), Вымь, Удора, Сысола, Печора, Устюг, Пинега, Мезень, Немьюга, Югра, Пермь Великая и др. Как видно, Пермь Вычегодская как единое образование в этом документе не указана, а названы в отдельности ее составные части. Возможно, после того, как Федор Вымский в 1502 г. был переведен на Печору, Вычегда, Вымь, Сысола и Удора не имели общего управителя-наместника и управлялись либо назначенными в эти земли-волости волостелями, либо своими выборными сотниками.

В XVI в. в особую землю-волость выделилась самая западная часть Вычегодской земли-волости – Плесовская волость, занимавшая территорию от рубежа Устюжских (Сольвычегодских) земель до устья р.Верхняя Лупья. Первое упоминание о ее существовании относится к 1539 г. Возможно, образование отдельной Плесовской волости было связано с активной колонизацией этого района русскими крестьянами в конце XV – I половине XVI в., результатом чего, как можно предположить, был, во-первых, быстрый прирост населения, а во-вторых, изменение его национального состава – русские стали существенно преобладать над коми, в то время как в остальной части Вычегодской земли-волости, более отдаленной от русских земель, коми составляли, естественно, более значительную долю населения. (Сходным образом сложилось положение и в Удорской земле, колонизация которой русскими и комивымичами привела в конечном итоге к разделу земли на три части).

В конце 1560-х – начале 1570-х гг. от Удоры к «Мезенскому присуду» (Кевроло-Мезенскому уезду) в опричнину были отписаны земли по нижней Вашке: волость Олема с погостами Олема, Кебское, Карашельское и Усть-Вашка. Согласно Вычегодско-Вымской летописи, это произошло в 1567 г., а по данным П.А.Садикова – в начале 1570-х гг. Вероятно, вместе с нижней Вашкой от Удоры была отписана и территория по средней Мезени (от устья Вашки примерно до р.Лоптюга), указанная жалованной грамотой 1485 г. в составе Удорской земли. Эта часть Удорской земли, вероятно, в конце XV–XVI вв. была колонизирована русскими переселенцами, активно осваивавшими в это время Кевроло-Мезенский край и другие районы восточнее Двины.

В задачи нашего доклада не входит подробное рассмотрение истории административного деления Севера, тем более что многие аспекты этой проблемы освещены в работах В.Н.Булатова, И.Л.Жеребцова,

П.А. Колесникова и других авторов. Отметим, на наш взгляд, наиболее существенное для нашего доклада. В XV–XVII вв. (в разных районах Севера этот процесс происходил не одновременно) на смену бывшим землям в административном делении приходят уезды, сформировавшиеся, в основном, на базе бывших административно-территориальных образований. В XVII в. большинство коми земель-волостей Яренского уезда (бывшей Перми Вычегодской) получили автономию от яренского воеводы и фактически отделились от русской части уезда, так что, как полагает И.Л. Жеребцов, это столетие можно с известной долей допуска назвать веком Коми автономии.

В XVIII в. система административного устройства России была унифицирована, и, в частности, ликвидированы автономные земли-волости внутри уездов Коми края. Сформированные новые административно-территориальные округа уже не учитывали этнические особенности населения. Однако демографические процессы (освоение новых территорий) продолжали играть важную роль в возникновении новых административно-территориальных округов (особенно низовых) и в последующее время – гораздо более важную, нежели экономические факторы. А после революции 1917 г. роль этнического фактора резко возросла. В сущности, только в конце 1920-х – 1930-е гг. экономические и политические резоны в реформировании системы административного устройства Коми области (республики) оттеснили назад этнодемографические показатели, но и в этот период демографическую составляющую нельзя оставлять в стороне, поскольку коренные изменения в экономической жизни региона сопровождались массовыми перемещениями населения, резкими изменениями в его численности и этническом составе.

Литература и источники

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. III.
- Археология Республики Коми. М., 1997.
- Булатов В.Н. Русский Север. Архангельск, 1997–2001.
- Бурьян М., Жеребцов И. Административно-территориальное устройство Республики Коми // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1.
- Васильев Ю.С. Об историко-географическом понятии «Заволочье» // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.
- Давыдов В.Н. Присоединение Коми края к русскому государству. Сыктывкар, 1977.
- Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 5.

Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления Европейского Севера России (период феодализма) // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990.

Жеребцов И.Л. Формирование административно-территориальных единиц в Коми крае (XV – начало XVII вв.) // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. Сыктывкар, 1992.

Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV – начало XX века). Сыктывкар, 1993.

Жеребцов И.Л. Яренский уезд: формирование и развитие системы административно-территориального деления // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). Сыктывкар, 1994.

Жеребцов И.Л. Коми край в XV–XVIII вв.: административные и этнические границы // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000.

Жеребцов И.Л. Административно-территориальное деление Коми края в конце XV – 70-х гг. XVI века // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2001. Вып. 3.

Жеребцов И.Л. Элементы автономии в управлении Коми краем XV–XVII вв. // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Ижевск, 2001.

Жеребцов И.Л., Котов П.П. Административное деление Коми края в XV – начале XX века // Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.

История Коми конца XX в. Сыктывкар, 2004. Т. I, II.

Камкин А.В. Севернорусские волости в конце XVIII в. // Сельское расселение на Европейском Севере России. Вологда, 1993.

Колесников П.А. Северная деревня в XV – I половине XX в. Вологда, 1978.

Котов П.П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX вв. Сыктывкар, 1996.

Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.

Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Сыктывкар, 1993.

Мацук М.А. Сысольская земля в XVII веке: стремление к лидерству в Коми крае. Сыктывкар, 1990.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

- Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1.
- Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1.
- Рыбаков Б.А. Русские карты Москвин XV – начала XVI вв. М., 1974.
- Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М., 1971.
- Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
- Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. Сыктывкар, 1995.
- Сивоха И.Н. История заселения и административно-территориального деления верховьев Печоры // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2001.
- Эрнст Ю.Н. Административно-территориальное устройство Печорского уезда // Вестник культуры Коми ССР, 1991. № 4.

Ю. М. Смирнов*

«Русский» Муром:

Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет

Еще в середине прошлого века М.Н.Тихомиров заметил, что из более чем двух десятков русских городов, возникших в IX–X вв. и упомянутых в летописях, только два – Ладога и Муром – носят неславянские названия [1]. В связи с этим замечанием встает вопрос об этнической принадлежности города (в частности, Муром) как в момент его возникновения, так и в период дальнейшего развития.

Первое население на Муромской земле появляется в эпоху верхнего палеолита [2], и все последующее время до средневековья территория была хоть и слабо, но заселена. В ходе Великого переселения народов IV–V вв. с запада сюда переместились балтские племена мощинской археологической культуры и, слившись с местными финскими племенами, встретили волну переселенцев с востока – финно-угров. Этот конгломерат и образовал особую этническую группу, называемую в современной науке летописным племенем мурома [3]. Основанием для отнесения мурома к финно-угорской общности стало единственное оставшееся от языка племени слово – его название. Топо- и гидронимика региона позволяют отнести мурому к поволжско-финскому племени, по языку близкому к мордве, но отличавшемуся своеобразием [4].

У отечественных исследователей нет единой точки зрения по поводу этнической принадлежности мурома. В.Ф.Генинг и С.К.Кузнецов считали мурому близкородственной мери [5], А.А.Герасимов отождествлял ее с мордвой [6], А.Е.Алихова и А.Ф.Дубынин видели в муроме родственников мордвы [7], А.П.Смирнов и Е.И.Горюнова рассматривали мурому как одно из мордовских племен [8], В.Н.Мартынов и Д.Т.Надькин полагали, что мурома входила в состав предков мордвы-эрзи [9]. Открытые в Муромском регионе в конце XIX в. археологические памятники были отнесены к культуре этого племени, которое в IX–XI вв. по сумме археологически установленных этнографических признаков выступает как самостоятельная этническая общность [10].

VII–IX вв. могут характеризоваться как время проникновения на территорию мурома славянских племен – кривичей, новгородских словен, и в небольшом количестве вятичей, причем проследить территории, занимаемые ими, весьма сложно.

Тогда же, видимо, начинается и слияние близких по типу хозяйства и верованиям пришлых славянских и автохтонных финно-угорских

*Смирнов Юрий Михайлович (Муром) – старший научный сотрудник Муромского историко-художественного музея.

племен. Этот процесс носил мирный характер. Нет никаких сведений о крупных столкновениях между этими племенами, а данные археологии свидетельствуют о совместном проживании муромы и славян на одних селищах, использовании общих мест захоронения [11]. К XI в. рядом с поселениями муромы появились и славянские поселки [12]. Характерной чертой славянской колонизации на данной территории было не вытеснение автохтонных племен, как это произошло, например, в Рязанской земле, а синтез пришлых и местных народностей.

Муром называют одним из пяти древнейших русских городов, так как он фигурирует в списке городов Начальной русской летописи под 862 годом. Однако уже в самой летописи он обозначен как город, принадлежавший племени мурома. Собственно летописные сведения о племени этим и ограничиваются. Ко времени первого упоминания Муром едва ли мог считаться городом в полном смысле, хотя, по мнению М.Н.Тихомирова, город существовал уже в IX в. [13]. А.Л.Монгайт к IX в. относит только поселение [14]. Поскольку археологически пока не подтверждено даже существование поселения этого времени [15], наиболее правомерной представляется точка зрения Е.И.Горюновой, согласно которой на месте города был ряд деревенских поселков с центральным поселением племени мурома [16]. Вслед за И.Я.Фрояновым М.В.Кривошеев считает, что это поселки родовых общин, которые в XI – начале XII в. стали превращаться в посад Муром [17]. В это время Муром существует как город со смешанным, славяно-муромским населением, но где, по-видимому, основными жителями оставались аборигены [18]. Во всяком случае, говорить о «русском» Муроме с 862 г., как это попытался сделать в полемике с Е.И.Горюновой И.П.Богатов, несколько преждевременно [19].

Славянская диаспора могла раствориться среди местного населения – предпосылки к этому были, если бы sporадическое славянское влияние не было мощно подкреплено походами Святослава 965 г. на Оку и Волгу и Владимира Святославича 985 и 997 гг. на Волжскую Булгарию и христианизацией края, начавшейся на рубеже X и XI вв., когда Муром попал в круг политических интересов киевских князей [20], возобновившейся в Муроме в 40-е – начале 50-х гг. XI в. и завершившейся в первой трети XII в. [21].

По сути, это был второй, экспансивный этап славянизации края. С конца X в. Муром оказался вовлеченным в междоусобную борьбу южнорусских князей, когда многочисленные и разноплеменные славянские дружины появлялись у стен города [22], иногда приводя с собой и половцев [23], которые выступали то противниками, то союзниками разных русских князей [24]. Поскольку едва ли не важнейшим вопросом подчинения князьям был вопрос о дани [25], муромские жители оказывали вооруженное сопротивление пришельцам [26], так как, по мнению

историка, Муром в X в. являл собой политическую организацию, способную самостоятельно решать экономические задачи [27]. Собственно, вопрос о дани для Мурома был не нов – по преданию, кормления в Муроме получали уже дружинники Рюрика [28]. Вторым вопросом, вызывавшим активное неприятие автохтонов-язычников, среди которых, видимо, имелись и отдельные представители ислама [29], было христианство, настолько интенсивно внедрявшееся новой властью, что это дало повод некоторым историкам считать стычки X–XI вв. вокруг Мурома и восстания муромцев конфессиональными по своему характеру [30]. Внешняя угроза способствовала консолидации местного населения, и, не случайно, по преданию, первый муромский князь Глеб из-за противодействия местных жителей даже вынужден был основать свою резиденцию в нескольких «поприщах» от города.

И княжеская экспансия, и христианизация Мурома явились факторами, способствовавшими процессу ассимиляции муромы. Из работ большинства российских ученых следует вывод, что окончательная ассимиляция муромы произошла именно в этот период. В пользу этого свидетельствует то, что Муром играет роль плацдарма славянской колонизации Нижегородского Поволжья [31], что подтверждается и данными исторической лингвистики [32]. Однако финский историк Х.Киркинен предполагает, что процесс ассимиляции был более длительным, так как с точки зрения лингвистики она невозможна в столь краткое время, а потому обращает внимание еще на один фактор, по его мнению, усиливший в XIII в. слияние муромы со славянами – монголо-татарское владычество [33]. Это вполне возможно, тем более, что не исключается вероятность того, что с середины XIII до середины XIV в. в Муроме находилась резиденция представителя Орды – «великого баскака владимирского» [34].

По всей вероятности, именно в XIII–XIV вв. завершается формирование антропологического и этнического облика жителей Мурома; при этом они сохраняют локальное название. С. Герберштейн в своих «Записках» называет их муроманами (*Muromani*) [35]. (Этнограф XIX в. описывал их так: «...Как правило, роста среднего, волосы имеют темно-русые, глаза – серые. Физически сильны, здоровы, проворны, ловки») [36]. На правобережье Оки рядом с Муромом жили марийцы, мешера, мордва, чудь белоглазая, позднее ассимилированные русскими [37].

Со времени вхождения в состав Киевской Руси и до взятия Казани Иваном Грозным Муром был пограничным городом. Его выгодное географическое положение на торговом пути [38], позволило ему достаточно скоро (к концу XI в.) стать одним из пятнадцати крупнейших городов Руси [39]. И в конце XVI в. Дон Хуан Персидский, побывавший проездом в Муроме, называет его «большим и многолюдным» [40].

Все это в значительной мере обуславливало специфику этнических контактов жителей Муром, которые можно разбить на ряд групп: военные, торговые, религиозные, культурные, путешествия, бытовые, брачные.

С конца XI по начало XVII в. Муром около тридцати раз подвергался осадам [41]. В числе осаждавших были славянские князья [42], половцы, волжские болгары [43], мордва [44], монголо-татары [45], казанские ханы, польские интервенты. В результате этих нашествий Муром неоднократно был разорен, сожжен и даже приходил в запустение.

Муромцы и сами принимали участие в военных походах. Муром играл роль сборного пункта русских войск для походов на восток. Сюда обычно стягивалась дворянская конница Замосковья. Здесь Иван Грозный проводил смотр войскам, идущим на Казань.

Для средневековья основными миграционными причинами были войны, приводившие на муромскую территорию «полоны» [46], равно как и муромских жителей уводили в плен. Вокруг города росли девственные леса, где в разное время скрывались полукочевые «бродники» [47] и беглецы. Подобные группы, просуществовавшие до конца XVIII в., нередко занимались разбоем [48]. Эти группы, видимо, были особым социальным явлением, и молва о них прокатилась так широко, что на голландской географической карте 1595 г. в густых лесах на правом берегу Оки помещена надпись: «Mordva grassatores mahumetan» («мордовские разбойники магометанской веры») [49].

Неурожаи и голод также инициировали стихийные миграции [50]. Практиковались и административные насильственные переселения, вызванные политическими или экономическими причинами. Из Муром, в свою очередь, люди отзывались для несения «государевой службы», иногда при этом связь их с уездом не прекращалась [51].

Большинство исследователей, упоминая дореволюционный Муром в своих работах, характеризует его как город торговый, купеческий, связывая само его возникновение с расположением на торговом водном пути [52]. Основными товарами, поставляемыми из Муром в другие регионы, в основном, через посредников, были мед, меха, кожа, рыба. Остальная торговля была ориентирована на местный рынок или была транзитной.

Могли быть и прямые контакты. Об их механизме судить пока довольно сложно – возможно, это были не только торговцы, но и паломники, пристраивавшиеся к караванам. Во всяком случае, в кафедральном соборе св. Мартина в Лукке (Италия) имеется надпись «ДЪАКОН МОУРОМСКЪИ ПИСАЛ», датируемая XII–XIII вв. [53].

Местный рынок был недостаточно обширным. Поэтому наиболее предприимчивые торговцы территориально расширяли свою деятельность. Одними из самых богатых торговых людей России первой

половины XVII в. были Наум и Демид Пахомовы Глотовы и их племянники, «Муромского сельца Карачарова крестьяне». Они ходили до Мангазеи, имели в Сибири приказчиков, которые скупали пушнину [54]. Знаменитую Макарьевскую ярмарку основал муромский купец. В 1769 г. 40,7% от общего числа горожан Муромы были купцами, в 40-х гг. XIX в. купцом числился каждый девятый из 9,5 тысяч жителей [55]. В Муроме торговали и купцы из других городов – ближних и дальних.

Бытовые этнодемографические контакты осуществлялись и во время отхожих промыслов, которые в Муроме были очень развиты. Например, в 80-е гг. XVIII в. преобладающее число работных людей, подрывавшихся на перевозку казенной соли на Волге, было выходцами из Муромского уезда [56]. В 1928 г. на отхожих промыслах было занято 2,38% населения округа (самая высокая цифра в Нижегородском крае), в 1929 – 1,4%) [57]. «Отходничество» сохраняется до сих пор.

Сведения о межнациональных браках в известных исторических источниках и литературе о Муроме отсутствуют. Сохранилась легенда времен ордынского ига, по которой муромская девушка обнаружила раненого ордынца, скрывавшегося в потаенном месте. Она стала его выхаживать, между ними возникла любовь, и все, как это следует из закона жанра, закончилось трагически. При всем сочувствии легенды к судьбе влюбленных, она объективно фиксирует отрицательное отношение к бракам с чужаками.

О культурных контактах можно говорить только предположительно. Например, широко известно, что в каролингское время муромские кузнецы ковали мечи по франкскому образцу и не худшего качества. В архитектуре Козьмодемьянского храма, построенного, вероятно, той же бригадой, которая возвела храм Василия Блаженного в Москве, усматриваются среднеазиатские строительные приемы. И, наконец, некоторому влиянию католической культуры подвержено творчество муромского иконописца А. Казанцева (XVIII в.) [58].

Исторические источники скупо на характеристики, однако некоторое представление о нраве муромцев составить все-таки можно. С.Кузнецов, изучая топонимику муромской округи, пришел к выводу, что муромы были племенем, склонным к веселью [59]. У суздальских летописцев они вкупе с рязанцами назывались не иначе, как людьми гордыми, буими, непокоривыми и своеобразными [60]. Когда Батый послал к рязанским князьям требовать десятины во всем, рязанские, муромский и пронский князья ответили: «Когда нас не будет, то все ваше будет» [61]. А. Курбский отмечает, что муромская дружина «была старинного рода и среди русских считалась храброй и мужественной» [62]. Легенда на карте Каспара Вонгелюса 1566 г. характеризует муромских жителей как хитрецов, смекалистых, оборотистых людей

или людей, связанных с хлебным промыслом [63]. За пределами своего города жителей Мурома обычно называли по имени города [64].

К этому следует добавить, что муромцы имели прозвища: их дразнили «калашниками» – по особым калачам, выпечкой которых славился город, – и «вертячими бабами» [65] (у А. А. Епанчина – «вертячие бобы»; кроме того, он приводит еще три других прозвища: козозвоны, водохлебы, рогатые орехи [66]. Этимология первых двух неясна. Третье – рогатые орехи – опять же может указывать на особенность муромцев и связана, скорее всего, с тем, что на одном из озер неподалеку от Мурома произрастала довольно редкая в этих местах культура – съедобный водяной орех чилим, который собирали и использовали в пищу. На скорлупе ореха имелись напоминающие рога выросты).

Своеобразный менталитет иногда приводил к восстаниям Муромцев [67]. Такие восстания происходили и в новейшее время, как, например, белогвардейский мятеж 1918 г. [68]. Последнее восстание произошло в 1961 г. [69].

«Непокоривость» и желание самостоятельности Муром никогда не покидали. Выйдя из-под власти владими́ро-суздальских князей, в 1392 г. Муромское княжество было присоединено к Москве великим князем Василием I. В последующие столетия административное подчинение Мурома неоднократно менялось. Он входил в состав Московской, Казанской губерний, а с образованием Владимирской – во Владимирскую [70]. Состав Муромского уезда менялся. После нескольких сот лет административного подчинения, местными органами управления в 1919 г. была предпринята робкая попытка объединения «однородных, дополняющих друг друга районов в Муромском округе». К этому вопросу уисполкомы Муромского и окружающих уездов вернулись в 1921–1922 гг., когда инициировалось предложение о создании Муромской губернии [71]. Однако в результате муромские земли опять были разобщены. В 1929 г. часть земель Муромского уезда отошла к Нижегородской области, остальные вошли в состав Ивановской и Московской [72]. И только 14 августа 1944 г. образована Владимирская область, в составе которой Муром обрел исторически привычное подчинение Владимиру, сохранив при этом, однако, локальное самосознание. На вопрос «Откуда ты?» муромский житель никогда не скажет, что он «владимирский». Если требуется уточнение, добавит: «Оттуда же Илья Муромец». И только после этого, если есть необходимость, дает привязку к областному центру. Связи с Владимиром ощущаются, прежде всего, в административной сфере. В деловых, торговых, образовательных контактах Муром более ориентирован на Москву и Нижний Новгород.

Миграции относительно крупных групп населения продолжались и двадцатом веке, и причины их, в основном, оставались теми же. Когда во время первой мировой войны в Муроме появилось довольно много

эвакуированных из западных областей России, здесь, пожалуй, в первый раз за всю историю Муром, образовалось даже нечто вроде национальной общины – еврейской, попытавшейся добиться разрешения на открытие синагоги. Синагогу открыть так и не разрешили [73]. Таким образом, если не считать старообрядчества, с XIV в. это был первый массовый бытовой контакт муромского православия с иной конфессией. В этой связи следует отметить, что по данным на 1 января 1896 г. на 15679 жителей в Муроме было тридцать пять старообрядцев, тридцать восемь католиков, девять протестантов и двадцать пять представителей других вероисповеданий [74].

Конец XIX – начало XX в. характеризуются заметным притоком в Муром населения из окрестных деревень, что было связано с развитием промышленности в городе. В годы гражданской войны он прекратился, и, более того, «существовавшая раньше тяга в города совершенно прекратилась и заменилась возвратом в деревню» [75]. Волна беженцев в этот период также была не очень значительной. По всей губернии в октябре-декабре 1921 г. «числилось беженцев 1251 человек, русских военнопленных 2532 человека и вражеских военнопленных 36 человек... Скопления людских масс, подлежащих перевозке, на территории губернии не наблюдалось» [76]. (Приток населения возобновился в годы первых пятилеток и продолжался до девяностых годов XX в.).

После гражданской войны население района практически мононационально. По переписи 1926 г., в Муроме – городе – проживало 21449 чел., при этом на все города и поселки городского типа Муромского округа (а это Муром и Павлово) приходилось 620 представителей других национальностей, среди которых было 48 татар и 24 мордвы, прочих – 548 [77]. В сельском секторе округа проживало: татар – 431, мордвы – 258, прочих – 234 чел. В общем на территории округа основной состав населения был русским – 99,71%. Удельный вес татар – 0,09, мордвы – 0,05, прочих – 0,15%. Татары и мордва проживали локально [78].

В двадцатые годы прошлого столетия в Муроме была поселена значительная по численности группа, привезенная из голодающего Поволжья [79], в тридцатые – переселенные работники КВЖД [80]; среди последних были этнические китайцы и корейцы, заключавшие потом браки с русскими. Перед Великой Отечественной войной в д. Подболотне под Муромом осела «колония» ленинградских специалистов, направленная для строительства оборонного завода. Последняя волна переселенцев достигла Муромы после распада СССР.

В период Великой Отечественной войны Муром является транзитным пунктом, через который на восток идут людские потоки для формирования войсковых соединений, проезжают эвакуированные, приходят санитарные поезда для сортировки раненых в эвакогоспиталях и дальнейшей их транспортиции. Стремительное продвижение немецких войск

в начальном этапе войны делало рискованным долгосрочное размещение в городе перемещенных людских масс.

К середине XX в. Муром становится городом с развитой оборонной промышленностью, поэтому въезд иностранцам в него закрыт. Его посещают только туристы из союзных республик. Из зарубежных гостей время от времени появлялись официальные делегации из г. Мост (Чехословакия), с которым Муром завел осторожное побратимство. Соответственно, и муромцы ездили с ответными визитами.

С шестидесятых годов начинается постепенное проникновение на муромский рынок «лиц кавказской национальности». Как правило, это недолгие наезды для продажи цветов или фруктов. Каждое лето в городе на две-три недели появляются цыгане, которые стоят табором под городом. В начале семидесятых началась реконструкция железной дороги, и в городе был размещен строительный батальон, основной контингент которого составляли солдаты, призванные из республик Средней Азии и Закавказья. Контакты с ними, как правило, ограничивались молодежными драками на танцплощадках. При этом в обывденном сознании совершенно не выделялись отдельные национальности – в отсутствии постоянных этнических контактов для жителей Мурома это не играло никакой роли. Студентов из Душанбе, приезжавших на фольклорную практику, местные жители, например, принимали за цыган.

После падения железного занавеса Муром попал в сферу общения с иностранцами. Образовался поток иностранных туристов, как одиночных, так и групповых. В город стали приезжать иностранные ученые, спортсмены, журналисты. В первой половине девяностых десантировались различные консультационные группы. В городе в течение нескольких лет проводились международные соревнования по велоспорту «Пелетон», главным итогом которых можно считать заключение нескольких браков иноземных спортсменов с местными девушками. В городе было создано восемь совместных предприятий с предпринимателями Испании, Канады, Ливана, Турции и др. стран, которые, однако, не оставили заметного следа ни в экономике, ни в культурной жизни города.

В постперестроечный период гораздо заметнее оказались стихийные торговые потоки. В течение нескольких лет каждую субботу в Муром приезжали автобусы с торговцами из Белоруссии, место вещевого рынка получило неофициальное название Белорусского, хотя белорусы уже не приезжают торговать в Муром. След этих отношений остался и в попытке открыть специальный магазин «Белорусский трикотаж». В небольшом количестве на рынке присутствуют вьетнамские челночники. На продуктовом рынке свою нишу заняли азербайджанцы. Нельзя сказать, что их много и что они заправляют рынком. Выходцы из

Армении, Грузии и других республик в основном создают частные предприятия. Национальный колорит проявляется только в названиях: кафе «Арагат», «Арагви» (примеров, пожалуй, больше нет).

Кроме перечисленных, в Муроме сегодня проживают выходцы из Бангладеш, Болгарии, Индии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Непала, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Украины. Число их незначительно, какие-либо оформленные землячества или иные этнические объединения отсутствуют.

У коренных муромцев напрочь отсутствуют навыки межнационального общения, отсутствие знаний о различных этнических культурах граничит с невежеством. Соответственно, отсутствуют и какие-либо комплексы, зачастую возникающие в подобном общении. Представители иных этносов воспринимаются по местным правилам, хотя некоторая скидка на то, что это «чужак», делается. В свою очередь, отсутствие землячеств вынуждает иноэтничный контингент усваивать эти правила и подчиняться им, принимать локальные стереотипы поведения, а привычные элементы этнической культуры демонстрировать очень осторожно.

По сравнению с началом XX в. население Муромы выросло в десять раз. Однако пополнение произошло, в основном, за счет жителей окружающих деревень. До второй четверти XX в. здесь практически не было проявлений даже бытового национализма в каких-либо формах. Позже под влиянием внешнего идеологического воздействия появились слабые тенденции к этому. Показательно, что предпринятые несколько лет назад попытки РНЕ создать здесь свои активные структуры к успеху не привели.

Таким образом, следует отметить, что население Муромы сложилось в VII–XIV вв. в этническом котле славянских и финно-угорских племен, породив своеобразную местную культуру. Находясь на границах русского государства, муромцы вступали в контакты с окружающими его народами и бывавшими в нем иностранцами. Эти контакты, как правило, носили единичный и кратковременный характер, были позитивными и негативными, и, как правило, неглубокими. Долговременных бытовых контактов не отмечается. До первой четверти XX в. город был, по сути, моноэтничным. Постепенный приток иноэтничных элементов в течение XX в. не привел к какому-либо заметному влиянию на этническое самосознание муромцев.

Литература и источники

1. Тихомиров М.Н. Древнерусские города // Ученые записки МГУ. М., 1946. Вып. 99. С. 9–10, 12.
2. Уваров А.С. Археология России. Каменный период. М., 1881. Ч. 1. С. 112; История Муромы и Муромского края с древнейших времен до конца

двадцатого века. Учебное пособие / Отв. ред. Ю. М. Смирнов. Муром, 2001. С. 13.

3. История Муром и Муромского края... С. 29; Дубынин А. Ф. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли // СА, 1966. № 3. С. 67–79.

4. Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Л., 1973. С. 101, 102.

5. Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1976. Вып. IV; Кузнецов С.К. Русская историческая география. М., 1910. Вып. 1. С. 108–127.

6. Гераклитов А.А. К вопросу о национальности летописной «муромы» // Изв. Нижегородского института краеведения им. М. Горького. Саратов, 1931. Т. IV.

7. Алихова А.Е. Мордва и мурома // КСИИМК. М., 1949. Вып. XXX. С. 26–30; Дубынин А. Ф. Малышевский могильник (К истории нижней Оки I тысячелетия н.э.) // КСИИМК. М., 1949. Вып. XXV. С. 134–136.

8. Смирнов А.П. Очерк древней истории мордвы // Труды ГИМ. М., 1940. Вып. XI. С. 159; Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1961. Вып. 94. С. 143.

9. Мартыанов В.Н., Надькин Д.Т. Об этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья I тысячелетия н.э. // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. Саранск, 1979. С. 103–133.

10. Голубева Л. А. Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 82.

11. Там же. С. 81, 83, 84–85; Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР, 1901. № 25. С. 44–50, 105, 113.

12. Горюнова Е.И. К истории городов Северо-Восточной Руси. // КСИИМК. М., 1955. Вып. 59. С. 14, 171; Она же. Муромская экспедиция // КСИИМК. М., 1949. Вып. 27. С. 101; Она же. Итоги работ муромской экспедиции // КСИИМК. М., 1950. Вып. 33.

13. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 431.

14. Монгайт А.Л. Указ. соч. С. 247–248.

15. См: Бейлекчи В.В. Исследования на Кремлевской горе Муром // Археологические открытия 1998 года. М., 2000. С. 76–77; Бейлекчи В.В., Родин В.В. Новые археологические исследования в муромском кремле // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 9–17; Воронин Н.Н. Муромская экспедиция // КСИИМК. М., 1947. Вып. XXI; Воронин Н.Н., Горюнова Е.И. Отчет муромской археологической экспедиции АН СССР в 1946 г. // НА МИХМ, 1947. № 343; Чалых Н. Е. Археологические исследования в кремле г. Муром // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. М., 1987; История Муром и Муромского края. Муром, 2001. С. 41.

16. Горюнова Е.И. К истории городов Северо-Восточной Руси // КСИИМК. М., 1955. Вып. 59. С. 14, 171; Она же. Муромская экспедиция //

КСИИМК. М., 1949. Вып. 27. С. 101; Она же. Итоги работ муромской экспедиции // КСИИМК. М., 1950. Вып. 33.

17. Фроянов И.Я. Спорные вопросы образования городов на Руси // Историческая этнография. Л., 1985. Вып. 3. С. 114, 115; Кривошеев М. В. Указ. соч. С. 34–35.

18. Кривошеев М.В. Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI начала – XIII вв. по материалам повестей. Гатчина, 2003. С. 30.

19. Богатов И. П. О времени возникновения Мурома // СА. № 3. С. 223–226.

20. См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 197–200; 217.

21. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 399–400; Тихомиров М.Н. Начало христианства на Руси // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 261; Чернышев В.Я. Исторические предпосылки крещения Муромской земли // Рождественские чтения – VII. Ковров, 2000. С. 46–48.

22. См., например: Кривошеев М. В. Муромо-Рязанская земля... С. 36–39; Кузнецов С. К. Русская историческая география... С. 110; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 60; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства... С. 197–200, 205; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1909. С. 103–104; Пресняков А. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909. С. 39–40, 41, 75–76, 120.

23. Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград, 1918. С. 224–225, прим.

24. Родина М.Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. Владимир, 2004. С. 62.

25. См. : Кривошеев М.В. Муромо-Рязанская земля... С. 36–39.

26. Тихомиров М.Н. Древнерусские города... С. 75.

27. Новиков М.П. Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. М., 1991. С. 74–75.

28. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства... С. 10. Прим. 3; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 22.

29. См., например: Кузнецов С.К. Русская историческая география. С. 113.

30. См.: Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 75–77; Тихомиров М.Н. Древняя Русь... С. 94–95; 270.

31. См.: Каптерев Л. М. Нижегородское Поволжье 10–16 веков. Горький, 1939; Грибов Н.Н. Сельская округа средневекового Мурома на правобережье р. Оки // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 18–22; Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 247–248.

32. Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород, 1994. С. 123, 143.
33. Цит. по: Альквист А. От Муром до Муураме: происхождение этнонима мурома // Уваровские чтения – III. Муром, 2001. С. 234.
34. Аверьянов К.А. К вопросу о «белых пятнах» в средневековой истории Муром // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 70.
35. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 134.
36. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 34.
37. Епанчин А.А. Краеведческий сборник. Муром, 2005. С. 19.
38. См.: Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 281; Кузнецов С.К. Указ. соч. С. 110; Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 75.
39. Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. Всего автор приводит сведения о 1395 населенных пунктах.
40. Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 176.
41. См.: Епанчин А.А. Краеведческий сборник. С. 36.
42. Галкин В.А. Суздальская Русь. Иваново, 1939. С. 71.
43. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 237.
44. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 98.
45. Тумасов Н. Историко-юридический быт русского крестьянства. Крестьянство до конца XVI столетия. Киев, 1872. С. 71–72.
46. Например, в январе 1229 г. муромский князь Юрий Владимирович, участвуя в походе великого князя Юрия на мордву, вторгся в Пургасову волость, забрал большой полон. (См: Кузнецов С. К. Мордва. М., 1912. С. 32–33).
47. На появление «бродников» в Муромской земле и участие их в Липицкой битве рядом с муромцами указывает А. Н. Насонов. См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. С. 204, 214–215.
48. Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. СПб., 1880. С. 138; Епанчин А.А. Краеведческий сборник. С. 51–56; Турусов И.В. Окский разбойник Рошин в нижегородских и владимирских преданиях // Уваровские чтения – VI. (В печати).
49. Фоменко И.К. Руссия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 63.
50. См.: Волостнов С.А. История голода и продовольственного обеспечения до середины XIX в. (Муромский край и сопредельные территории) // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 233–239.
51. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. С. 318. По данным С. Б. Веселовского, в 1597 г. в Москве служило

200 чел. из Муром; Козляков В. Н. Служилый город Московского государства XVII в. (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.

52. См., например: Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XIII вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1992. С. 201; Кузнецов С.Н. Русская историческая география. С. 110; Бахрушин С. В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. III. С. 106; Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. С. 140 и др.

53. Dell'Agata Giuseppe. Antiche Iscrizioni Cirilliche nel Duomo di Lucca // Ricerche Slavistiche. 1973–1974. XX–XXI. P. 5–14. Благодарю Ю.Клиценко, указавшего мне на этот факт.

54. Бахрушин С. В. Торговые крестьяне в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 124.

55. Чернышев В. Я. Муром. Краткий путеводитель. Муром, 2004. Кн. 2. С. 46.

56. Истомина И.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1982. С. 77.

57. Муромский округ перед 5-леткой. Муром, 1930. С. 74.

58. Вольф де Й.-М. «Лучезарная звезда Муром» // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 97–99.

59. Кузнецов С.К. Русская историческая география. С. 149.

60. Беляев И. Рассказы из русской истории. М., 1865. С. 342.

61. Там же. С. 321.

62. Покорение Казани (Из «Сказаний князя Курбского») // Историческая хрестоматия по русской истории. СПб., 1881. Ч. 2. С. 49.

63. Фоменко И.К. Россия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 62.

64. Шишкин Н. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1999. С. 87; Козляков В.Н. Служилый город Московского государства. С. 108; Полосин И. И. Древнерусский литературный портрет // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVII – начала XVIII в. М., 1963. С. 258.

65. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 577.

66. Епанчин А.А. Краеведческий сборник... С. 45.

67. Козляков В.Н. Служилый город Московского государства. С. 31.

68. См.: Кручинин А.С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 283–286.

69. См.: Дорофеев А.А. Массовые волнения в Муроме в 1961 г. // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 306–309.

70. См: Водарский Я.В. Дворянское землевладение в России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1988. С. 65; ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. Ст. 2218; Большакова Н.В. Крутицкий приход Покровского уезда. Петушки, 2001. С. 9–16.

71. Муромский округ перед 5-леткой. С. I.

- 72. Там же. С. II.
- 73. Благодарю В.Я. Чернышева, любезно сообщившего мне эти сведения.
- 74. Добрынкин В. Муром прежде и теперь. М., 1903. С. 20.
- 75. Отчет в совет труда и обороны Владимирского Губернского Экономического Совещания. На 1 января 1922 года. Владимир, б/г. С. 90.
- 76. Там же. С. 47.
- 77. Муромский округ перед 5-леткой. С. 29, 33.
- 78. Там же. С. 33.
- 79. Наумов В.В маленьком городе. С. 85. Отдельный оттиск без выходных данных. Музей Управления народного образования округа Муром.
- 80. Боль и память. Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области. Владимир, 2003. Т. 2. С. 57.

*И. Г. Бурцев**

Миграционные процессы на Куликовом поле в XII–XVII веках

Куликово поле – обширная степная территория с вкраплением балочных и водораздельных лесов на юго-востоке Тульской области между реками Дон, Упа (правый приток р. Ока) и Красивая Меча (правый приток р. Дон). Это часть так называемого «Тульского степного коридора», который вклинивается в леса и лесостепи Центральной России с юга и идет почти до р. Ока [Егоров, 1997. С. 32]. В силу своего географического положения история Куликова поля – это история миграций населения. В этом отношении можно выделить несколько периодов миграционных процессов:

1. Освоение территории Куликова поля до XI в.
2. Заселение Куликова поля в славянское и древнерусское время.
3. Миграционные процессы в период Золотой Орды и уход населения в конце XIV в.
4. Повторное заселение Куликова поля русскими и миграции населения в XVI–XVII вв.
5. Микромиграционные процессы XVIII–XIX вв.
6. Миграции населения в XX в.

1. Первоначальная история Куликова поля скрыта от нас. Некоторые предположения можно строить лишь на основании данных археологии. На сегодняшний день археологами обнаружено здесь несколько стоянок эпох мезолита и неолита [АКР, с. 14, 20, 101, 104, 106, 107, 139, 141, 187, 188, 194, 195], несколько поселений бронзового и раннего железного веков [АКР, с. 17–18, 65, 75, 82, 84, 90, 100, 101, 102, 107, 113, 121, 123, 192, 194–196, 200].

2. Из славянского населения, вероятно, первыми в X–XI вв. сюда пришли вятичи [Гоняный, Недошивина, 1991. С. 251–252] и северяне [АКР, с. 71–72, 74, 100]. К концу XI в. территория Куликова поля вошла в сферу интересов Черниговского княжества, а с середины XII в. – и Муромо-Рязанского (впоследствии – Рязанского) княжества. Колонизация земель в верховьях Дона активизировалась, видимо, после того, как была снята половецкая опасность, ведь кочевья половцев достигали р. Прони (правый приток р. Ока) и г. Пронска [Насонов, 1951. С. 203, 204]. И именно к концу XII в. исследователи относят начало колонизации этих земель [Гоняный, Гриценко, 1997. С. 19]. Куликово поле, как,

***Бурцев Игорь Геннадьевич** (Тула) – научный сотрудник Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле».

впрочем, и весь Окско-Донской водораздел, стали зоной пересечения сфер влияния Черниговского и Рязанского княжеств, зоной столкновения двух переселенческих потоков, спорной территорией. Номинально правый берег Дона считался черниговским, левый – рязанским [Насонов, 1951. С. 65, карта]. К середине XIII в. на Куликовом поле существовало более 160 неукрепленных поселений и пять городищ [Гоняный, Гриценко, 1997. С. 19]. Особенно мощный поток переселенцев шел из Рязанской земли, в частности, из Пронского княжества [Заидов, 2000. С. 140–142].

3. С монгольским нашествием территория Куликова поля вошла в состав непосредственно Золотой Орды. Некоторые исследователи считают, что по ряду причин спорные (для Чернигова и Рязани в доордынское время) территории Окско-Донского водораздела перешли в ведение Орды и превратились в земли «тульского баскачества» и «татарские земли» актов XIV–XV вв. [Шебанин, 2005; ДДГ, с. 29]*. Другие полагают, что эти земли являлись некоей буферной зоной между русскими княжествами и Ордой, находившейся в совместном хозяйственном использовании и управлявшейся баскаками [Егоров, 1985. С. 37, 42–43], а то и были в личном владении ордынских ханов (по крайней мере, ханши Таидулы [Егоров, 1997. С. 32]). В любом случае земли Окско-Донского междуречья управлялись баскаками. После нашествия Батыя более трех четвертей поселений на Куликовом поле прекращает свое существование, в том числе и все городища, но в связи с последующей стабилизацией ситуации в регионе население вновь притекает сюда [Гоняный, Гриценко, 1997. С. 19]. Вплоть до середины XIV в. жизнь здесь бурлила, что показывают археологические раскопки [напр., АКР, с. 15–17, 108–110, 123–124].

Но с началом «великой замятни» в Орде (60-е гг. XIV в.) ситуация изменилась. После убийства «царицы Таидулы», по мнению В.Л.Егорова, власть тульских баскаков ослабла [Егоров, 1985. С. 42]. По всей видимости, Москва и Рязань, претендовавшие на земли между Окой и Доном, захватили их (те самые «татарские места» [ДДГ, с. 29]), в связи с чем участились набеги ордынцев на Куликово поле и окрестные территории [Шебанин, Шеков, 2004. С. 147]. Население стало разбегаться: на запад – в Верховские княжества (удельные княжества великого княжества Черниговского), на восток – в Рязань, на север – в Москву. Самые верхние границы древнерусских поселений на Куликовом поле археологи датируют 70-ми гг. XIV в. [Шебанин, 2001. С. 166], т.е. на момент Куликовской битвы (1380 г.) населения на Куликовом поле практически не было. С этого времени большая часть Куликова поля запустела.

*Автор выражает благодарность Г.А.Шебанину за любезное разрешение воспользоваться материалами, готовящимися к печати.

тела почти на 200 лет, став частью поля «Дикого». Однако земли между Окой и Доном еще около 100 лет продолжали оспаривать друг у друга Москва, Рязань и Великое княжество Литовское, включившее в свой состав бывшие черниговские владения. В конце концов, ко 2-й четверти XVI в. Московское государство включило в свой состав все спорные земли, в том числе и Куликово поле. Московским князьям были необходимы как южные черноземы, так и укрепленная и отодвинутая на большое расстояние от Оки южная граница. Ведь на протяжении почти 200 лет основным рубежом обороны от Орды и ее преемников был берег Оки (так называемый «Берег»), нередко преодолеваемый татарами.

4. В XVI в. основным противником Московского государства – наследником Золотой Орды – стало Крымское ханство. По территории Тульского края (и Куликова поля в том числе) пролегли сакмы главного пути крымских вторжений – Муравского шляха. Поэтому очень важно было удержать контроль над этим южным московским пограничьем. Кроме того, около 1506–1507 гг. крымский хан Менгли-Гирей выдал ярлык на различные земли, в том числе, видимо, и на Окско-Донское междуречье, королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду I [Kuczinsky, 1936. С. 78; Шебанин, Шеков, 2004. С. 153; Иванов, Шебанин, 2004. С. 74]. Этот шаг подкрепил претензии польско-литовского государства на данные территории и усилил антагонизм между Москвой и Литвой. Видимо, в связи со всеми этими событиями московское правительство решает построить ряд крепостей южнее Оки, главной из которых стал каменный кремль «на Туле» (1514–1520).

В середине XVI в. в Окско-Донском водоразделе обустраивается Большая засечная черта. А с 50-х гг. начинается продвижение на юг – «в Поле». В 1552 г. заложен Декиловский острог, граничащий с Куликовым полем. В 1550–1560-е гг. возводится ряд крепостей вокруг поля: на западе и юго-западе – Крапивна, Плова, Солова, Орел; на северо-востоке и востоке – Михайлов, Шацк, Ряской (Ряжск); на юго-востоке – Донков. В 1566/7 г. в северной части Куликова поля, в районе Епифанова болота на Дону, появляется несколько казачьих поселений, а вскоре возводится Епифанский острог [ПКМГ, с. 1588; Лаврентьев, 2005. С. 49–51, 65]. В 1571/2 г. была составлена писцовая книга по Епифани и Епифанскому уезду, и с этого времени можно уже с уверенностью говорить о населении Куликова поля, ссылаясь на письменные источники.

Основу первых поселенцев Епифанского уезда составили казаки, стрельцы, пушкарки. Очень мало здесь было поселено и наделено землей «детей боярских» – 12 (в основном это помещики из Венева, получившие дополнительные «дачи» к имеющимся у них землям). Крестьяне на 1572 г. были расселены по уезду в 59 дворах (по 2–3 двора в деревнях и починках). В Епифани существовала Черная слобода, в которой было 62 крестьянских двора и два двора кожевников, один двор черного крестья-

нина находился в Стрелецкой слободе. Особую категорию составили люди князя Ивана Мстиславского (68 дворов), которому в течение некоторого времени принадлежали эти земли*.

По писцовой книге, в Епифани насчитывалось 708 чел. в 702 дворах [ПКМГ, с. 1594]. А.В.Лаврентьев не без оснований полагает, что на самом деле епифанского населения было больше в 3–4 раза (порядка 2-2,5 тыс. чел.) ввиду того, что в книгу не были записаны родственники служилых людей: неверстанные мужчины, а также женщины и дети [Лаврентьев, 2005. С. 55–56]. Но эта цифра относится ко дворам казачьим (восемь слобод, 498 дворов), стрелецким (две слободы, 126 дворов), Черной слободы (от 62 до 70 дворов), пушкарей и «затинщиков» (восемь дворов). Кроме того, «на Епифани» было еще восемь дворов сотников, семь – воротников, три двора людей князя Ивана Мстиславского, двор самого князя, 22 церковных двора (итого 41 двор) и еще 115 дворов существовало в уезде. Если принять утверждение Лаврентьева о 3-4-кратном превышении реального населения над «списочным», то в этих дворах могло проживать еще порядка 460-620 чел.** Таким образом, всего в уезде могло проживать около 3 тыс. чел.

Что касается региональной принадлежности населения, то ответить на этот вопрос весьма затруднительно из-за обрывочности сведений. Писцовая книга упоминает о выходцах из Карачева, Деდიлова, Медыни, Крапивны, Коломны [Лаврентьев, 2005.С. 66], а также о землевладениях служилой верхушки в Тульском, Каширском и Веневском уезде [ПКМГ, с. 1582–1584]. Десятня «епифанцов детей боярских» 1591/2 г. говорит о венецах и дворянах, служащих «из Белева», причем упоминается, что часть этих детей боярских версталась в Епифани еще в 1583/4 г. Некоторые фамилии писцовой книги, десятен 1584/5 и 1591/2 гг. можно интерпретировать как прозвища по месту рождения или проживания до епифанской службы (напр., Коширенин, Тульской, Вологдин, Бронской, Перевитцкой, Черемисинов, Осетр (?), Коломнетин, Болотцкой, Пронской, Хованской (?), Москаль (?), Любогушинской***, Муромцев, Ноугородов), кроме того, здесь встречаются имена и фамилии тюркско-татарского происхождения (Тугарин, Казарин, Курбат, Мелех, Малик, Якуш, Ермак; Албычев, Бирев, Бурнаков, Бухаров, Кошкарров) [Сторожев, 1891. С. 92–127; Фомин, 2000. С. 320]. Можно предположить, что большую часть Епифани и уезда населили выходцы из рязанских земель – в

*Статус этих земель до сих пор вызывает споры [см., напр., Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969; Фомин, 1990, С. 127–128; Лаврентьев, 2005. С. 43–87].

**В эти цифры не входят упомянутые в ПКМГ «ниции», проживавшие в 14 кельях при 5 храмах.

***Любогощь – деревня в Деდიловском уезде.

силу давней рязанской экспансии, близости к рязанцам, а также ввиду того, что Епифань долгое время считалась рязанским городом. Данные этнографии позволяют подкрепить это предположение тем, что в северо-восточной части Куликова поля до сих пор преобладают остатки обрядности рязанского типа [См. также: Глазьев В. Н. Структура власти в городах-крепостях «на поле» в конце XVI в. // Исторические записки: Научные труды исторического факультета ВГУ. Воронеж, 1997. Вып. 2; Лаврентьев, 2005. С. 62].

Жизнь на южной границе была весьма опасной из-за непрекращающихся крымских набегов. Не случайно писцовая книга 1572 г. зафиксировала в Епифани 74 запустевших двора (почти 1/10 всех дворов), которые «вымерли в нынешнем в 80 году» [ПКМГ, с. 1594] (скорее всего, в результате набега крымчаков 1571 г.). Кроме того, в уезде запустело 18 и сожжено крымчаками 16 дворов, сожжен монастырь в Болахнинской слободе, к западу от Епифани. О проблемах с набором воинских контингентов для Епифани говорит то, что на 1572 г. здесь всего 500 казаков (из 700 положенных «по штату»). Видимо, в связи с этим епифанский казачий голова Федор Лихарев имел право набирать («прибирать») казаков самостоятельно, не согласовывая свои действия с Москвой, а для «которых казаков приберет» отведено 190 мест дворовых [ПКМГ, с. 1594]. Но и 500 казаков – это грозная сила (учитывая, что всего на «украинах» казаков насчитывалось от 5 до 7,5 тыс.) [Лаврентьев, 2005. С. 56].

Мы уже отмечали, что служилое дворянство составляло незначительную прослойку в уезде. Опасное пограничное положение Куликова поля вызывало нежелание дворянства других уездов, несмотря на сокращающееся там (особенно в Подмоскovie) количество свободной земли, получать здесь земельные владения. Для укрепления и расширения дворянской корпорации, чтобы восполнить убыль служилых людей после Ливонской войны, а также для повышения обороноспособности Епифанского уезда и освоения земель Куликова поля [Фомин, 1990. С. 130] в 1585 г. боярин Дмитрий Иванович Хворостинин и дьяк Василий Шерапов по приказу Москвы поверстали 300 епифанских казаков в «дети боярские» [Сторожев, 1891. С. 92–99]. Хотя земельные пожалования были небольшими (70 человек получили по 40 четей, 230 – по 30 четей) и обрабатывать землю новым помещикам приходилось, как и прежде, самим, это повысило социальный статус бывших казаков*.

Через шесть лет в Епифанской десятне 1591/2 г. из 300 чел. уже не встречаются 39 имен «детей боярских», а всего в ней 272 чел., т.е. налицо

*Персональные земельные пожалования также выделяли их среди другого служилого населения – до сих пор все служилые епифанцы получали землю «вопче», на слободу, и нарезали ее потом по количеству семей, получая по жребью.

сокращение числа новоявленных помещиков. Хотя в десятне и упоминается 397 имен, именно служилых «еписанцов детей боярских» – 272. Дело в том, что в этом документе перечислены так называемые «нетчики» (три человека, не явившиеся на смотр, устроенный стольником Иваном Басмановым), недоросли (15 чел.), выбывшие со службы (31 чел., из них умерло 23, исключено по старости пять («ходят меж двор»)), взято в плен крымчаками 3. Отдельным списком идут венецы, а также дети боярские, которые «служат из иных городов»: четыре городских венеца, «новик прожиточной», шесть «нетчиков», три недоросля, 11 умерших, один негоден («ходит меж двор»), 20 чел. «служат из Белева» и три – «из Тулы», два сосланы «на низ» (нижний Дон) [Сторожев, 1891. С. 101–127]. Таким образом, мы наблюдаем, с одной стороны, уменьшение количества собственно еписанских помещиков, но с другой – расширение контингента «детей боярских» за счет соседних уездов.

В апреле 1600 г. царь Борис Годунов упразднил службу «на Берегу», в результате чего «Большой разряд» (5 полков) был переведен в тульские пределы, а «украинный разряд» («меньшой розряд», 3 полка) переместился южнее, в орловские земли. На Еписани встал сторожевой полк князя А. А. Репнина [Разрядная книга 1475–1605, с. 66; Разрядная книга 1559–1605, с. 320–321]. Наверняка, размещение этого полка в течение нескольких лет повлияло на состояние г. Еписани и Куликова поля в целом, но проследить это не представляется возможным ввиду отсутствия каких-либо документов.

Тяжелым испытанием стала как для страны, так и для Куликова поля Смута. Полтора десятка лет лихорадило Московию, особенно ее южную окраину. Жители Куликова поля принимали активное участие в событиях того периода. Часть еписанского гарнизона (более 80 чел.) осенью 1604 г. была отправлена в войско против Лжедмитрия I [Боярские списки, с. 35, 67, 83, 87]. В ноябре отряд «еписанцов детей боярских новиков» находился в войске князя Д. И. Шуйского под Брянском [Сторожев, 1891. С. 129–130], были еписанцы и при осаде Кром [Лаврентьев, 2005. С. 120]. Весной 1605 г., после смерти Бориса Годунова, Еписань в числе прочих «украинных» городов присягнула Лжедмитрию I [Лаврентьев, 2005. С. 121–122]. В конце 1605 – начале 1606 г. еписанские «дети боярские» были поверстаны для похода в Крым, задуманного Самозванцем, разделены на 3 сотни (Истомы Пашкова, Леонтия Крадыскина и Ивана Коптева – все не еписанцы) и направлены в Елец – место сбора рати [Сторожев, 1891. С. 131–132; Лаврентьев, 2005. С. 122–129]. Именно здесь еписанский сотник И. Пашков летом 1606 г. возглавил выступление сторонников «царя Димитрия Ивановича» против Василия Шуйского. Одной из причин выступления дворян был, видимо, отказ от похода на Крым [Лаврентьев, 2005. С. 131]. Отряд И. Пашкова, выступив из Ельца, соединился с туляками Г. Сумбулова и

рязанцами П.Ляпунова (своими фактическими соседями и коллегами). Впоследствии дворянское войско этих трех командиров присоединилось к армии И.Болотникова*.

Вероятнее всего, епифанцы лишь частично последовали за своим сотником в Москву, так как он был венежским помещиком и не настолько тесно был привязан к Епифани. Видимо, другая часть «епифанцов детей боярских», поверстанных в 1605/6 г., вернулась по домам, а некоторые могли остаться и в Ельце [Лаврентьев, 2005. С. 132]. Как бы то ни было, но Епифань Василия Шуйского не поддержала, как и другие «украинные» города: «А черниговцы, и путимцы, и кромиичи, и комарицы, и все рязанские города** за царя Василия креста не целовали и с Москвы всем войском пошли на Рязань: у нас-де царевич Дмитрий Иванович жив». Не поддержала она, по всей видимости, и Лжедмитрия II в 1607 г. (его воеводы взяли город штурмом) [Лаврентьев, 2005. С. 136]. Но, возможно, что часть жителей Епифани и уезда могла уйти с войсками второго Самозванца к Москве.

В тяжелой обстановке гражданской войны, «разброда и шатания», возобновились набеги степняков на «украины». В 1609 г. крымские татары совершили разорительный набег, во время которого сильно пострадал Епифанский уезд. В 1611 г. отряды ногаев осуществили набег на бассейн р. Прони [Лаврентьев, 2005. С. 138]. Несмотря на запустение уезда, Епифань все же смогла принять и разместить казачий отряд И.Заруцкого и «двор» царицы Марины Мнишек, когда те бежали из Коломны в Рязанские земли: «Михайлов город, и Пронеск, и Ряской, и Донков, и Епифань своровали, призвали Заруцкого на Михайлов» [Станиславский, 1990. С. 58].

Первоначально «царица Марина Юрьевна» и «боярин» И. Заруцкий смогли обосноваться лишь в Сапожке и затем в Михайлове (декабрь 1612 г.), не сумев взять Переяславль Рязанский, Шацк, Рязск, «прельстить» Мещеру и Арзамасский уезд. Но в марте 1613 г. Заруцкий и К^о перебираются в Епифань, опасаясь окружения со стороны правительственных войск [Станиславский, 1990. С. 66]. В это время гарнизон и население Епифани вряд ли были многочисленными (например, в 1616 г. здесь было 25 стрельцов и 40 казаков [Станиславский, 1990. С. 60]). С Заруцким же прибыло порядка 5-7 тыс. чел. (стрельцы, русские казаки, «черкасы», рязанские дворяне, служилые татары и мордва) [Лаврентьев, 2005. С. 146]. Правда, в начале апреля от него бежали более 200 «детей боярских» и казаков во главе с И.Толстым и атаманом М.Мартинковым [Станиславский, 1990. С. 68]. И. Заруцкий, не дожидаясь стягивания под Епифань правительственных сил, 10 апреля вышел на Дедилов, разгра-

*Дальнейшие события многократно описаны в литературе.

**Епифань долгое время относили именно к Рязанской «украине».

бил его и направился на Крапивну, которую после упорного сопротивления гарнизона также разграбил [Станиславский, 1990. С. 68–69]. После чего отряды Заруцкого двинулись на юг, некоторое время побывали в Лебедяни и ушли на Воронеж. 17 апреля в Епифань вошел рязанский воевода М.Вельяминов. Часть епифанцев ушла с Заруцким, оставшиеся «целовали крест» царю Михаилу Федоровичу [Лаврентьев, 2005. С. 154–155].

В последующие годы Епифань остается «украинным» городом, а уезд ее, разоренный крымчаками, ногаями и людьми Заруцкого, – слабонаселенным. Епифанские «дети боярские» воюют под Дорогобужем с гетманом А. Гонсевским, под Смоленском – с королем Сигизмундом III, под Рязанью – с «черкасами» и «литвой» гетмана А.Лисовского, участвуют в «Северском походе» на Курск «на литву», служат в большом полку «на Туле» [Лаврентьев, 2005. С. 160–161]. В середине 1618 г. через южные «украины» прошел отряд запорожцев гетмана П.Сагайдачного, воевавший на стороне поляков, в результате ряд деревень и починков «запустили от литовские войны» [КП: ДЗ. С. 113, 116; Лаврентьев, 2005. С. 162].

Писцовая книга 1627/8 г. (прошло 10 лет с похода П. Сагайдачного и 15 лет после «деятельности» в этих местах И. Заруцкого!) фиксирует удручающую картину: «И всего в Епифанском уезде 8 слобод, 4 станы да пустошь, а в них служилых дворов и детей боярских розных городов и епифанцов 203 человека, да 3 вдовы да 3 недоросли да 2 девки живут со вдовами с матерями, а поместья за ними в слободах 278 жеребьев да в станех село да полдеревни живущей да полтрети пустоши, что были села, да 11 пустошей с полупустошью да припускная пустошь... а в них 87 дворов помещиковых да двор людцкой, а людей в нем тож, да 3 двора крестьянских да 7 дворов бобыльских, а людей в них 11 человек да 327 мест с полуместом дворовых пустых. Запустили от татарские войны... Да ... за вотчинники... 2 двора вотчинниковы да место дворовое вотчинниково пусто да 2 двора крестьянских, а людей в них 5 человек, да 6 дворов бобыльских, а людей в них 7 человек, да 50 мест дворовых пустых крестьянских... Да в тех же слободах за сторожевыми козаки 46 дворов козачьих, а людей в них тож, да детей и племянников и подуседников 13 человек да 13 мест дворовых пустых... Да на Епифани ж подле города монастырь пуст, а в нем храм пуст. Службы нет. Да к монастырю пустошь, что было село, да пустошь, что была деревня, а в них 43 места дворовых пустых крестьянских... Да в тех же станех и в слободах и в селех 14 погостов, а в них 2 храма да храм пуст да 11 мест церковных, где бывали церкви. Запустили от татарские войны» [КП: ДЗ, с. 122–124].

В 30-е гг. XVII в., в связи с усилением ногайских и крымских набегов на южные «украины», началось строительство Белгородской черты, в

конце 40-х гг. туда был переведен «украинный разряд». В 1637 г. был построен Ефремовский острог на самом юге Куликова поля. Куликово поле перестало быть «украиной». Однако, несмотря на тыловое положение, эти земли по-прежнему пустовали – сказывалась их близость к Муравскому шляху и продолжающаяся крымская опасность. Особенно это проявилось в 1659 г., когда крымчаки прорвались сквозь Белгородскую черту и ринулись на Елец, Ефремов, Дедилов, Епифань [Фомин, 1990. С. 133]. Естественно, дворяне не хотели получать земли в столь опасных районах. Царское правительство решает тогда организовать на землях Куликова поля «государев пашенный завод». В 1663 г. в Люторецком стану Епифанского уезда началось строительство нового города – Богородицка. Однако межевание между Богородицким и Епифанским уездами произошло только в 1670/1 г., и на тот момент было освоено лишь 4,5% территории нового уезда [Фомин, 1990. С. 133].

Проблема заселения Куликова поля оставалась насущной, тем более, что это – район плодородных черноземов. Тогда московское правительство делает беспрецедентный шаг – начинает раздачу земель Куликова поля церковным иерархам (и это на фоне постоянной политики московских государей ограничивать церковное землевладение). 18 июля 1674 г. Богородицкий воевода С. Нелединский отмежевывает митрополиту Ростовскому и Ярославскому Ионе земли между реками Непрядвой и Филипповкой, 27 июля того же года – митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу земли между реками Непрядвой и Смолкой, 19 сентября – архиепископу Коломенскому и Каширскому Иосифу земли по р. Ситке, 20 сентября – Тульскому Предтеченскому монастырю на устье р. Ситки [Куликово поле: ДЗ, с. 134–149]. По народным преданиям, в этих же местах были отмежеваны и земли митрополиту Новгородскому и Великолукскому. На вновь приобретенные земли начинается переселение крестьян из вотчин иерархов – из московских, новгородских, ростово-суздальских, тульских земель. В это же время на берега р. Непрядвы переселяют дворцовых крестьян из Кромского и Рыльского уездов [Казанский]. Вновь поселенные крестьяне основывают села Михайловское, Ростово, Новгородское, Покровское. В 70–80-е гг. XVII в. начинается плотное освоение территорий между Доном и Упой. В это время начинает складываться новая система хозяйственных отношений, полевоин становится полем-тружеником. Но это – уже другая история Куликова поля.

Список сокращений

- АКР – Археологическая карта России
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
- КП: ДЗ – Куликово поле: Документы по землевладению XVII в.
- ПКМГ – Писцовые книги Московского государства

Литература и источники

- Археологическая карта России. Тульская область. М., 2002. Ч. 2.
- Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2.
- Гоняный М. И., Гриценко В. П. Куликово поле в XII–XVII вв. // Краеведческие чтения, посвященные 220-летию образования Тульской губернии. Тула, 1997.
- Гоняный М. И., Недошивина Н. Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // Советская археология, 1991. № 1.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950.
- Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985.
- Егоров В. Л. О времени возникновения Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997.
- Заидов О. Н. Грунтовый могильник у д. Исаковские Выселки в бассейне верхнего Дона // Историко-археологические чтения памяти Н. И.Троицкого. Тула, 1997.
- Заидов О. Н. К вопросу о заселении района Куликова поля в XII–XIII вв. // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.
- Иванов Н. В., Шебанин Г. А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во второй половине XIV–XV вв. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2004. Т. 2: История. Этнография. Искусствоведение.
- Казанский В.А. 300 лет истории крестьян села Михайловского // Вперед (Куркино), 1974. № 48.
- Куликово поле: Документы по землевладению XVII в. / Сост. и подг. к печати Н.К.Фомин. Тула, 1999.
- Лаврентьев А. В. К истории Верхнего Дона в XIV–XVI вв. // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М., Тула, 1999.
- Лаврентьев А. В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. М., 2005.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
- Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1877. Ч. 1: Писцовые книги XVI века. Отделение II.
- Разрядная книга 1475–1605. М., 1994. Т. IV. Ч. 1.
- Разрядная книга 1559–1605. М., 1974.
- Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.
- Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1891. Ч. 1: Десятни и Тысячная Книга XVI века.
- Фомин Н. К. Заселение Епифанского уезда в XVI–XVII вв. // Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990. (Труды Государственного ордена Ленина исторического музея; Вып. 73).

Фомин Н. К. «Епифанцы, дети боярские, бывшие казаки» – исторические судьбы социальной корпорации // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

Шебанин Г. А., Шеков А. В. О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV вв. // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004.

Шебанин Г. А. О владениях рязанских князей на правобережье Верхнего Дона в конце XIV–начале XVI в. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001.

Шебанин Г. А. Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. // Труды ГИМ. М., 2005 (в печати).

Kuczinski S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.

*И. В. Пугач**

**Русский феодальный город:
социально-демографическая характеристика
Устюжны Железопольской XVI–XVII веков**

По археологическим данным, Устюжна возникла не позднее XI в.^{**}. Вплоть до конца XV в. она оставалась небольшим поселением на северо-западной окраине Московского княжества, практически на границе с Новгородской землей. Даже в начале XVI в. в грамотах великих московских и удельных князей Устюжна значится как центр волости, «тянущая» к Угличу [1].

Существенные перемены в жизни города произошли в первой половине XVI в. Образование единого государства коренным образом изменило экономическое положение Устюженского края. Он оказался в центральной части государства, связывая между собой в единое целое крупные экономические регионы – старинные московские земли, северо-западные новгородские земли и Поморье. Хозяйственный подъем первой половины XVI в. и объективные природно-географические факторы, прежде всего крупные запасы болотной железной руды и разветвленная транспортная речная система, превратили Устюжну Железопольскую в один из крупнейших промышленных центров Русского государства XVI–XVII вв.

Сохранившиеся результаты писцового делопроизводства второй половины XVI–XVII вв., актовый материал по Устюжне позволяют рассмотреть многие стороны истории города, в том числе и вопросы социально-демографического развития [2].

Становление Устюжны Железопольской как крупного городского центра Русского государства приходится на середину XVI в. По итогам описания 1567 г. в ней насчитывалось 912 жилых дворов, в которых проживало 1012 «людей», 2 монастыря, 19 городских храмов. Достаточно широко были представлены учреждения центральной власти и местного самоуправления: губная изба и тюрьма, земская и таможенная избы, ямской двор; торгово-промышленная инфраструктура – лавки и торговые ряды, ремесленные мастерские и кузницы и т.д.

*Пугач Иван Васильевич (Вологда) – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

**В 1963 г. тщательное археологическое обследование городища провел А.В.Никитин. См.: Никитин А.В. Городище в г. Устюжне // Краткие сообщения Института археологии. М., 1967. Вып. 110. С. 114–118.

Сословная структура городского населения была представлена тремя основными категориями – посадские люди, духовенство, зависимое население монастырей и храмов. На 1567 г. их распределение было следующим. Из 912 жилых дворов абсолютное большинство – 766 дворов (84,0%) были за черным посадским людом, в 84 дворах (9,2%) проживало зависимое население городских монастырей и храмов, 50 дворов (5,5%) принадлежали клиру, а 12 дворов горожан (1,3%) находились на государевом оброке.

Таким образом, основной категорией городского населения были посадские люди. В 1567 г. их доля составляла 84,0% от общего числа дворов и 85,4% «людей» – 864 из 1012. Рост численности тяглого населения приходится, в основном, на 40–60-е гг. XVI в. Косвенно об этом свидетельствует увеличение числа городских храмов и значительное расширение жилой зоны городской территории. Так, в начале 40-х гг. XVI в. в городе появились три новых прихода – Козмодемьянский, Петропавловский и Покровский, настоятели которых в 1545 г. считались «выставочными попами», т.е. выделившимися из прежних приходов [3]. Чуть позже, в 50-е – начале 60-х гг. были образованы еще два прихода – Благовещенский и Рождественский.

Общий уровень социального статуса посадского населения Устюжны Железопольской, несмотря на разное имущественное положение, был достаточно высок. 93,1% посадских дворов (713 из 766), а если точнее – 93,8% (810 из 864 «людей»), несли полное государственное тягло [4]. По своему социально-имущественному положению и тяглой способности они распределялись следующим образом: лучшие – 50 дворов (6,5%); средние – 250 дворов (32,7%); молотчие – 213 дворов (27,8%); худые – 200 дворов (26,1%).

В целом, доля посадских дворов, принадлежащих к числу лучших и средних, составляла около 40%, что говорит об очень высоком социально-экономическом уровне развития Устюжны Железопольской. Даже городские бобыли и нищие, доля дворов которых составляла всего 6,9% (53 двора), были способны нести посильную для них часть тягла. Все они платили оброк – «2 алтына з дворишка на год или чем кого посадские люди обложат, по их промыслишком и животишком» [5].

В целом, в 60-е гг. XVI в. посадское население представляло господствующую и экономически устойчивую сословную группу, которая определяла социально-экономический облик города.

Существенную часть городского населения составляло духовенство, зависимое население монастырей и храмов и так называемые «церковные люди», прежде всего нищие, проживающие в кельях при храмах.

Дворы духовенства и церковного притча располагались, как правило, на монастырской или церковной земле рядом с храмом, иногда, «меж посадских дворов». Клир городских монастырей, ружных и

приходских храмов был значительный, хотя не все церкви были укомплектованы полным штатом.

Всего в Устюжне Железопольской в 1567 г. было 50 дворов священнослужителей и причетников, из них: 15 дворов священников, семь дворов дьяконов, три двора дьячков, 12 дворов пономарей и 11 дворов проскурниц.

Абсолютно большая часть зависимого населения города принадлежала к Рождественскому монастырю и проживала в слободе, которая располагалась недалеко от монастыря. Возникла слобода, видимо, в начале XVI в. В 1537 г., когда посад описывал С. Бутурлин, в ней насчитывалось 52 двора. На трех улицах «в Шилове, Рыжкове и на Пречистинской» стояли соответственно 29, 12 и 11 дворов. Это были «дворы не тяглые и к посаду в тягло и в сошное письмо не приписаны», которые «с тяглыми посадскими людьми ни в какие подати не тянут». Позже, монастырь получил на них «государеву цареву и великого князя жалованную грамоту» Ивана IV [6].

Через четверть века, Григорий Белкин, описывая посад Устюжны Железопольской в 1564 г., зафиксировал значительный рост слободы, почти на половину, до 77 дворов [7]. К 1567 г. слобода Рождественского монастыря численно не выросла и состояла из 77 дворов, в которых проживало 77 «людей».

Остальное количество дворов зависимого населения числилось за устюженскими храмами.

Кроме этого, при монастырях и большей части городских храмов в кельях проживали нищие, которые «питаютца у церкви божие». Всего при семи храмах было 62 кельи, от двух до 15 в каждом. Сколько в них проживало нищих, сказать трудно. Исходя из того, что в Рождественском монастыре в 10 кельях жили 22 старицы, надо полагать, что их было около 100-120 чел.

Таким образом, в середине XVI в. Устюжна Железопольская была крупным городским поселением и, не обладая официальным статусом «города», она числилась как посад, по своим размерам не только не уступала, но и превосходила, большинство городов Московской Руси. Если использовать общепринятую методику подсчета численности населения [8], то в 1567 г. все городское население Устюжны Железопольской составляло более 5 тыс. чел.

Во многом 60-е гг. XVI в. для Устюжны Железопольской могут считаться расцветом и вершиной ее демографического и социально-экономического развития. В ее последующей истории, на протяжении XVII – начала XX вв. численность населения, площадь городской территории не превосходили уровень середины XVI в. [9].

К концу XVI в. численный состав и структура городского населения значительно изменились. По итогам описания 1597 г., число жилых

дворов сократилось с 912 до 281, т.е. более чем в 3,2 раза, а население – почти в 2,3 раза. Запустение охватило все слои горожан. Степень его распространения среди посадского населения и населения монастырской слободы было практически одинаковым и несколько выше, чем у духовенства.

Во многом, это было следствием общегосударственных социально-экономических и политических причин, вызвавших хозяйственный кризис 70–80-х гг. XVI в. Однако на столь значительные размеры опустошения города, оказали влияние и местные факторы – прежде всего моровое поветрие 1569 г. [10] и сильный пожар «после Ильина письма Плещеева», т.е. описания 1567 г. [11]. Всего писцы насчитали 390 пустых дворов и мест дворовых. Запустили целые районы и улицы города. Так, на Рождественской улице числилось 90 пустых дворовых мест; в Васильевском конце – 90 пустых дворовых мест; в Калнецком переулке – 40 пустых дворовых мест; и т.д.

Столь значительное сокращение численности городского населения не привело, однако, к существенному изменению его сословной структуры. Основной категорией городского населения, как и прежде, оставались посадские люди. За ними числились 76,9% дворов и 85,3% людей. И если доля черных дворов в сословной структуре сократилась за 30 лет на 7,1%, то доля «людей» – всего на 0,1%.

Однако произошло не только значительное сокращения численности населения, что более существенно, резко изменился социальный и имущественный облик городских жителей, особенно посадских людей.

Произошло внутреннее перераспределение сохранившегося посадского населения. Людность двора выросла за 30 лет более чем в 1,5 раза, с 1,12 до 1,77. Из 216 посадских дворов в 82 дворах, что составляет 38,0%, проживала одна семья, в 106 дворах (49,1%) – две семьи, в 24 дворах (11,1%) – три семьи, а в 4 дворах (1,9%) – четыре семьи.

Практически исчезли дворы зажиточных посадских людей – их доля снизилась более чем в 12 раз, с 39,2 до 3,2%. Лучшие дворы вообще отсутствуют, а средних – только семь. Более чем в два раза с 27,8 до 60,2% выросла доля молотчих дворов и примерно в шесть раз с 6,9 до 36,6% – дворов бобылей и нищих.

Запустение коснулось и других сословных категорий населения. Почти на половину уменьшилось количество дворов клира – с 50 до 26. Более чем в два раза сократилось число дворов зависимого населения – с 84 до 39. При этом, их доля в общей структуре городского населения выросла соответственно с 5,5 до 9,3% и с 9,2 до 13,9%. Существенным является и то, что запустение посада не привело к значительному переходу тяглого посадского населения в белую слободу Рождественского монастыря. Относительный рост доли дворов в общей структуре населения города составил здесь 4,7%, а «людей» – только 0,2%.

Дворы других сословных групп, прежде всего принадлежащие дворянству или служилым людям по прибору в источниках XVI в. не упоминаются [12]. Устюжна Железопольская, не имевшая в XVI в. в масштабах государства ни политического, ни военно-стратегического, ни даже существенного административного значения, и не представляла интереса как центр феодального властвования и для господствующего класса.

Резкое изменение сословной структуры городского населения произошло в первой четверти XVII в. Массовая раздача черных и дворцовых земель в уезде, расширение его территории за счет соседних уездов и, наконец, строительство крепости-ostroга принципиально изменили ситуацию. Концентрация в городе в течение многих лет «служилых по отечеству» и «по прибору» привела к тому, что дворяне и дети боярские, которые были на «земской службе на Устюжне» поставили дворы в «городе», т.е. крепости. Кроме того, «люди их и крестьяне от польских и от литовских и от немецких людей з женами и з детми, и со всеми животы, живут на Устюжне», в осаде [13].

Состав городских дворовладельцев, особенно проживающих в пределах острога, в эти годы значительно изменился. Некоторые дворяне и дети боярские привозили государевы грамоты из Пушкарского приказа «о дворовых местах ... места займуд под осадные дворы велики», больше чем им полагалось [14]. Но, как правило, «дворяне и дети боярские и всякие съезжие уездные люди покупали на Устюжне в остроге для осадного времени у посацких людей дворы и посацкую землю ... а иные на тяглоу посацкой земле на огородах для отсаду ж ставили дворы» [15].

Напротив, посадские люди, у которых дворы стояли за пределами острога, не стремились перебраться в крепость. Воевода неоднократно призывал их к себе и советовал им бить челом государю о грамотах «по чему им места в городе давать под осадные дворы». Большая часть посадских людей отказывалась ставить в городе «особно дворы, так де у нас станут ставить стрельцов и нас де стрельцами истеснят». Чаше они «вкупались в дворы человека по 3 и по 4». И только некоторые посадские люди, которые «получше ... ставили себе осадные дворы на огородных местах у своих родимцов и у друзи, своим произволом» [16].

По дозору Филиппа Маслова и подьячего Матвея Лужина, проведенного в 1619 г., в Устюжне в остроге было 77 жилых дворов и два места дворовых «дворянских и детей боярских, что покупали у вустюженцов посацких людей тяглые дворы, а иные ставили на тяглоу земле». Кроме этого на Устюжне в остроге ж стояли 90 дворов «стрелецких и уездных всяких крестьян, а покупали те дворы стрельцы и уездные всякие люди тяглые, посацких же людей» [17]. Следовательно, за 10 лет, с 1609 г., когда была построена крепость, по 1619 г. на территории города

только в пределах острога 167 дворов и два места дворовых перешли к дворянам, стрельцам или крестьянам. Все они ранее принадлежали посадским людям или были поставлены на посадской земле.

После прекращения военных действий в крае и окончания Смуты, «дворяне и дети боярские и всякие уездные люди, которые на Устюжне для осадного времени дворы покупали и которые сами ставили, с Устюжны розъехались по себе» но, в течение ряда лет, сохраняли свои дворы в городе – «теми свои дворы владеют» [18].

При значительном росте во втором десятилетии XVII в. дворов служилых людей и крестьян существенно сократились число и доля дворов других категорий горожан.

В наибольшей степени запустение коснулось посадского населения. В 1619 г. «на Устюжне в остроге и на посаде было тяглых посацких 16 дворов, а людей в них 31 человек да бобыльских 27 дворов, а людей в них 45 человек» [19]. То есть во всей Устюжне Железопольской, а не только в остроге, было только 43 посадских двора. По отношению к концу XVI в. абсолютные размеры запустения числа посадских дворов составили более 500% (с 216 до 43), а к середине XVI в. – более 1700% (с 766 до 43).

Таким образом, к началу 20-х гг. XVII в. сословная структура города претерпела существенные изменения. Основными категориями городского населения стали служилые люди и крестьяне. По самым примерным подсчетам их доля составляла около 60% от общего числа всех жилых дворов горожан и значительно, примерно в четыре раза, превышала число посадских дворов [20].

Только к концу первой четверти XVII в. сословная структура городского населения Устюжны Железопольской стала приобретать привычные очертания. Правда, в значительной степени этому способствовали правительственные мероприятия. По государеву указу от 5 августа 1623 г. все дворы, стоящие на посадской земле, независимо от их принадлежности, переводились в число тяглых, а запустевшие дворы отдавались как тяглые посадским людям [21].

Экономический потенциал Устюженского края, прежде всего как одного из крупнейших районов металлургического производства, довольно быстро дал свои результаты и изменил социально-демографическую ситуацию. К началу второй четверти XVII в. население Устюжны Железопольской не только количественно выросло, но и стало качественно иным.

В 1626 г. в городе насчитывалось 397 дворов. Большую часть из них составляли посадские дворы – 278 или 70,0%. Второй по численности была группа слободских дворов Рождественского храма – 43 (10,8%) [22]. За дворянами к этому времени осталось только 23 жилых двора (5,8%). Столько же дворов принадлежали священнослужителям и причетникам.

За несколько лет в значительной мере изменился социально-имущественный состав посадского населения. 178 из 278 посадских дворов по итогам описания 1626 г. были записаны в состав полнотяглых дворов, что составило 64,0%. За год до описания их доля была 39,2%. Правда, большая часть из них – 84,8% – принадлежала к категории «молотчих» дворов.

В дальнейшем, на протяжении XVII в. в сословной и социально-имущественной структуре городского населения Устюжны Железопольской принципиальных изменений не происходит, она сохраняет достаточно устойчивые черты.

В середине XVII в. в городе проживали или имели дворы представители, видимо, всех основных сословных групп – духовенство, дворянство, служилые по прибору, крестьяне и, конечно, посадские люди. Выявить их число, соотношение и структуру не представляется возможным, так как мы располагаем только общими данными о тяглом населении за 1646 гг.

Темпы роста городского населения за вторую четверть XVII в. были, видимо, незначительны и имели место в основном среди посадского населения. Так, число дворов посадского населения выросло за 20 лет всего на 43, с 278 до 321, что составляет чуть более 15%. Это при том, что в городе в 1626 г. было 152 пустых дворовых и огородных места. В городе среди посадских, по переписной книге 1646 г., числятся 174 середних и молотчих двора, «людей в них» 583 чел. и 120 бобыльских дворов, «людей в них» 210 чел. Кроме этого, в других дворах жили шесть молотчих людей и 30 бобылей. Сохранилась и бывшая монастырская слободка, но уже записанная в посадское тягло. В ней было 27 дворов – 14 тяглых (44 чел.) и 13 бобыльских (24 чел.). Статистические данные о других сословных группах отсутствуют [23].

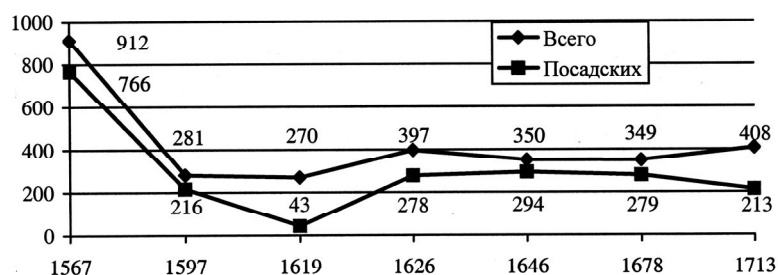
Некоторую ясность относительно основных тенденций развития сословной структуры городского населения вносят данные описания 1676 г. Согласно переписи, в Устюжне Железопольской было 349 дворов, в которых насчитывалось 1191 «людей». Из них посадским людям принадлежало 279 дворов (85,1%), в которых было 1043 «людей» (87,6%); клиру – 25 дворов (7,2%), в них – 57 «людей» (4,8%); нищим и вдовам – 13 дворов (3,7%), 44 «людей» (3,7%); крестьянам – 9 дворов (2,6%), 35 «людей» (2,9%); иных – пять дворов (1,4%), в них 12 «людей» (1,0%) [24].

Таким образом, динамика развития сословной структуры городского населения Устюжны Железопольской на протяжении более 100 лет, с середины XVI в., дает возможность говорить о ее достаточной стабильности и устойчивости. Все социальные, политические и природные потрясения не сломали социально-экономической облик Устюжны Железопольской как торгово-промышленного города-посады, в котором ведущая роль принадлежала посадским людям.

При всей возможной неполноте данных, доля посадских людей в структуре городского населения остается практически неизменной, в пределах 84-87%. Единственный период, когда произошло нарушение данного соотношения – Смутное время. Концентрация служилого сословия в Устюжне на полтора десятилетия изменили не только социальный облик города, но и его экономическую сущность – практически прекратилась производственная деятельность кузнечной промышленности. В 1615 г., когда правительство сделало заказ на изготовление самопалов, воевода, оценивая возможности, писал: «от того де самопального дела кузнецы розбрелися розно ... только де и осталось на Устюжне три человека» [25].

Причины данного явления имели далеко не экономический, а, прежде всего, политический и социальный аспекты. Прекращение «Смуты», восстановление разрушенного хозяйства и экономический рост, наконец правительственные мероприятия, достаточно быстро нормализовали социальную структуру города до обычных параметров. Ее устойчивость является еще одним фактором, подтверждающим своеобразие социально-экономического облика Устюжны Железопольской как «города нового типа, который получит развитие в XVII и особенно в XVIII в.» [26].

Приложение 1

Посадское население в сословной структуре
Устюжны Железопольской середины XVI – начала XVIII в.

Литература и источники

1. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря. М., 1983. № 1. С. 7.
2. В XVI–XVII вв. Устюжна Железопольская неоднократно описывалась. Сохранились материалы трех описаний – сотные 1567 г., 1597 г. и 1626 г. См.: 1567 г. – Сотная с книг И. И. Плещеева и Григория Зубатова Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской. Публикация Ю.С.Васильева и Н.П.Воскобойниковой // Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981 С. 136–177. Далее –

Сотная 1567 г.; Сотная с писцовых книг Д.Г.Бельского на посад Устюжны Железопольской 1597 г. Публикация Н.П.Воскобойниковой и П.А.Колесникова // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 130–158. Далее – Сотная 1597 г.; Архив С.-Петербургского Института российской истории РАН. Колл. 11. Д. 116. Далее – Сотная 1626 г.

3. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. № 289. С. 541.

4. В итогах описания явная описка – 730 вместо 713 дворов. См.: Сотная 1567 г. С. 160.

5. Там же. С. 160, 162.

6. Сотная 1567 г. С. 138.

7. Там же. С. 138, 139.

8. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1. С. 17-20.

9. В начале XVIII в. в Устюжне Железопольской было 408 дворов и 2288 жителей, а в начале XIX в. – 569 обывательских домов и 2057 жителей. См.: Книга переписная города Устюжны Железопольской 1713 г. Публикация Баландина Н. И., Червякова В. П. // Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970. С. 198; Словарь географический Российского государства. Собранный Афанасием Щекатовым. М., 1808. Ч. 6. С. 649–650. Только в начале XX в. число городского населения Устюжны приблизилось к 5 тыс. чел. См. Торгов А. Я. Деловой спутник по Северному краю и Верхнему Поволжью. Ярославль, 1913. С. 412.

10. Сотная 1597 г. С.143.

11. Там же. С. 141.

12. Об их отсутствии говорит и «Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую». Готовясь к обороне города, «устюженстии людие послаша во уезды по дворян и детей боярских». Вскоре, собравшись в соборном храме, они избрали «себе головою Солменя Отрепьева, да Богдана Перского, да устюженскаго прикащика Алексея Суворова, занеже на Устюжне воеводы в то время не бе и ратного дела не знаху, ни начатка браннаго не ведаху». Всего по первому призыву горожан прибыло «дворян и детей боярских двадцать семь человек». См.: Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вологда, 1993. Вып. II. С. 184.

13. РГАДА. Ф.141. Д.73. Л.28.

14. Там же. Л.304.

15. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 35. № 318. С. 565, 566.

16. РГАДА. Ф. 141. Д. 73. Л. 304, 305.

17. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 35. № 318. С. 567, 568.

18. Там же. С. 566.

19. 1626 г. – Роспись перечневая, что на Устюжне в остроге и за острогом по новому писму Ивана Кутузова да подячево Посника Трофимова в живу-

щем сошного писма и что посадских людей и что с них государевых четвертных всяких денежных доходов. Публикация П.А.Колесникова // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. Вологда, 1985. С. 104. Далее – 1626 г. – Роспись перечневая ...

20. По нашим расчетам, всего в Устюжне Железопольской в 1619 г. было не более 270-280 дворов. Точное их число неизвестно, нет данных по количеству дворов городского клира и слободы Рождественского собора. В 1626 г. их было соответственно 23 и 43, и за 7 лет предшествующих описанию их число, на наш взгляд, значительно не изменилось.

21. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 35. № 318. С. 569, 570.

22. В сохранившемся списке сотной 1626 г., выданной посадским людям, слобода не описана. Посадский мир в лице земского целовальника просил царя Михаила Федоровича «слободку написать с новых писцовых книг по-прежнему в Устюжную посадскую сотную» и указал в ней «в обысках» 43 человека. См.: Сенигов Г. П. Памятники земской старины. Петроград, 1918. С. 265.

23. 1626 г. – Роспись перечневая ... С. 104; Акты писцового дела. М., 1977. Т. 2. С. 220.

24. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). М., 1972. Вып. 1. С. 76, 105.

25. РГАДА. Ф. 137. Устюг I. Л. 172, 173.

26. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 213.

Д. А. Черненко*

**Структура сельского расселения в Центральной России
в XVII–XVIII веках и проблема демографического
оптимума (на примере Суздальского уезда)**

В данной статье предпринята попытка совместить подходы, характерные для двух направлений в отечественной историографии – аграрной истории и исторической демографии – на локальном материале. Такое совмещение необходимо, поскольку в аграрном социуме, каковым Россия являлась вплоть до XX в., земля – это не только одно из средств производства или объект владения, но и важнейший ресурс, от качества и количества которого во многом зависят и возможности воспроизводства и увеличения населения. Своеобразной «точкой пересечения» этих двух научных направлений, на наш взгляд, может быть изучение структуры сельского расселения, показывающее характер освоения того или иного района крестьянством (характер использования земельных массивов, динамика возникновения новых поселений, степень увеличения населения и т.п.). Продуктивность такого подхода видна из материалов XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [1].

Именно с таких позиций в данной статье предложены результаты изучения структуры сельского расселения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв. Территория этого староосвоенного уезда входила в состав владими́ро-суздальского ополья, известного своими плодородными землями. В XVII в. в уезде доминировали родовые княжеские и боярские вотчины, крупные владения монастырей. К тому же, еще Ю.В. Готье статистически доказал, что этот уезд гораздо менее прочих в Замосковном крае пострадал от разорения периода Смуты [2]. Таким образом, перед нами редчайший пример стабильного развития региона на протяжении XVII–XVIII вв. в весьма благоприятных условиях.

Источниковой базой для данной работы послужили писцовая книга Суздальского уезда 1628–1630 гг. [3] и Экономические примечания к Генеральному межеванию Суздальского уезда последней четверти XVIII в. [4]. Сведения этих двух кадастровых описаний были практически полностью переведены в компьютер в виде двух электронных баз данных в формате Microsoft Excel и обрабатывались методами количественного анализа.

Проблема, заявленная в данной работе, пока не стала объектом систематического изучения. Однако ряд весомых научных результатов обра-

*Черненко Дмитрий Анатольевич (Вологда) – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

зуют историографическую основу для наших наблюдений. В первую очередь, необходимо сказать о результатах фундаментальных исследований крупных отечественных историков-демографов Я.Е.Водарского и В.М.Кабузана [5]. Данные этих двух авторов территориально соотносимы, что позволяет совместить данные двух исследований и проследить рост населенности крупных районов Европейской России на протяжении огромного периода от времени составления переписных книг (1678 г.) до последней (десятой) ревизии 1857 г.

Один из наиболее интересных выводов, который вытекает из подсчетов двух историков-демографов, касается Центрально-промышленного района [6]. Как следует из подсчетов названных авторов, с демографической точки зрения этот район был самым неблагоприятным – за почти 180 лет население здесь увеличилось всего в два раза – с 1 млн. 843 тыс. д.м.п. в 1678 г. до 3 млн. 837 тыс. д.м.п. в 1857 г. [7]. Подчеркивая это обстоятельство, В.М. Кабузан пишет: «По всем ревизиям без исключения этот район занимал одно из самых последних мест... Прирост населения этого района по всем ревизиям уступал общему среднему приросту по всей России, включенной в первую ревизию, и даже ни разу к нему не приближался» [8]. А в первой половине XIX в. именно отсюда наблюдается максимальный отток населения [9]. Это наблюдение звучит парадоксально, поскольку речь идет об историческом ядре всего Российского государства, его важнейшей и староосвоенной части. Каковы же причины столь неблагоприятной демографической ситуации в историческом центре России?

Сам В.М. Кабузан был склонен объяснять данное обстоятельство воздействием крепостного права [10]. Однако абсолютизировать этот фактор не стоит хотя бы потому, что, по данным самого же В.М.Кабузана и Я.Е.Водарского, в соседнем Центрально-Черноземном районе население за то же время выросло в несколько раз. Этот район также характеризуется преобладанием крепостного населения, причем господствующей формой ренты здесь была барщина, а в «депрессивном» с демографической точки зрения Центрально-промышленном районе преобладала более легкая оброчная форма эксплуатации крепостных крестьян. Не отрицая фактор феодальной эксплуатации крестьянства, необходимо уделить особое внимание и специфике земледельческого хозяйства в этом регионе.

Серьезный фактический материал, позволяющий акцентировать эту проблему, давно известен в литературе. Так, Н.Л.Рубинштейн опубликовал поразительные данные о зерновом балансе различных губерний в России второй половины XVIII в., из которых следует, что для всех губерний Центрально-промышленного района характерен весьма значительный дефицит зерна [11]. По сути дела, «нормальным» или, по крайней мере, «не слишком большим» выглядит недобор 20–30% зерна

для удовлетворения самых необходимых потребностей (продовольственная – из расчета 3 четверти [12] зерна на человека в год – и посев, без учета необходимых продаж зерна для уплаты оброка и подушной подати). В Московской губернии в 1780-е гг. зерновой дефицит и вовсе достигал почти 60% от необходимого уровня потребностей, а за счет неучтенного притока в Москву 150–200 тыс. крестьян-отходников он был еще выше.

Особое значение для данной темы имеют исследования Л.В. Милова. Уже в своей ранней статье он убедительно показал, что в российском Нечерноземье трехполье даже во второй половине XVIII в. дополнялось огромными массивами перелога, наличие которых в это время невозможно объяснить хозяйственным кризисом или другими чрезвычайными обстоятельствами [13]. Это наблюдение стало важным звеном в формировании той концепции экономической истории России, которая была развернута Л.В.Миловым в его последнем фундаментальном исследовании [14]. Для данной темы особое значение имеет вывод Л.В.Милова о необходимости для крестьян Нечерноземья резерва пустых переложных земель, поскольку паровая система не могла компенсировать неизбежное истощение скудных почв. Автор прямо увязывает кризисные явления в российском земледелии с истощением этого резерва со второй половины XVIII и особенно в XIX в. [15].

Итак, речь идет о драматической ситуации, когда получение даже низких урожаев возможно только в рамках экстенсивного хозяйства с большими резервами земли, сохранение которых в длительной перспективе невозможно из-за неуклонного роста населения.

В связи с этим показательно, что в отечественной историографии были высказаны предположения о некой предельной демографической нагрузке, которую способна нести территория Нечерноземья. Первым такое предположение высказал Б.А.Романов в обширной рецензии на работы Н.В.Воронина и С.Б.Веселовского о типологии сельских поселений средневековой Руси, которая представляла собой собственное скрупулезное исследование этой проблемы [16]. Им было предложено понятие «предел вместимости», по достижении которого перенаселенное крупное сельское поселение с неизбежностью должно было разделиться на несколько самостоятельных поселений [17]. Второе заявлено в новейшем исследовании по исторической демографии Н.А. Горской, считавшей, что одной из наиболее перспективных задач этого направления является изучение проблемы «демографического оптимума» [18].

Таким образом, два ученых предложили термины, обозначающие ситуацию невозможности дальнейшего роста населения на микро- (Б.А. Романов) и макроуровне (Н.А. Горская). Главным недостатком этих предположений была слабая подкрепленность конкретным фактическим материалом. Хотя Б.А. Романов основывался на данных писцовых книг,

он смог привести всего несколько примеров распада поселений из-за превышения «предела вместимости». Кроме того, сами критерии «предела вместимости» были очень расплывчатыми. Что же касается термина «демографический оптимум», то в монографии Н.А. Горской нет его развернутой интерпретации, что, видимо, обусловлено спецификой данного исследования как исключительно историографического.

Тем не менее, само направление размышлений этих весьма авторитетных ученых представляется нам безусловно продуктивным. Ниже предлагаются результаты нашего изучения системы сельских поселений Суздальского уезда, которые во многом соответствуют приведенным выше построениям.

Нами было произведено сплошное сопоставление данных писцовой книги и Экономических примечаний. Для наших целей более подходящим могло стать уяснение динамики изменений в направлении от XVII к XVIII в. (от материала писцовой книги к примечаниям). Но здесь возникает непреодолимая трудность. Дело в том, что административные границы уездов изменялись на протяжении XVII–XVIII вв. Так, обширная территория Суздальского уезда XVII в. в екатерининское время была поделена между шестью уездами (собственно Суздальским, Юрьев-Польским, Шуйским, Ковровским, Гороховецким уездами Владимирской губернии и Нерехотским уездом Костромской губернии). Не имея никаких картографических материалов за XVII в., невозможно даже в грубом приближении убедительно вычленить тот массив писцовой статистики, который был бы территориально адекватен материалам Генерального межевания. Следовательно, при сопоставлении материалов двух кадастров приходится идти от материала XVIII в. к материалу XVII в., т.е. искать в писцовых книгах топонимы, соответствующие более позднему материалу Экономических примечаний, выявлять долю объектов XVIII в. в писцовой книге.

Такое направление анализа придает нашим результатам характер некой «обратной перспективы», но надежность выводов становится значительно выше. Сопоставление данных писцовых книг и Экономических примечаний производилось на уровне отдельных поселений и пустошей, что подразумевало тщательную проработку каждого топонима. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Структура сельского расселения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв.

Тип объекта в первой трети XVII в.	Тип объекта в последней четверти XVIII в.							
	Село		Сельцо		Деревня		Пустошь	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Село в первой трети XVII в.	72	66,67	1	1,79	1	0,55	1	0,24
Сельцо в первой трети XVII в.	6	5,56	18	32,14	3	1,66	2	0,47
Деревня в первой трети XVII в.	3	2,78	10	17,86	95	52,49	22	5,20
Пустошь в первой трети XVII в.	2	1,85	6	10,71	25	13,81	216	51,06
Новый объект	25	23,15	21	37,5	57	31,49	182	43,03
Всего	108	100	56	100	181	100	423	100

Данные таблицы свидетельствуют, что за полтора века произошло сравнительно небольшое обновление структуры сельского расселения в этом районе: 70% всех сельских поселений последней четверти XVIII в. существовали здесь уже к началу XVII в. В некоторых случаях уровень стабилизации был еще выше – например, сеть сел конца XVIII в. на 87% восходит ко времени писцового описания, т.е. к началу XVII в. она сложилась практически полностью. Другой важный вывод состоит в том, что в этот период довольно слабо выражена тенденция развития сельского поселения «по восходящей линии»: даже в столь длительной перспективе весьма нетипичным было превращение сельца в село, деревни – в сельцо, пустоши – в деревню. Подобные варианты аккумулировали лишь 15% всех поселений последней четверти XVIII в., а внутри каждой категории поселений их удельный вес был просто ничтожным (несколько процентов в каждой группе). Иными словами, можно говорить о высокой степени стабилизации структуры сельского расселения в Суздальском уезде уже к началу XVII в. и с количественной, и с качественной стороны. А это значит, что крестьянская колонизация уже к этому времени с большой полнотой и точностью освоила массив наиболее пригодных земель, поэтому новые поселения «встраивались» в эту сложившуюся сеть достаточно редко и медленно.

Явная тенденция к ранней консервации сети поселений нарушается только в группе селец, где и степень обновления была чуть выше (более трети составляли новые поселения), и развитие «по восходящей линии» происходило чаще (еще около трети всех селец образовались из прежних деревень и пустошей). Чем объяснить более высокую степень обновления именно сети селец?

Думается, что это оно объясняется известной функцией сельца как господского центра в структуре сельского расселения [19], что позволяет связать эволюцию сельца как типа поселения с изменением положения дворянства. Как известно, в XVII–XVIII вв. оформился исключительно привилегированный статус дворянства, сильно возросла и его численность, повысились и «жизненные стандарты» российского дворянина. Все это прослеживается и на нашем локальном материале. Сопоставление материалов писцовой книги и Экономических примечаний показало, что в Суздальском уезде количество дворян-землевладельцев за XVII–XVIII вв. выросло как минимум в полтора раза, а помещичьи дачи стали более благоустроенными: в каждой четвертой усадьбе отмечен плодовый сад, а в каждой третьей – копанный пруд (в писцовой книге подобных примеров нет). Все это стимулировало развитие господского хозяйства, и, как следствие, способствовало активному «пополнению» селец за счет появления новых поселений или развития деревень и пустошей. Таким образом, нетипичный рост сети селец можно объяснить своеобразной «конъюнктурой» сословного строя, которая повлияла именно на этот сегмент системы поселений.

Итак, структура расселения в XVII–XVIII вв. в Суздальском уезде отличалась большой устойчивостью, даже консервативностью. За полтора столетия здесь не произошло сколько-нибудь серьезного обновления и расширения ни в одной группе поселений, за исключением селец. Это говорит о том, что уже к началу XVII в. «матрица» пространственного освоения этой территории сформировалась практически полностью.

Следующий важный для данной темы вопрос – о характере роста населенности сельских поселений, взятая нами в дворах, поскольку сведения писцовой книги о населении двора («людях») весьма специфичны [20], что исключает возможность их сопоставления с данными XVIII в. Ниже приводится табл. 2, отражающая населенность поселений в начальной и конечной точках изучаемого периода.

Совершенно очевидно, что за период XVII–XVIII вв. размеры суздальских поселений значительно выросли. Трехкратный рост оказался статистической модой (наиболее часто встречающимся показателем) роста населенности поселения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв. Однако населенность поселений различных типов существенно отличалась.

Преобладавшую на этой территории деревню в 1–3 двора сменили поселения размером до 20 дворов, ставшие теперь наиболее типичными. Заметную часть деревень составили очень крупные поселения, каких просто не могло быть в начале XVII в. – до 50 дворов. Сильно выросли и сельца. В каждом третьем сельце первой трети XVII в. вообще не было крестьянских дворов, они представляли собой своеобразные сельца-

Таблица 2

Сводная группировка поселений Суздальского уезда XVII–XVIII вв.
по критерию дворности, %

Дворность	Деревни		Сельца		Села	
	Перв. четв. XVII в.	Посл. четв. XVIII в.	Перв. четв. XVII в.	Посл. четв. XVIII в.	Перв. четв. XVII в.	Посл. четв. XVIII в.
До 5 дворов	84,1	17,6	84,2	38,9	32,8	3,4
От 6 до 10 дворов	12,0	25,4	7,9	18,5	16,4	6,8
От 11 до 20 дворов	3,6	36,6	6,6	37,0	18,0	10,2
От 21 до 50 дворов	0,4	19,7	1,3	5,6	27,3	59,1
От 50 до 100 дворов	0,0	0,7	0,0	0,0	4,7	17,0
Более 100 дворов	0,0	0,0	0,0	0,0	0,8	3,4
Всего	100	100	100	100	100	100
Средний размер поселения	3,5	14,3	2,8	9,3	17,5	38,2

усадеб. Почти половина селец насчитывала от 1 до 3 дворов. Совершенно иными стали поселения этого типа спустя полтора века. Хотя мелкие сельца (2 – 3 двора) сохранились, однако сельца-усадеб как тип владельческого центра полностью исчезли. Теперь более половины селец насчитывали от 6 до 20 дворов, раньше таких размеров достигали лишь около 15% селец. Такой рост объясняется функцией сельца как господского центра нового типа, представляющего собой самодостаточное сельское поселение, в котором, как можно полагать, были более оптимальные возможности для организации господского хозяйства. За период XVII–XVIII вв. практически исчезли небольшие поселения в группе сел. Так, если в первой трети XVII в. три четверти сел насчитывали до 20 дворов, то спустя полтора века ситуация оказалась зеркально противоположной: более половины сел достигли размеров от 26 до 50 дворов. Появились и сверхкрупные села с населением более 100 дворов (или примерно 700 чел. обоего пола).

Итак, в XVII–XVIII вв. в Суздальском уезде наблюдается значительный рост сельских поселений. Но пока мы соотнесли только две группировки поселений (XVII и XVIII вв.), а не сами поселения. Между тем, как было показано выше, наша коллекция поселений, существовавших уже в XVII в., охватывает большую часть материала Экономических примечаний. Поэтому у нас есть возможность проследить судьбу

каждого поселения и вывести гораздо более точную картину произошедших изменений.

Таблица 3

Изменение населенности устойчивых сельских поселений
в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв.

Показатели	Села		Сельца		Деревни	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Уменьшение от -0,1 до -99,9%	13	18,57	0	0,00	5	7,04
Рост от 0,1 до 100%	25	35,71	3	13,04	16	22,54
Рост на 100,1–200%	10	14,29	5	21,74	11	15,49
Рост на 200,1–300%	4	5,71	3	13,04	9	12,68
Рост на 300,1–500%	7	10,00	3	13,04	13	18,31
Рост более, чем на 500%	11	15,71	9	39,13	17	23,94
Всего	70	100	23	100	71	100
Средний рост объекта, %	237		600		385	

В целом данные и этой таблицы показывают, что господствующей была тенденция роста населенности сельских поселений. Однако проявились и очень важные детали этого процесса. Во-первых, выяснилось, что население сельских поселений могло не только расти, но и сокращаться (это произошло с каждым пятым селом в этом районе). Во-вторых, реальный рост конкретных сельских поселений часто был не столь впечатляющим, как можно было бы думать, имея в виду 150-летний временной интервал. Так, население каждого третьего села и каждой пятой деревни за это время даже не удвоилось.

Замедленный рост или даже уменьшение населенности сельских поселений можно объяснить на основе наших источников, прибегнув к корреляционному анализу [21]. Нами была выявлена заметная взаимосвязь между населенностью поселения в 1620-е гг. и показателем его роста за полтора столетия ($r = -0,53$). Поскольку связь отрицательная, это значит, что в 28% случаев чем крупнее было поселение, тем медленнее оно росло. В группе сел эта взаимосвязь была еще сильнее ($r = -0,62$, коэффициент детерминации – 40%). Видимо, сельское поселение даже в благоприятных условиях суздальского ополья действительно могло иметь некий условный предел роста.

Говоря о тенденции к замедленному росту населенности сельских поселений, стоит отметить и такое обстоятельство, как раннее достижение предела распаханности земельных угодий при сельских поселениях [22]. Сплошной подсчет данных по всем сельским поселениям Суздальского уезда в обширных границах XVII в. (а это почти 2300 поселений) показал, что вне зависимости от типологической принадлежности (сельцо, починок и т.п.) и статуса собственника (монастырское владение, поместье и т.п.) доля «пашни паханой» составляла в них 50–60%. Этот уровень распашки был достаточно стабильным – коэффициент вариации составлял в поселениях разных типов около 30% [23].

Итак, наш материал позволяет думать, что развитие пространственной структуры освоения территории владими́ро-суздальского ополья «вширь» закончилось очень рано – уже к началу XVII в. Очевидность этой тенденции во многом обусловлена слабым воздействием кризиса начала XVII в. – здесь не было опустошительного разорения старых поселений, следовательно, не было и повторного освоения края. В других районах Нечерноземья ситуация была иной. Хотя перед нами далеко не ситуация аграрного перенаселения (даже во второй половине XVIII в. в среднем на крестьянский двор здесь приходилось более 15 дес. пашни), то обстоятельство, что рост населения происходил внутри почти полностью сложившейся структуры сельского расселения, может, на наш взгляд, служить одним из объяснений замедленности этого роста. Думается, что дальнейшее привлечение данных о системе сельских поселений и использовании земельных ресурсов может быть продуктивным методом в исследованиях по исторической демографии России и позволит проверить правильность гипотезы, высказанные в литературе по данной проблеме.

Литература и источники

1. Особенности российского земледелия и проблемы расселения (материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы). Тамбов, 2000.
2. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Очерк по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 134–135, 137–138.
3. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11317 (Ч. 1–3), 11318 (Ч. 1–2), 11319, 11320 (Ч. 1–2).
4. Там же. Ф. 1355. Ед. хр. 69. Ориентировочная датировка – 1775–1781 гг. (по межеванию Владимирской губернии).
5. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.
6. Территория Московской, Владимирской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Калужской губерний в границах, определенных губернской реформой 1775 г.
7. Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 152; Кабузан В.М. Указ. соч. С. 16.

8. Кабузан В.М. Указ. соч. С. 16.
9. Кабузан В.М. Указ. соч. С. 32.
140. Кабузан В.М. Указ. соч. С. 16.
151. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 374–376.
162. Четверть равнялась 8 пудам или 128 кг.
173. Милов Л.В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963.
184. Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
195. Там же. С. 61.
206. Романов Б.А. Изыскания о русском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.И. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960.
17. Там же. С. 440.
218. Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма (итоги и проблемы изучения). М., 1994.
229. Пиотух Н.В. Деревня, сельцо, село: типология сельских поселений // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999.
20. Черненко Д.А. К вопросу о «людях» писцовых книг первой трети XVII в. (по материалам писцовой книги Суздальского уезда 1628–1630 гг.) // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. Вологда, 2003.
223. Коэффициент корреляции (r) принимает значения от -1 до 1 . При $r = 0$ связь отсутствует. Знак r указывает на направление связи: если он положительный, то связь прямая (увеличение одного признака сопряжено с увеличением другого), если отрицательный, то она обратная (увеличение одного признака сопряжено с уменьшением другого). Силу связи отражает коэффициент детерминации, равный квадрату значения r , взятому в процентах. О сильной связи можно говорить лишь при $r = 0,71$ (или $-0,71$) и более, так как в этом случае коэффициент детерминации превышает 50%. Если значение r колеблется от $0,52$ до $0,70$, оно указывает на значимую связь (коэффициент детерминации – более 25%).
22. Черненко Д.А. К характеристике сельских поселений центральных районов России первой трети XVII в. (по материалам писцовых книг) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2003. № 4. С. 60.
23. По разным оценкам, показатель считается стабильным, если коэффициент вариации составляет от 25 до 35% (см.: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начала XX века. М., 1974. С. 47.; Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981. С. 73.).

Г. Х. Самигулов*

**Некоторые аспекты формирования русского населения
Зауралья XVII–XVIII веков (попытка комплексного
подхода на примере населения Челябинской крепости)****

По мере присоединения Московским государством новых земель на востоке, происходила ассимиляция русскими части населения осваиваемых территорий. Процесс вливания представителей разных народов в состав русской нации обуславливался, в первую очередь, христианизацией. Само крещение «инородцев» не означало немедленной русификации, но ликвидировало некий психологический порог – для новокрещенных принятие «нового» бога, а потом и признание его единственно сущим, снимало проблему различия в мировоззрении с русскими; для последних православие, наряду с языком, было основным признаком «своих». В дальнейшем труднее всего было сохранить самоидентификацию тем представителям местных народов, которые проживали в местах со смешанным населением, в частности, в городах. В местах компактного проживания (в деревнях) крещение обычно не влекло за собой изменения этнического самосознания.

Еще одну категорию крещеных аборигенов присоединенных земель, с большой долей вероятности вливавшуюся в состав русского этноса, составляли люди, вовлеченные в процесс дальнейшего русского продвижения на восток. В первую очередь я имею в виду представителей финнов Прикамья, двинувшихся вместе с русскими (или уже *как русские*) заселять зауральские территории. Однако сам процесс вовлечения в волну переселения захватил в какой-то степени и народы Сибири.

Зафиксировать этот процесс, выделить «новообращенных» русских на основании архивных материалов возможно далеко не всегда. В.А.Оборин выявлял крещеных коми-пермяков среди жителей Кудымкара XVII в. по писцовым книгам на основе фамилий, имеющих пермские корни [Оборин, 1999. С. 268–270]. Но, скорее всего, не все крещеные коми носили фамилии, образованные из родовых прозвищ и т.п., бытовали фамилии, данные по крестному отцу, православному празднику, на который пришлось крещение и пр. – таких крещеных коми невозможно выявить, пользуясь просто пофамильными списками. Если нет «говорящей фамилии», при отсутствии архивных документов, в которых есть четкие указания на этническое происхождение, определить

*Самигулов Гаяз Хамитович (Челябинск) – научный сотрудник Челябинского научного центра УрО РАН.

**Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-85103 а/У.

кто русский «от веку», а кто стал таковым недавно, практически невозможно.

Если не просто выделить среди русских крещеных «инородцев» в местах их постоянного проживания, то еще более усложняется ситуация с их выявлением по письменным документам XVII–XVIII вв. в Зауралье. Очевидно, на новых территориях, в окружении абсолютных инородцев, т.е. некрещеных, крещеные аборигены Прикамья воспринимались русскими (а, возможно, и считали себя таковыми). В «Топографии Оренбургской» П.И. Рычков перечисляет, некрещеные представители каких народов жили на территории губернии в середине XVIII в., называет их количество, кратко описывает обычаи и совершенно ничего не пишет об «инородцах» крещеных [Рычков, 1999. С. 95–100]. В.М. Кабузан в своей статье о населении Урала XVIII в., написанной на основании обширного материала, отмечает, что крещеных «инородцев» на территории Южного Зауралья не зафиксировано. При этом он ссылается на указ Сената, предписывавший при проведении ревизий (переписей), учитывать крещеных инородцев отдельно [Кабузан, 1990. С. 50]. Возможно, в составе крестьян, переселявшихся в XVII–XVIII вв. в Зауралье, на самом деле не было крещеных коми, удмуртов и т.д.? Представляется, что частично ответить на этот вопрос можно, сопоставив данные письменных источников и материалы археологического изучения памятников Урала и Зауралья нового времени.

В 1996 и 2004 гг. в Челябинске были исследованы погребения двух кладбищ, датированных XVIII в. Информации письменных источников об этих кладбищах не найдено. На одном кладбище, располагавшемся внутри стен Челябинской крепости, рядом с церковью Николая Чудотворца, и функционировавшем ориентировочно в 1740–1771 гг., выявлено более 115 могил. На втором, которое предположительно находилось за стеной первой Челябинской крепости и действовало в 1736–1740 гг., исследовано девять погребений. Об особенностях некоторых погребений ранних кладбищ Челябинска уже упоминалось [Самигулов, 2002а. С. 133–136; Самигулов, 2002б. С. 191–193], далее дана более подробная информация.

Практически все исследованные в Челябинске погребения имели ориентировку запад – восток (лишь в одном случае, восток – запад), с отклонениями до 35°, погребенные лежали головой на запад. Зафиксированы следующие варианты оформления внутримогильного пространства: погребения в дощатых гробах трапециевидной или прямоугольной формы, сбитых кованными четырехгранными гвоздями; захоронения в колодах (гробах, выдолбленных из цельного ствола дерева); помещение в гроб тела, обернутого берестой; погребение без гроба – в берестяном или лубяном «саване»; покрытие гроба берестой; помещение тела, обернутого в бересту или на берестяной подстилке, в деревянный короб, без

крышки и дна. В табл. 1 дана раскладка перечисленных элементов погребального обряда по двум кладбищам.

Определить характер оформления погребений, т.е. как хоронили покойника – в гробу, колоде, коробе без дна или оборачивали в бересту или луб, удалось для 112 погребений. Если рассматривать общую тенденцию, то явно прослеживается преобладание погребений в гробах – 55,4%, погребения в колодах составляют 25%, с использованием коры похоронено 23,2%. Некоторое расхождение в цифрах происходит из-за того, что в трех случаях в гроб было положено тело, обернутое берестой (2,7%), и в одном случае берестой был покрыт гроб (0,9%). Картина меняется, если разделить погребения на две возрастные группы – детские и взрослые. Деление в данном случае произведено условно, могильные ямы от 160 см длиной отнесены к взрослым. Несмотря на довольно произвольный подход, подобное разделение, на наш взгляд, позволяет выделить погребения детей до 10–13 лет. Здесь ситуация выглядит следующим образом. Среди детских погребений преобладают могилы с колодами – 42,5%, береста и луб использованы в 30,5% погребений, гробы зафиксированы в 29% могил. Во взрослых погребениях: гробы – в 83% могил, колоды – в 8% и береста или луб использовались в 15% могил.

Можно сказать, что данные по взрослым и детским погребениям являются противоположными, если для детских погребений более характерны колоды, использование коры и могилы с гробами количественно примерно равны, то погребения взрослых в абсолютном большинстве совершались в гробах. Возможно, это является свидетельством отмирания традиции, старые формы погребения применялись, в основном, в тех случаях, когда это было менее хлопотно, требовало не так много усилий. Челябинск расположен в лесостепной полосе и, хотя рядом с крепостью и был сосновый бор, тем не менее, найти дерево для изготовления колоды для взрослого человека было не так просто, так же как надрать пласты бересты или луба для взрослого погребения. В случае с детскими погребениями эти проблемы решались проще. Поэтому в детских могилах в большей степени отражены архаичные погребальные традиции – их соблюдение не требовало чрезмерных усилий. Сходная картина описана для материалов исследований кладбища первопоселенцев Каменска-Уральского, там оборачивание в бересту зафиксировано в детских погребениях, а во взрослых берестой покрывались гробы. Очевидно, в XVIII в. переселенцы из северо-восточных районов Европейской России в Зауралье постепенно отходили от погребальных традиций, принесенных с прежних мест обитания. Происходило это как под влиянием православной церкви, так и в силу контактов с выходцами из других районов, хоронивших покойников в гробах.

Таблица 1
Оформление внутримогильного пространства исследованных погребений XVIII в. в Челябинске

Оформление погребений	Кладбище 1						Кладбище 2						По двум кладбищам						Всего	
	Взрослое			Детское			Взрослое			Детское			Взрослое			Детское				
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%				
Гробы без доп. элементов	40	78,5	15	28,9	3	60									43	77	15	27	58	51,8
	3	5,9	23	44,2	1	20	1	20	1	25					4	8	24	42,5	28	25
Погребение в гробу тела, обернутого берестой	2	3,9	1	1,7											2	4	1	2	3	2,7
	1	1,9													1	2			1	0,9
Погребения с лубом или берестой в дощатом коробе	5	9,8	5	9,6											5	9	5	9	10	8,9
			1	1,7	1	20											1	2	2	1,8
Погребение на берестяной подстилке			7	13,5													10	17,5	10	8,9
																			62	55,4
Оборачивание лубом или берестой																			28	25
																			26	23,2
Всего погребений с гробами																				
Всего погребений с колодами																				
Всего погребений с берестой или лубом																				
Всего погребений	51		52		5		4		56		56		56				56		112	

В одном из детских погребений кладбища на углу улиц Кирова и К.Маркса тело было ориентировано головой на восток, что противоречит православному погребальному канону, при этом в погребении найден крест-тельник. Единичное погребение с восточной ориентировкой обнаружено на могильнике Изюк-I [Татаурова, 2002. С. 326], аналогичные могилы были выявлены на Ильинском могильнике в Прикамье, при раскопках в Чердыни было расчищено детское погребение в лубяном коробе, с восточной ориентировкой, аналогичный признак имели 20% могил на Русиновском могильнике XVIII в., где были похоронены крещеные коми-пермяки [Коренюк, Мельничук, 2003. С. 178–179; Макаров, 2001. С. 43]. В Прикамье, на Егошихинском кладбище Перми и могильнике XVIII в. Посёр зафиксированы также погребения с южной ориентировкой [Лычагина, Мингалев, 2003. С. 156–160].

Использование бересты и луба, наряду с колодами и гробами, характерно для традиционного погребального обряда поволжско-камских финнов от раннего средневековья до XVIII в., а в некоторых случаях до этнографической современности [Вихляев, Петербургский, 1999. С. 122; Голубева, 1987. С. 101; Иванов, 1999. С. 24; Иванова, 1999. С. 219; Оборин, 1999. С. 267; Останина, 1991. С. 26; Савельева, Истомина, Королев, 1999. С. 320; Шутова, 2001. С. 109–110, 116, 126]. Очевидно, по мере проникновения русского населения в Прикамье и Вятскую землю, происходило взаимовлияние в самых различных сферах, в том числе и в погребальном обряде. Можно привести пример, по крайней мере, одного кладбища, датированного XVII в., исследованного в Пермском Прикамье, где выявлены погребения в колодах (корытцах), гробах, сбитых гвоздями, и с оборачиванием в бересту и луб [Коренюк, Мельничук, 2003. С. 165–174]. Причем авторы связывают особенности памятника именно с взаимодействием христианского русского и языческого местного населения; оборачивание тела берестой они относят к признакам раннего этапа русского освоения Прикамья [Коренюк, Мельничук, 2003. С. 165]. На Русиновском могильнике XVIII в. Л.Д.Макаров отмечает как характерную для пермяков черту погребального обряда наличие «берестяных покрытий верхней части погребальных конструкций (гробовищ)» [Макаров, 2001. С. 43]. На русских могильниках Никульчинском II и Зуево-Ключевском III, датированных XVI–XVII и XVII–XIX вв. соответственно, зафиксированы погребения на циновках и с оборачиванием в кору; на Усть-Чепецком могильнике XII–XIV вв. – различные варианты оформления внутримогильного пространства с использованием коры и бересты [Макаров, 2003. С. 207. Табл. 3].

В собственно славянском, позже русском погребальном обряде, береста использовалась вятичами – известны погребения XII в. в берестяных саванах и в долбленых колодах в Москве [Шеляпина, 1971.

С. 146–148; Панова, 1989. С. 219–233]. Кроме того, покрытие гроба берестой зафиксировано при раскопках в Новгороде [Монгайт, 1949. С. 72]. А.А. Юшко описывает погребения в дощатых составных ящиках и одно погребение в колоде для курганного могильника вятичей XII–XIV вв. [Юшко, 1976. С. 73–74]. Т.Д. Панова в исследовании, посвященном средневековому русскому православному обряду, отмечает, что наибольшее количество погребений с берестой выявлено в Новгороде и его округе – самые ранние датируются XII в., самое позднее – XVI–XVII вв.; единичные погребения с берестой и лубом были выявлены в Старой Рязани и Переславле Залесском, группа могил с оборачиванием дощатых гробов берестой исследована в Минске, все эти погребения относятся к XII – началу XIV в.; две могилы XVI в. – в Кашине; одно погребение с берестой, относящееся к XVII–XVIII вв., найдено в Киеве [Панова, 2004. С. 69, 147–149]. По мнению Т.Д. Пановой, использование бересты и луба в погребальном обряде является следствием «достаточно тесных связей Северо-Восточной Руси с угро-финскими племенами, особенно в XI–XII вв. ... остальные случаи использования бересты относятся к позднему периоду и весьма малочисленны» [Панова, 2004. С. 69].

Ситуация, выявленная при исследовании кладбищ XVIII в. в Челябинске, не уникальна для русских некрополей восточных склонов Урала и Зауралья. При охранных исследованиях кладбища первопоселенцев города Каменска-Уральского Свердловской области, датируемого первой половиной XVIII в., береста была зафиксирована в 10 из 43 расчищенных погребений. Причем детей заворачивали в бересту, а во взрослых погребениях гробы покрывались сверху двумя слоями бересты, возможно, заменявшей крышку [Погорелов, Святлов, 2002. С. 119]. При обследовании нескольких погребений кладбища Николаевского монастыря была расчищена могильная яма, выстланная двумя слоями бересты, между которыми зафиксирована прослойка углей [Курлаев, 1998. С. 97].

Мы можем сопоставить материалы археологических исследований с данными письменных источников и информацией исследований по истории заселения Зауралья. Челябинская крепость была основана в 1736 г. и заселена записанными в казаки крестьянами Зауральских слобод, на основании указа от 11 февраля 1736 г. [ПСЗ, Т. IX, № 6890]. Табл. 2 составлена на основании данных переписи казаков крепости, проведенной в конце 1739 г. (1 список) и весной 1740 гг. (2 список) [Дегтярев, 1996. С. 56–96; РГАДА. Ф. 248, оп. 3, кн. 144, л. 781–834об., 866–882об.].

Таблица 2

Места выхода первопоселенцев Челябинска
по переписным книгам 1739–1740 гг.

Места выхода	По спискам записавшихся в Челябинскую крепость семей		
	Список 1	Список 2	Всего по двум спискам
Санкт Петербургская губ., г. Городец	1		
Новг. губ. с. Охоны д. Мелестовой	1		1
Новгородского уезду	4		4
Нижегородская губерния, Городецкий уезд	5		5
Ниж. губ. Хохломской волости	1		1
Нижегородской губернии Балахонского уезду	5		5
Города Нижнего	1		1
Города Юрьева	1		1
Костромского у.	1		1
Переславля Залеского	1		1
Ерославля Спасского	1		1
г. Лухи д. Корцовой	1		1
Серпуховского у.	1		1
Города Чарыкского (Чаранского)	3		3
Города Ярославля	1		1
Елинского города	1		1
Города Малмыжа	1		1
Города Синбирского	3		3
Города Невля	1		1
Города Юрьевца Повольского	1		1
Города Володимера	1		1
Города Ядрин	1		1
Казанской губернии Шаншуров- ского уезду деревни Сидоровой	1		1
Каз губ. деревни Толкаши	1		1
Каз. уезду	1		1
Архангельской губернии,	2		2
Важеского уезду	3		3
Олонецкого уезду	2		2
Вологда	1		1
Вологодского уезду	5		5
Колмогорского уезду	1		1
Тотемского уезду	1		1

Окончание табл. 2

Места выхода	По спискам записавшихся в Челябинскую крепость семей		
	Список 1	Список 2	Всего по двум спискам
Кайгородского уезду	2		2
Ново Охонской волости	1		1
Устюга Великого	13	1	14
Соли Вычегодской	1		1
Города Кунгура	7	2	9
Соли Камской	3		3
Города Осы	2		2
г. Чердыни	4	1	5
Города Хлынов	1		1
Вятской пров.	2		2
Города Сарапула	4		4
Урал и Зауралье			
Окуневский дистрикт	4		4
Шадринского дистрикта	55	23	78
Екатеринбургского ведомства	3		3
Краснослободского дистрикта	15		15
Исетский дистрикт	3		3
Тюменского у. Карбанской волости	1		1
Верхотурья Уткинской сл.	1		1
Уфимского у.	1		1
Далматов мон-рь (отец Устюжского уезда)	1		1
Сиб. губ. г. Епанчина д. Тушнологовой	1		1
Количество людей	1054	97	1144

В табл. 2 показаны места выхода записавшихся в казаки Челябинской крепости в 1736–1740 гг. Значительная часть этих людей – выходцы из Зауралья, в первую очередь, из Шадринского дистрикта, однако, велико число тех, кто пришел из европейской части России. Приведение в таблице подробных адресов мест выхода сделало бы ее неудобной для использования, поэтому в качестве адреса обычно указаны города – центры административных образований. Это удобнее еще и потому, что в связи с проводившейся с 1708 г. реформой управления, названия административных единиц в первой половине XVIII в. часто изменялись [Национальные окраины Российской империи, 1997. С. 3–9; Щепетев, 2003. С. 175–176]. Одни переселенцы ушли из родных мест за пять лет до записи в казаки Челябинской крепости, другие за 20

лет до этого и т.д. – соответственно люди указывали разные административные образования. Кто-то покинул родной дом, когда административной единицей был уезд, другие – когда были образованы губернии и провинции. Одни указывали местом выхода уезд Великого Устюга, другие – Устюжскую провинцию и т.п. Поэтому в таблице, в случае подобных наложений, указаны не уезды и провинции, а города, которые названы в документе как основная привязка адреса.

Как мы видим, половина первопоселенцев Челябинска – уроженцы близлежащих районов Зауралья, в первую очередь, Шадринского дистрикта. Эти территории были заселены русскими в течение XVII – начале XVIII в. История крестьянской колонизации Сибири, в том числе, и процесс формирования населения зауральских слобод, довольно хорошо изучены. Заселение Западной Сибири происходило преимущественно за счет выходцев из Поморья. Под этим словом до начала XVIII в. подразумевалась не только территория побережья северных морей, но и Верхнее Прикамье до Соли Камской [Шунков, 1946. С. 47–55; Преображенский, 1972. С. 56–75]. При заселении южных территорий Зауралья (по рекам Исеть и Миасс) переселение из приуральских земель сочеталось с перемещением крестьян из освоенных районов Урала и Сибири [Преображенский, 1972. С. 76–78]. На конец XVII – начало XVIII в. среди жителей слобод и острогов, расположенных рядом с Зауральской Башкирией, преобладали выходцы из прикамских районов – Кунгура, Соликамска [Преображенский, 1972. С. 77; Кондрашенков, 1966. С. 47]. Среди жителей Катайского, Колчеданского острогов и Арамилской и Камышевой слобод, кроме того, был довольно высок процент выходцев из Поволжья – около 10% [Преображенский, 1972. С. 69].

Несколько меняются тенденции с середины XVIII в. Ю.М.Тарасов писал о заселении Исетского края в XVIII в. выходцами из Прикамья и Поволжья [Тарасов, 1961. С. 3–4]. В.М. Кабузан отмечает, что население Южного Урала в XVIII в. формировалось под сильным воздействием переселенческого движения, в основном, из Среднего Поволжья [Кабузан, 1990. С. 51]. Очевидно, списки первопоселенцев крепостей отражают именно начало процесса смены районов исхода переселенцев в Зауралье (табл. 2). Выходцы из районов Русского Севера, Прикамья и Вятки еще преобладают, но уже заметный процент составляют жители Поволжья. Особенно выделяются районы Городца и Балахны. По мнению В.М.Кабузана, во второй половине XVIII в. среди вновь поселившихся в Южном Зауралье переселенцы из Поволжья составляли большинство [Кабузан, 1990. С. 51]. Но в Челябинске приток новых жителей происходил преимущественно за счет зауральских мигрантов [Демина, Черкасова, 1986. С. 63–64].

В целом, более половины первопоселенцев Челябинской крепости составляли зауральские крестьяне, в значительной степени потомки

выходцев из Прикамья и прямые выходцы из прикамских земель. Надо отметить, что позже, в 1740–1750-х гг., в Челябинскую крепость переселилось еще 150 семей из Шадринского дистрикта [Рычков, 1999. С. 258–259]. В переписи 1739–1740 гг. не указан ни один крещеный «инородец». Тем не менее, общая картина состава населения раннего Челябинска, значительную часть которого составляли прямые переселенцы или потомки выходцев из Прикамья, согласуется с материалами исследований челябинских кладбищ XVIII в.

Можно с большой долей уверенности констатировать, что наличие погребений с использованием бересты и луба свидетельствует о наличии среди погребенных выходцев из Прикамья. Причем это могут быть как крещеные представители финских народов, так и в меньшей степени русские из прикамских старожилов. При сопоставлении материалов исследований русских кладбищ в разных регионах, заметно их отличие по указанному признаку, в Челябинске количество могил с использованием бересты и луба составило 23%, в Каменске-Уральском так же 23%, в Верхотурье и Николаевском монастыре – по одному погребению с берестой из исследованных; из 336 могил некрополя Илимского острога лишь в одной расчищен берестяной короб [Молодин, 1999. С. 113–120]; из 137 погребений могильника Изюк-I – ни одного с берестой или лубом [Татаурова, 2001. С. 253–257]. Очевидно, что при отсутствии письменных источников, материалы археологических исследований могут быть использованы для подтверждения наличия среди первопоселенцев русских поселений Зауралья XVII–XVIII вв. выходцев из Прикамья. Однако отсутствие подобных погребений вряд ли может свидетельствовать об отсутствии прикамских уроженцев, так как в разных районах Прикамья или даже в разных населенных пунктах ситуация могла отличаться.

Еще одним подтверждением прикамского этнического субстрата в составе населения раннего Челябинска является орнаментация керамики. Основная масса орнаментированных сосудов из слоя Челябинска XVIII – начала XIX в. содержит элементы, традиционные для русской посуды: волна, прочерченные горизонтальные линии, сочетание этих элементов и т.д. Тем не менее, в слоях XVIII – начала XIX в. найдено несколько фрагментов глиняной посуды, имеющих оттиски решетчатого, зубчатого и округлых штампов, которые были идентифицированы Д.А. Салангиным и Л.Д. Макаровым как характерные для средневековых археологических культур Прикамья, в частности, родановской культуры. Скорее всего, нанесение подобного прикамского орнамента объясняется просто живучестью традиций, маловероятно, что люди, изготавливавшие посуду с этими знаками, соотносили их для себя с собственным пермским либо удмуртским происхождением. Тем не менее, само наличие традиции нанесения подобного орнамента у части

населения Челябинска, в сочетании с восточно-финскими элементами погребального обряда на ранних челябинских кладбищах, позволяет констатировать наличие среди населения Челябинска XVIII в. ошутимого количества крещеных финнов Прикамья, точнее, их потомков. Определить, хотя бы приблизительно, их количество пока не представляется возможным.

Материалы по Челябинской крепости, вполне возможно, отражают частное проявление гораздо более широкого явления. В то же время, что и Челябинская, были основаны Чебаркульская, Миасская и Еткульская крепости. Состав их первопоселенцев по местам первоначального проживания, был весьма схож с показанным в табл. 2 [РГАДА. Ф. 248, оп. 3, кн. 144, л. 855–865, л. 884–903]. Наличие среди населения этих крепостей в XVIII в. некоторого количества крещеных прикамских финнов весьма вероятно. Существование в XVII–XVIII вв. финно-пермского субстрата среди русского населения некоторых районов Зауралья, откуда происходила значительная часть первых жителей названных крепостей, также вполне возможно. Подтверждением этого являются результаты исследования кладбища XVIII в. г. Каменска-Уральского, располагавшегося в районе русской колонизации XVII в. Население Каменского завода (ныне город Каменск-Уральский) составляли, в значительной степени, крестьяне приписных слобод и острогов, «в первую очередь, жившие непосредственно... в Каменской слободе» [Томилов А.Г., 1992. С. 37]. В частности, к Каменскому заводу были приписаны крестьяне Катайского и Колчеданского острогов, Каменской, Багаряцкой и Калиновской слобод [Томилов, 1992. С. 34, 39].

Письменные источники и исследования по истории заселения Зауралья показывают, что среди первопоселенцев Челябинской крепости был весьма высок процент прямых выходцев из Прикамья и потомков переселенцев из этих мест. Данные археологических исследований культурного слоя г. Челябинска свидетельствуют о наличии среди жителей города XVIII в. носителей элементов традиционной культуры финнов Прикамья, в частности, погребального обряда и, в незначительной степени, орнаментации керамики. Материалы археологии не противоречат имеющейся информации, но дополняют ее – очевидно, в числе выходцев из Прикамья было немало крещеных прикамских финнов. В письменных источниках они не фигурируют отдельно от русских – будучи православными, они воспринимались как русские, тем более, на колонизируемых территориях. Но в силу инерции традиции погребального обряда и керамического производства, в какой-то степени сохранялись и после принятия крещения. Археологические исследования позволили зафиксировать следы этих традиций, причем на стадии угасания – элементы традиционного погребального обряда зафиксированы, в основном, в детских погребениях, фрагменты кера-

мики с прикамским орнаментом не встречаются в слоях, датированных позже начала XIX в.

Развитие в последние годы археологии позднего периода, исследующей памятники Нового времени, привело к появлению информации о различных сторонах жизни людей XVII–XIX вв. В некоторых ситуациях материалы археологии заполняют информационную нишу по периоду, казалось бы, детально освещенному в письменных источниках и исследованиях историков. Комплексное использование данных этнографии, письменных источников и материалов археологии может выявить новые моменты в нашей не очень давней истории.

Литература и источники

Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 119–160.

Голубева Л.А. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Дегтярев И.В. Челябинская старина: сборник статей и материалов по истории Челябинска раннего периода. Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1996. 120 с.

Демина Т.А., Черкасова А.С. Источники формирования городских сословий на Урале во второй половине XVIII в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Сб. науч. трудов / Ред. В.С. Аллаярова, В.Д.Викторова и др. Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1986. С. 53–65.

Иванов А.Г. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 6–52.

Иванова М.Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 207–255.

Кабузан В.М. Население Урала в 20–60-х гг. XVIII в. (численность, размещение, этнический состав) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма: Сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С. 56–58.

Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966. Ч. 1, 2.

Коренюк С.И., Мельничук А.Ф. Ильинский некрополь – христианское кладбище с языческими традициями в Перми Великой (вторая половина XVI – вторая половина XVII вв.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. Вып. III. С. 164–182.

Курлаев Е.А. Церковная археология: раскопки в Николаевском монастыре г. Верхотурье в 1989–1990 гг. // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. С. 92–109.

Лычагина Е.Л., Мингалев В.В. Могильник Посер XVIII в. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. Вып. III. С. 155–163.

Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 2003. Т. 6. С. 192–232.

Макаров Л.Д. Погребальный обряд старообрядцев Верхотурья (по археологическим материалам и этнографическим параллелям) // Старообрядческий мир Волго-Камья: проблемы комплексного изучения. Пермь, 2001. С. 41–45.

Молодин В.И. Некрополь Илимского острога: палеодемографическая реконструкция // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13: Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 113–120.

Монгайт А.Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // КСИИМК, 1949. Вып. XXIV. С. 70–75.

Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1997. 416 с.

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 255–298.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V веках. Ижевск: Изд-во Удм. ин-та истории, яз. и лит. УрО РАН, 1991. 327 с.

Панова Т.Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // Советская археология, 1989. № 1. С. 219–233.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: «Радуница», 2004. 195 с.: ил.

Погорелов С.Н., Святлов В.Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и г. Каменска-Уральского // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. трудов / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002. С. 118–121.

Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 261 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248, оп. 3, д. 144.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.

Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 299–349.

Самигулов Г.Х. Первое Челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях: Сб.

науч. трудов / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002а. С. 133–136.

Самигулов Г.Х. Финно-угорские элементы некоторых погребений перво-поселенцев г. Челябинска // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тезисы докладов регион. науч.-практ. конф. / Ред. А.Д. Таиров и др. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2002б. С. 191–193.

Тарасов Ю.М. Заселение Исетского края в XVII–XIX вв. Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1961. 15 с.

Татаурова Л.В. Об одном из элементов погребального обряда русских по данным археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований / Ред.: Тихонов С.С., Татауров С.Ф. и др. Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2002. С. 235–236.

Татаурова Л.В. Русские: итоги археологического изучения // История и культура Сибири: Материалы юбилейной научной сессии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук / Под ред. А.Г.Селезнева, Н.А.Томилова. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2001. С. 253–257.

Томилов А.Г. К истории формирования приписной деревни Урала в начале XVIII в. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 1992. С. 31–39.

Шеляпина П.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // МИА, 1971. Т. IV. № 167. С. 117–154.

Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.: Наука, 1946. 228 с.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.

Щепетев В.И. История государственного управления в России: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2003. 512 с.

Юшко А.А. Историческая география Московской земли // КСИА, 1976. № 146. С. 73–74.

*Д. И. Пинаевский**

**Население Важского края
в конце XVIII – начале XX века**

Изучение истории народонаселения как в целом Российской Федерации, так и ее отдельных регионов на различных этапах исторического развития является одной из наиболее актуальных проблем современной исторической науки.

Хронологические рамки предлагаемого исследования охватывают период с 1796 по 1914 г. Начальная дата обусловлена тремя факторами. Во-первых, в 1796 г. проводится очередная административно-территориальная реформа, в результате которой Европейский Север России был разделен на две губернии: Архангельскую и Вологодскую. Установленные в 1796 г. границы Вельского и Шенкурского уездов не изменялись вплоть до 1918 г. Во-вторых, в 1797 г. указом Павла I была образована новая категория податного населения России – удельные крестьяне. «Основная масса удельных крестьян Севера (свыше 90%) проживала компактной группой в бассейне рек Ваги и Северной Двины в Шенкурском уезде Архангельской губернии и Вельском, Тотемском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии» [1]. В-третьих, в 1796 г. в Российской империи проводится V ревизская перепись податного населения. Результаты переписи дают своеобразный демографический срез населения Важского края на конец XVIII в. Ограничение исследования 1914 г. связано с началом Первой мировой войны, которая вызвала сильнейшие потрясения в социально-экономической и политической жизни Российской империи, оказавшие серьезное влияние на демографические процессы.

При работе над темой исследования были использованы источники нескольких видов. Это законодательные акты, делопроизводственная документация (ежегодные всеподданнейшие отчеты губернаторов), источники статистического характера (материалы ревизских и полицейско-административных переписей населения; издания Центрального Статистического Комитета; материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.).

Исходя из специфики источников по истории народонаселения Важского края, изучение динамических процессов в его численности целесообразно разделить на два этапа: 1795–1858 и 1858–1914 гг. Необходи-

**Пинаевский Дмитрий Иванович (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, ученый секретарь Сыктывкарского государственного университета. Специализируется в области исторической демографии Европейского Севера России.*

мость такого разделения вызвана тем, что в ревизских переписях XVIII – первой половины XIX в. с наибольшей полнотой фиксировалось мужское податное и находящееся на льготе население, а во второй половине XIX – начале XX в. собирались сведения как по мужскому, так и по женскому населению.

В таблице 1 обобщены сведения о численности населения уездов Важского края по ревизским переписям конца XVIII – первой половины XIX в.

Таблица 1

Динамика численности податного и состоящего на льготе мужского населения Важского края в конце XVIII – первой половине XIX в.
(по данным ревизского учета)

Уезды	Численность населения (душ мужского пола)			Прирост численности, %		Прирост численности с 1795 по 1858 г.		Среднего- довой при- рост чис- ленности в 1795– 1858 гг., %
	1795 г.	1836 г.	1858 г.	с 1795 по 1836 гг.	с 1836 по 1858 гг.	Всего	%	
Вельский	29552	29105	34079	98,5	117,1	4527	115,3	0,24
Шенкурский	21526	25413	28416	118,1	111,8	6990	132,0	0,51
Итого по Важскому краю	51078	54518	62495	106,7	114,6	11417	122,4	0,36

Источник: Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 313–323.

Материалы табл. 1 показывают, что в первой половине XIX в. в населении Важского края происходят незначительные изменения. Население края увеличивается между V и X ревизскими переписями (с 1795 по 1858 год) на 22,4%, что составляет 0,36% среднегодового прироста населения. Это было более чем в 2 раза ниже, чем в целом по Европейскому Северу России (среднегодовой показатель – 0,78% [2]). В период между V и VIII ревизиями население края увеличилось на 6,7%, между VIII и X ревизиями – на 14,6%.

По динамике численности населения уезды, входившие в Важский край, существенно отличались друг от друга. В более северном Шенкурском уезде среднегодовой прирост населения составлял 0,51%, что было в 1,5 раза выше, чем в целом по Важскому краю, но в 1,5 раза ниже, чем по Европейскому Северу России. В период между V и VIII ревизиями в Шенкурском уезде происходил более значительный прирост населения (на 18,1%), чем между VIII и X ревизиями (11,8%). Возможно, это связано с тем, что между V и VIII ревизиями прошло 40 лет, а между VIII и X –

20 лет. Общий прирост населения Шенкурского уезда в период с 1795 по 1858 г. составил 32%.

В Вельском уезде среднегодовой показатель прироста населения в первой половине XIX в. составлял 0,24%, что было в 1,5 раза ниже, чем в Важском крае и в 3 раза ниже, чем на Европейском Севере. Общий прирост населения в рассматриваемый период составил 15,3%, что было в два раза ниже, чем в Шенкурском уезде. В период между V и VIII ревизиями численность населения Вельского уезда сокращается на 1,5%, в последующие 20 лет возрастает на 17,1%.

Существенные различия в динамических процессах в Вельском и Шенкурском уездах мы склонны объяснять различным составом населения. Так, по VIII ревизии, в Шенкурском уезде около 90% составляли удельные крестьяне. В Вельском уезде уделу принадлежали 48% жителей уезда, 44% составляли государственные крестьяне [3]. По всей видимости, именно значительный состав государственных крестьян в Вельском уезде привел к более низким показателям прироста населения.

П.П.Котов отмечал, что в целом по Архангельской губернии прирост населения был выше, чем в удельной деревне, по Вологодской губернии – ниже. В связи с этим доля удельных крестьян в общей массе населения Архангельской губернии уменьшилась с 21,4% по V ревизии до 19,4% по X ревизии, в Вологодской – возросла с 8,0 до 8,7% [4].

Прибыль населения в удельной деревне Севера шла главным образом за счет естественного прироста и покупок крепостных. Добровольный переход мужчин в удельное ведомство наблюдался редко. Убыль населения удельной деревни Севера происходила в основном за счет смертности и отчасти за счет рекрутских наборов. Переходы крестьян в другие сословия были редким явлением.

Итак, изменения в демографических показателях на территории Важского края, как, впрочем, и в целом на Европейском Севере России в конце XVIII – первой половине XIX в., несмотря на некоторое увеличение темпов естественного прироста и повышение качества демографического учета, были незначительны. Это свидетельствует о том, что в данный период каких-либо серьезных перемен в воспроизводстве населения не происходит.

Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. и особенно отмена крепостного права в помещичьей, удельной и государственной деревне оказали огромное влияние на социально-экономическое, политическое и демографическое развитие страны. Усилилась социальная и территориальная мобильность населения, изменились принципы крестьянского землевладения и землепользования, происходят изменения в соотношении разных видов хозяйственной деятельности и т.п.

Наиболее существенное воздействие на демографическое развитие Важского края имела крестьянская реформа в удельной деревне

(1863 г.). Она лишила удельных крестьян права льготного пользования казенными лесами. Это привело к изменению хозяйственных занятий населения (до реформы важное место в крестьянском хозяйстве занимал смолокурный промысел), что оказало влияние на общую социально-демографическую ситуацию в крае.

Рассмотрим общую динамику населения уездов Важского края за период с 1858 по 1914 г. Общая годовая численность населения по уездам и в целом по Важскому краю рассчитана на основе материалов текущего полицейско-административного учета населения и переписи 1897 г. с применением коэффициента поправки естественного прироста [5].

В табл. 2 обобщены данные о динамике численности населения Важского края во второй половине XIX – начале XX в.

Численность населения Вельского уезда за период с 1858 по 1914 г. выросла на 56,8 тыс. чел. (на 76,6%). По показателю прироста населения Вельский уезд занимал четвертое место среди уездов Вологодской губернии, уступая Никольскому, Устюжскому и Сольвычегодскому уездам. В третьей четверти XIX в. прирост населения в уезде составил 18%, в последней четверти – 21%, в начале XX в. – 23%, т.е. динамика численности возрастала. Среднегодовой прирост населения в рассматриваемый период составлял 1,37%, что было намного выше (в 5 раз) аналогичного показателя за первую половину XIX в.

Численность населения Шенкурского уезда возрастает на 34,6 тыс. чел. (на 57,1%). По показателю прироста населения Шенкурский уезд занимал 5-е место из восьми уездов Архангельской губернии, опережая только своих географических соседей – Онежский (51,1%) и Холмогорский (28,6%) уезды [6]. В третьей четверти XIX в. прирост населения в уезде составил 11,5%, в последней четверти – 16,0%, в начале XX в. – 21,5%. Таким образом, динамика численности населения уезда возрастает, причем гораздо более значительными темпами, чем в Вельском уезде. Среднегодовой прирост населения во второй половине XIX – начале XX в. в уезде составлял 1,02 %, что в два раза превышало показатель первой половины XIX в.

На увеличение темпов прироста населения уездов Важского края в пореформенный период оказал влияние ряд факторов. Основным фактором продолжал оставаться естественный прирост населения. Во второй половине XIX – начале XX в. в естественном движении населения Европейского Севера в целом происходят весьма существенные изменения. Происходит снижение показателей как уровня рождаемости, так и уровня смертности, причем уровень смертности снижается более существенно, что и приводит к возрастанию величины естественного прироста населения [7]. В то же время сохранение высокого уровня рождаемости свидетельствует о сохранении традиционного (аграрного) типа воспроизводства населения.

Таблица 2
Динамика численности населения Важского края с 1858 по 1914 г.

Уезды	Численность населения, чел.			Прирост численности, %			Прирост численности населения с 1858 по 1914 г.		Среднегодовой прирост численности в 1858-1914 гг., %
	1858 г.	1878 г.	28 янв. 1897 г. (пост. нас-е)	1914 г.	с 1858 по 1878 г.	с 1878 по 1897 г.	с 1897 по 1914 г.	Всего	В %
Вельский	74129	87917	105926	130893	118,6	120,5	123,4	56764	176,6
Шенкурский	60673	67641	78433	95314	111,5	116,0	121,5	34641	157,1
Итого по Важскому краю	134802	155558	184359	226207	115,4	118,	122,7	91405	167,8
									1,37
									1,02
									1,21

Источник: Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 313–314; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.1 Архангельская губерния. Тетр. 3; Т.7. Вологодская губерния. Тетр.2.

Существенное отставание динамики прироста в населении Шенкурского уезда по сравнению с аналогичным показателем Вельского уезда было связано со следующей причиной. Анализ материалов об уровнях естественного и реального приростов населения в центральных и южных уездах Архангельской губернии (Шенкурский, Онежский, Холмогорский) во второй половине XIX в. показал, что данные об естественном приросте значительно превосходят данные о реальном приросте населения. Это свидетельствует о наличии значительного оттока населения за пределы указанных уездов, что было связано с рядом факторов, носящих в основном экономический характер. П.П.Котов, рассмотрев уровень земледелия в Шенкурском уезде в конце XVIII – начале XX в., пришел к следующим выводам. Во-первых, к концу XIX в. население исчерпало ресурсы свободных пашенных угодий. Во-вторых, на протяжении XIX в. происходит падение урожайности зерновых. Расширение посевных площадей не могло в полной мере компенсировать потери от снижения урожайности. В-третьих, обеспеченность населения своим хлебом составляла в XIX в. менее 50% и имела тенденцию к уменьшению (в начале XX в. – 37,5%). Недостаток зерна восполнялся за счет привозного хлеба [8]. Это требовало свободных денежных средств, что предполагало развитие неzemледельческой деятельности населения уезда. До реформы 1863 г. удельные крестьяне Важского края имели значительные льготы в лесопользовании и занимались в основном промыслами, связанными с переработкой леса (смолокурение, добыча древесного угля, производство сажи, дегтя, скипидара и т.д.) [9]. Одно смолокурение приносило крестьянам в 1850-е гг. до 40% всех доходов от промыслов [10]. В результате реформы 1863 г. крестьяне были существенно ограничены в свободе лесопользования, что незамедлительно сказалось на уровне развития лесных промыслов и привело к сокращению получаемых от них доходов. Крестьяне были вынуждены искать новый источник заработка, а так как в пределах уезда его было найти крайне затруднительно, население покидало территорию уезда сначала временно, а потом, по всей видимости, окончательно. Исходя из всего вышесказанного, мы можем говорить о существовании на территории Шенкурского уезда аграрного перенаселения, результатом чего и стал низкий уровень прироста населения во второй половине XIX – начале XX в.

В целом, население Важского края увеличилось с 1858 по 1914 г. на 91,4 тыс. чел. (67,8%). Среднегодовой прирост населения за указанный период составлял 1,21%, что было почти в 3,5 раза выше, чем в первой половине XIX – начале XX в. На динамику численности населения Важского края во второй половине XIX – начале XX в. влияли разнообразные социально-экономические факторы, связанные со становлением буржуазных отношений. Происходили изменения в общественных

Таблица 3
Динамика городского населения Вязского края во второй половине XIX – начале XX в.

Города	1858 г.	1897 г. [*]	Прирост населения к 1858 г., %	1914 г. ^{**}	Прирост населения к 1897 г., %	Прирост за 1858–1914 гг., %	Среднегодовой прирост населения в 1858–1914 гг., %
Вельск	653	1989	304,6	2602	130,8	398,5	5,3
Шенкурск	615	1492	242,6	1986	133,1	322,9	4,0
Итого по городам	1268	3481	274,5	4588	131,8	361,8	4,7

* – наличное население; ** – по данным полиции.

Источники: РГИА. Ф. 1281. Оп.6. Д.43.. Л.149; Д.40. Л.165; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. т.1. Архангельская губерния. СПб., 1899. Тетр.1. С. 1; Т.7. Вологодская губерния. СПб., 1901. Тетр.1. С. 1; Памятная книжка Архангельской губернии за 1914 г. Архангельск, 1915. С. 49; Обзор Вологодской губернии за 1914 г. Вологда, 1916. Табл. 23.

отношениях, условиях жизни людей; население становилось более мобильным как в территориальном плане, так и в социальном отношении.

Сведения о динамике численности городского населения Важского края во второй половине XIX – начале XX в. обобщены в табл. 3.

Материалы табл. 3 показывают, что городское население Важского края во второй половине XIX – начале XX в. увеличилось в 3,6 раза, причем наиболее значительный прирост наблюдался во второй половине XIX в. (в. 2,7 раза). В начале XX в. динамика прироста несколько снизилась. Среднегодовой прирост городского населения составил 4,7%. Как показал анализ соотношения данных о естественном и реальном приросте населения, главными в своеобразном «демографическом взрыве» в городах стали внешние факторы, прежде всего миграционный приток населения из-за пределов городов. Сравнивая динамику численности городов Вельск и Шенкурск, можно заметить, что прирост населения г. Вельска был более значительным, чем в Шенкурске. Однако тенденция демографического развития обоих городов была схожей.

В табл. 4 приведены материалы о месте рождения населения, собранные в ходе переписи 1897 г.

Таблица 4

Наличное население Важского края по месту рождения
(по данным переписи 1897 г.)

Уезды	Местные уроженцы		Неместные уроженцы		
			Всего		В том числе уроженцы других государств
	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число
Вельский	100196	97,8	2288	2,2	6
Шенкурский	74589	97,2	2170	2,8	–
Итого по краю	174785	97,5	4458	2,5	6
В том числе в городах					
Вельск	1550	77,9	439	22,1	4
Шенкурск	1129	75,7	363	24,3	–
Города Важского края	2679	77,0	802	23,0	4

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. т.1. Архангельская губерния. СПб., 1899. Тетр. 2. С. 48.; Т. 7. Вологодская губерния. СПб., 1901. Тетр. 2. С. 2.

Из материалов таблицы видно, что более 75% населения городов Важского края являются местными уроженцами (соответственно г.Вельск и Вельского уезда и г.Шенкурск и Шенкурского уезда). Неместные уроженцы составляли менее 25% наличного населения городов Важского края. Основную часть этой категории населения составляли уроженцы других уездов Архангельской и Вологодской губернии. Таким образом, материалы табл. 3 и 4 показывают, что главным фактором увеличения численности городов Важского края стала миграция сельского населения края в города, по всей видимости, на заработки. Вторым фактором, менее значимым, стал приток населения из-за пределов Важского края. В целом, в населении Важского края неместные уроженцы в конце XIX в. составляли не более 2,5%. Их высокая доля в городском населении связана с малочисленностью городов края. С другой стороны, это же свидетельствует о том, что города как бы «притягивают» к себе население.

В качестве причин, обусловивших быстрый рост численности городов, можно назвать следующие:

1. Проведение реформы 1863 г., в результате которой, с одной стороны, изменяется традиционный уклад хозяйственной деятельности местного населения, с другой стороны, усиливается территориальная мобильность населения.

2. Втягивание Европейского Севера России в единый Всероссийский рынок, установление более тесных экономических связей с центральными и северо-западными районами страны и как результат увеличение товаропотока по рекам Вага и Северная Двина. Города Важского края становятся важными транзитными центрами Европейского Севера.

3. Строительство железной дороги Москва – Вологда – Архангельск, осуществляемое в последней четверти XIX в. Данный фактор в целом благоприятно сказался на демографическом и социально-экономическом развитии Важского края.

В результате произошедших социально-экономических и демографических изменений города края к началу XX в. постепенно, помимо административных функций, приобретают и значение экономических центров края.

Материалы переписи 1897 г. о наличном и постоянном населении, а также о категориях временнопребывающего и временноотсутствующего населения позволяют не только более наглядно взглянуть на динамику численности населения, но и охарактеризовать уровень механического движения населения во второй половине XIX в. (табл. 5).

Таблица 5

Наличное население Важского края в 1897 г., %

Уезды	Наличное население						Временноотсутствующее население от числа постоянного населения		
	Постоянное население			Временноприсутствующее население					
	М.п.	Ж.п.	Об.п.	М.п.	Ж.п.	Об.п.	М.п.	Ж.п.	Об.п.
Вельский	96,5	97,6	97,1	3,5	2,4	2,9	8,8	3,6	6,1
Шенкурский	95,5	96,8	96,2	4,5	3,2	3,8	8,6	3,4	5,8
Итого по краю	96,1	97,2	96,7	3,9	2,8	3,3	8,7	3,5	6,0
В том числе в городах									
Вельск	92,8	95,9	94,4	7,2	4,1	5,6	1,7	1,5	1,6
Шенкурск	88,8	95,5	92,3	11,2	4,5	7,7	2,7	4,0	3,4
Города Важского края	90,9	95,7	93,4	9,1	4,3	6,6	2,1	2,6	2,4

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 1: Архангельская губерния. СПб., 1899. Тетр. 1.; Т. 7: Вологодская губерния. СПб., 1901. Тетр. 1.

Материалы табл. 5 показывают существенную разницу между уездным (сельским) и городским населением. В целом, на территории Важского края в конце XIX в. постоянное население превосходило по численности наличное на 5160 чел. или на 2,9%. По всей видимости, это население находилось за пределами края.

Для уездного населения (более 98% населения Важского края проживало в сельской местности) характерно превышение доли временноотсутствующего населения в числе постоянного над долей временноприсутствующего в числе наличного.

Наиболее значительная разница в численности двух этих категорий населения наблюдалась в мужском населении. При этом необходимо заметить, что мужское население преобладало над женским как во временноотсутствующем, так и во временноприсутствующем населении. Данный факт можно объяснить хозяйственной деятельностью населения, а именно занятием различными промыслами, в которых мужское население преобладало над женским.

Наибольший интерес для характеристики территориальной мобильности населения Важского края представляет категория «временноотсутствующее население». От общего числа постоянного населения края не находилось в момент переписи на месте постоянного прожи-

вания в общей сложности 6,0%, причем доля отсутствующих мужчин от общего числа мужского населения (8,7%) в 2,5 раза превышает долю отсутствующих женщин от общего числа женского населения. Процент временноотсутствующего мужского населения в Важском крае был выше, а женского населения – ниже, чем в среднем по губерниям Европейского Севера. В целом для уездов Важского края характерны тенденции к временному уходу населения (прежде всего мужского) с места постоянного проживания и относительно небольшой приток населения извне на временное проживание.

В городском населении Важского края происходили иные процессы. Удельный вес временнопребывающего населения от числа наличного значительно, особенно в мужском населении, превышал удельный вес временноотсутствующего населения от числа постоянного. Это еще раз подтверждает вывод о том, что во второй половине XIX в. города Важского края становятся местом значительного притока населения, особенно мужского.

Важнейшей характеристикой демографического развития любого региона является показатель плотности населения. Плотность населения Важского края возросла с конца XVIII по начало XX в. в 2,5 раза (с 2,5 чел. на кв. версту до 5,3 чел. на кв. версту). Наиболее значительное увеличение плотности населения происходило во второй половине XIX в. Плотность населения в Вельском уезде на протяжении всего рассматриваемого времени была выше, чем в Шенкурском уезде. Вельский уезд был населеннее Шенкурского.

В табл. 6 помещены показатели, характеризующие эволюцию удельного веса населения Вельского и Шенкурского уездов в населении Вологодской и Архангельской губерний.

Таблица 6

Удельный вес населения уездов Важского края в населении Архангельской и Вологодской губерний

Уезд	Процент от территории губернии	Удельный вес населения уезда в населении губернии, %				
		1795 г.	1838 г.	1858 г.	1897 г.	1914 г.
Вельский	6,0	10,7	8,1	8,0	7,8	7,7
Шенкурский	2,9	25,9	24,8	23,6	22,4	21,5

Источники: Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. С. 330–340.

Как видно из табл. 6, на территории Шенкурского уезда во второй половине XIX – начале XX в. проживало более 20% населения Архангельской губернии, что при незначительности территории (2,9% терри-

тории губернии) делало Шенкурский уезд, даже при снижении удельного веса в населении губернии, уездом с наибольшей плотностью населения.

На территории Вельского уезда, занимавшей 6% территории Вологодской губернии, в середине XIX в. проживало около 8% населения губернии. Во второй половине XIX – начале XX в. этот показатель плавно снижается. По плотности населения Вельский уезд занимал седьмое место из десяти уездов Вологодской губернии, опережая по данному показателю лишь Усть-Сысольский, Яренский и Сольвычегодский уезды.

Итак, в XIX – начале XX в. в населении Важского края происходят существенные изменения. Идет процесс увеличения численности населения края, особенно явственно выраженный во второй половине XIX в. Главным фактором увеличения численности населения был естественный прирост. Приток населения из-за пределов края был незначителен, наоборот, во второй половине XIX в. наблюдался некоторый уход населения, прежде всего мужского, за пределы края. В пореформенный период большое распространение получает внутренняя миграция населения (перемещение населения внутри Важского края). Несмотря на значительное увеличение численности городского населения (более чем в 4,5 раза к началу XX в. по сравнению с серединой XIX в.), Важский край и в начале XX в. оставался по преимуществу сельским регионом (98% населения проживало в сельской местности). По темпам прироста населения уезды Важского края отставали от темпов прироста населения в целом по Европейскому Северу России. В результате этого удельный вес населения Шенкурского уезда в составе населения Архангельской губернии и Вельского уезда в составе Вологодской губернии снижается.

Литература и источники

1. Котов П.П. Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг. Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1991. С. 6.
2. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 18.
3. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 317–323.
4. Котов П.П. Указ. соч. С. 10–11.
5. См. подробнее: Пинаевский Д.И. Методика исчисления народонаселения во второй половине XIX в. (по материалам Вологодской губернии) // Петербург и Россия. Петербургские чтения – 97. СПб., 1997. С. 458–461.
6. Пинаевский Д.И. Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. истор. наук. Сыктывкар, 1999. С. 73.
7. Там же. С. 67–68.

8. Котов П.П. Источники об уровне земледелия в Шенкурском уезде в конце XVIII – начале XX в. // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вельск, 2002. С. 154–157.
9. Котов П.П. Удельные крестьяне Севера. С. 53–57.
10. Там же. С. 57.

*Д. И. Пинаевский**

Демографические аспекты развития Европейского Севера России в середине XIX – начале XX века

Значение историко-демографической проблематики в развитии исторической науки чрезвычайно велико. История общества – это история населения. Изучение проблем исторической демографии играет существенную роль для исследования всех аспектов истории страны и отдельных ее регионов.

Особую актуальность имеют работы, посвященные рассмотрению историко-демографических проблем в отдельных регионах страны на определенном историческом промежутке времени, так как в историографии сохраняется своеобразный «глобализм» историко-демографических работ, посвященных, как правило, анализу тенденций развития народонаселения России в целом, а «региональный подход к изучению историко-демографических процессов расширяет возможности сравнительных оценок и повышает объективность анализа» [1] .

Источниковую базу исследования составили материалы ревизского и административно-полицейского учетов населения, переписи населения, списки населенных мест и другие источники. Данный комплекс источников позволяет проследить изменения в численности, составе, размещении населения, динамику миграционных процессов, охарактеризовать демографическое поведение и тип воспроизводства населения Европейского Севера России в XIX – начале XX в.

В XVIII – первой половине XIX в. Северный район относился к районам с невысоким и пониженным приростом населения (среднегодовой прирост 0,7%, в то время как в среднем по стране этот показатель составлял 0,97% (только естественный прирост, без вновь присоединенных территорий). Уровень прироста населения в XVIII – первой половине XIX в. не был постоянным. Весьма невысокий в XVIII в. (среднегодовой прирост 0,47%) (помимо низкого естественного прироста населения в этот период, по мнению В.М.Кабузана, наблюдался некоторый уход населения в Сибирь и на территории соседних Вятской и Пермской губерний), он увеличивается в первой половине XIX в. (среднегодовой показатель 0,78%). По уровню среднегодового прироста населения Север в первой половине XIX в. опережает многие регионы Европейской России (главным образом, губернии, в населении которых преобладало крепостное крестьянство), уступая Нижнему Поволжью,

*Пинаевский Дмитрий Иванович (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, ученый секретарь Сыктывкарского государственного университета. Специализируется в области исторической демографии Европейского Севера России.

Южному Приуралью, Новороссии, Северному Кавказу, Сибири, т.е. районам, подвергавшимся в конце XVIII – первой половине XIX в. интенсивному заселению.

Увеличение темпов прироста населения на Европейском Севере России было связано с рядом факторов: 1) практически отсутствовал отток населения за пределы региона; 2) стабильный естественный прирост, обеспеченный устойчивой социально-демографической ситуацией; 3) незначительное влияние (по сравнению с другими регионами) экзогенных факторов смертности – неурожай, эпидемии (холера) и т.п. Все это способствовало увеличению темпов прироста населения Северного района.

Численность населения более благоприятной по природно-климатическим показателям для земледелия Вологодской губернии увеличилась в первой половине XIX в. значительно быстрее (в 2,1 раза), чем численность населения, расположенной севернее Архангельской губернии (примерно в 1,7 раза).

В районах с высоким процентом крепостного населения в первой половине XIX в. наблюдается кризис роста численности населения из-за слабого естественного прироста (и даже численного уменьшения) крепостного населения. В литературе данный факт получил название «вымирание помещичьего крестьянства» и связывается он с общим кризисом феодально-крепостнической системы России. Он был обусловлен многими факторами: социальными, экономическими, земельными (размер земельного надела примерно на 1/3 обуславливал уровень рождаемости), демографическими (регулирование рождаемости) и т.д.

Изменения в демографических показателях на протяжении XVIII – первой половине XIX в. как в целом по стране, так и в Северном районе в частности, несмотря на повышение качества демографического учета, некоторое увеличение темпов естественного прироста, были незначительны. Это свидетельствует, что в данный период каких-либо серьезных перемен в воспроизводстве населения не происходит.

Отмена крепостного права и буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. оказали огромное влияние на социально-экономическое, политическое и демографическое развитие страны. Усилилась социальная и территориальная мобильность населения, изменились принципы крестьянского землевладения и землепользования, происходят изменения в соотношении разных видов хозяйственной деятельности и т.п.

Наиболее существенное воздействие на демографическое развитие Европейского Севера имела крестьянская реформа в удельной деревне (1863 г.), лишившая удельных крестьян права льготного пользования казенными лесами, что привело к изменению хозяйственных занятий (до реформы важное место в крестьянском хозяйстве занимал смолокурный промысел) и, соответственно, сказалось на общей социально-

демографической ситуации (уровень прироста, миграционные процессы, хозяйственная деятельность, благосостояние и т.п.).

Рассмотрим общую динамику населения уездов северных губерний за период с 1858 по 1914 г. За 57 лет население Архангельской губернии увеличилось примерно на 187 тыс. чел. (с 256,6 тыс. до 443,6 тыс. чел.), или на 72,9%, в среднем – 1,28% в год.

Население Вологодской губернии увеличилось за рассматриваемый период примерно на 773,5 тыс. чел. (с 927,1 тыс. до 1700,6 тыс. чел.), или на 83,4%; средний годовой прирост составил 1,46%. По подсчетам А.Г.Рашина, Вологодская и Архангельская губернии занимали по динамике численности населения среди 50 губерний Европейской России во второй половине XIX – начале XX в., соответственно, 29-е и 37-е места [2] .

В целом, по северному району население увеличилось с 1858 по 1914 г. примерно на 960,6 тыс. чел. (с 1183,6 тыс. до 2144,2 тыс. чел.), или на 81,2%. Средний прирост за год составлял 1,4%.

Сравнивая полученные результаты с величиной естественного прироста в северном районе за XVIII – первую половину XIX в., мы видим, что в 60–70-е гг. XIX в. существенных изменений в динамике населения по сравнению с первой половиной XIX в. не происходит, хотя последняя четверть XIX и начало XX в. характеризуются значительным увеличением среднегодового прироста населения.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы о естественном движении населения позволяют раскрыть особенности процесса воспроизводства населения северных губерний в рассматриваемый период и определить тип воспроизводства населения.

Материалы табл. 1 показывают, что в естественном движении населения на протяжении изучаемого периода происходили существенные изменения.

В Архангельской губернии эволюция динамики уровня рождаемости проходит три этапа: 1860–1870-е гг., 1880–1890-е гг. и первые полтора десятилетия XX в. 1860–1870-е гг. характеризуются существенными колебаниями (падение уровня рождаемости во второй половине 60-х – начале 70-х гг. XIX в. и его повышение с середины 1870-х гг.). 1880–1890-е гг. характеризуются стабильным уровнем рождаемости. В начале XX в. происходит значительное увеличение данного показателя. В целом уровень рождаемости в Архангельской губернии в начале XX в. был более высоким, чем в середине XIX в. Уровень смертности в Архангельской губернии существенно снижается на рубеже 1860–1870-х гг. (с 33,1 до 28,4 умерших на 1000 чел. наличного населения). В последней четверти XIX – начала XX в. уровень смертности в губернии незначительно колеблется (около 26-28 чел. на 1000). Изменения в уровнях рождаемости и смертности в населении губернии отразились на уровне

Таблица 1
Естественное движение населения Северного района во второй половине XIX – начале XX в. (на 1000 чел.) [3]

Годы	Архангельская губ.			Вологодская губ.			Европейский Север		
	Родилось	Умерло	Еств. прирост	Родилось	Умерло	Еств. прирост	Родилось	Умерло	Еств. прирост
1861–1866	42,3	30,5	11,8	46,4	35,0	11,4	45,5	34,1	11,4
1866–1870	37,8	33,1	4,7	44,6	35,6	9,0	43,1	35,1	12,0
1871–1875	37,5	28,4	9,1	47,1	34,9	12,2	45,0	33,5	11,5
1876–1880	39,8	27,4	12,4	46,8	33,6	13,2	45,2	32,3	12,9
1881–1885	40,2	28,7	11,5	48,1	34,1	14,0	46,5	33,0	13,5
1886–1890	41,4	26,9	14,5	45,3	32,2	13,1	44,5	31,1	13,4
1891–1895	39,9	27,9	12,0	45,2	30,2	15,0	44,1	29,7	14,4
1896–1900	40,6	26,4	14,2	44,1	30,6	13,5	43,4	29,7	13,7
1901–1905	42,2	28,0	14,2	43,5	31,5	12,0	43,3	30,8	12,5
1906–1910	44,4	27,0	17,4	44,7	30,2	14,5	44,7	29,6	15,1
1911–1914	46,4	28,4	18,0	46,1	29,9	16,2	46,2	29,6	16,6

естественного прироста. В 1860–1890-х гг. он не стабилен. Амплитуда колебания составляет от 4,7 до 14,5 чел. на 1000 чел. наличного населения. В конце 1890-х – начале 1900-х гг. уровень естественного прироста стабилизируется, а в последующее десятилетие значительно возрастает (с 14,3 до 18,0 чел. на 1000 чел. наличного населения).

В естественном движении населения Вологодской губернии происходили процессы, отличные от процессов, происходивших в Архангельской губернии. С середины 1860-х до первой половины 1880-х гг. уровень рождаемости в Вологодской губернии повышается (с 44,6 до 48,1 чел. на 1000 чел. наличного населения). Однако со второй половины 1880-х гг. и до 1910-х гг. начинает происходить плавное уменьшение величины этого показателя. В результате уровень рождаемости к рубежу 1900–1910-х гг. снизился до уровня 1860-х гг. Уровень смертности в Вологодской губернии на протяжении всего изучаемого периода плавно снижался (с 35,0 до 29,9 чел. на 1000 чел. наличного населения). Именно за счет снижения уровня смертности в губернии и происходит повышение уровня естественного прироста населения (за рассматриваемый период с 11,4 до 16,2 чел. на 1000 чел. наличного населения).

В целом, для естественного движения населения Европейского Севера характерны те же процессы, что и для населения Вологодской губернии. Это вполне объяснимо, так как на территории Вологодской губернии проживало около 80% населения Европейского Севера Российской империи.

Полученные результаты позволяют определить тип воспроизводства населения Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX в. Демографическая наука выделяет три исторических типа воспроизводства населения: а) архетип, характерный для первобытно-общинных обществ; б) традиционный, характерный для аграрных обществ и в) современный (или рациональный), характерный для индустриальных и постиндустриальных обществ. Традиционный тип воспроизводства населения характеризуется весьма высокой, в основном, экзогенно обусловленной, смертностью. Это определяет высокий уровень рождаемости. При переходе к индустриальному обществу уменьшается зависимость человека от природы, улучшается медицинское обслуживание населения, ограничиваются действия экзогенных факторов смертности. Соответственно, снижается уровень смертности. Это коренным образом меняет условия поддержания демографического равновесия и влечет за собой изменение типа рождаемости. Высокая рождаемость становится «анахронизмом» [4]. В итоге происходит снижение уровня рождаемости. Материалы о естественном движении населения Европейского Севера России свидетельствуют о сохранении аграрного типа воспроизводства населения. Хотя и происходило некоторое снижение уровня смертности, но на уровень рождаемости это не

повлияло. Соответственно, и демографическое поведение населения, и тип его воспроизводства оставались прежними.

Материалы о среднегодовом приросте населения подтверждают существующее в литературе утверждение о том, что в северных губерниях Европейского Севера России «пореформенная эпоха характеризовалась не только увеличением численности населения, но и ускорением темпов его роста» [5]. Это ускорение происходило, главным образом, за счет естественного прироста населения. В то же время утверждение, что «самые низкие темпы роста населения были в Вологодской губернии..., лидировала Архангельская губерния» [6], нашими расчетами не подтверждается. По темпам прироста населения Архангельская губерния начинает опережать Вологодскую только в 1897–1914 гг. До этого на протяжении всей второй половины XIX в., особенно в последней четверти XIX в., Архангельская губерния довольно значительно отставала. Это не преминуло сказаться на общем (за весь изучаемый период), хотя и незначительном отставании динамики численности населения Архангельской губернии от динамики численности населения Вологодской губернии.

В целом, можно сделать вывод, что уровень прироста населения северных губерний во второй половине XIX – начале XX в. развивался по нарастающей. Основным источником увеличения численности населения северных губерний был естественный прирост населения. Это свидетельствует о благоприятных социально-экономических условиях для развития народонаселения. В то же время, если сравнить динамику численности населения Европейского Севера России и европейской части Российской империи, то получим следующие результаты. По подсчетам А.Г.Рашина, население 50 губерний Европейской России увеличилось с 1867 по 1913 г. на 94,7% (в среднем на 2% в год). Средний годовой прирост населения за 1867–1896 гг. составлял 1,37%, за 1897–1913 гг. – 1,65% [7]. Сравнение результатов показывает, что по темпам прироста населения северные губернии весьма значительно уступали среднероссийским. Это вело к уменьшению удельного веса населения северных губерний в населении страны. Так, если в 1863 г. на территории Европейского Севера России проживало 2,1% от общей численности населения Европейской России, то к 1914 г. – лишь 1,7% [8].

Анализ динамики численности населения в пореформенный период по уездам северных губерний позволил выделить три района с различным уровнем прироста населения: высоким, средним и низким.

В район с высоким приростом населения вошли Никольский, Устюжский, Сольвычегодский уезды Вологодской губернии и Кемский, Кольский, Архангельский, Мезенский, Печорский уезды Архангельской губернии. Высокий уровень динамики населения в этих уездах был обеспечен за счет значительного притока в них пришлого населения,

которое в большей части оседало на новом месте проживания. Наивысшие темпы прироста населения наблюдались в центральных уездах Вологодской губернии. К причинам, способствовавшим данному процессу, можно отнести благоприятные для развития сельскохозяйственного производства природно-климатические условия; правительственную переселенческую политику (создание в начале XX в. в Никольском уезде хуторских хозяйств и переселения на них крестьян из Прибалтики, Украины и Белоруссии); повышение роли Сухона-Двинской речной системы в экономической жизни страны, втягивание данного района в систему всероссийского рынка и, соответственно, более быстрое развитие буржуазных отношений; строительство железной дороги Вятка-Котлас. Все это способствовало интенсификации экономической жизни района, привлечению новых переселенцев. Юго-восточные уезды Вологодской губернии становятся в конце XIX в. вторым, помимо Вологодского уезда, экономическим центром губернии, что сказывается не только на демографических процессах, но и на социально-экономической и культурной сферах жизни региона.

Мезенский и Печорский уезды Архангельской губернии занимали второе место по уровню прироста населения на Европейском Севере. Территория Мезенского уезда во второй половине XIX в. становится районом значительного стихийного притока населения. Особенностью колонизации данного района, как показал в ряде своих работ И.Л.Жеребцов [9], было то, что в колонизации в основном принимали участие выходцы из южных и западных волостей Коми края, т.е. происходило расширение этнической территории коми-зырян. Во второй половине XIX – начале XX в. осваиваются территории по рекам Уса, Колва, Ижма, средняя Печора [10].

Переселения населения с южных и западных в северо-восточные районы Коми края было вызвано своеобразным «промысловым перенаселением». Оскудение рыболовных и охотничьих угодий, отмеченное современниками еще в первой половине XIX в. [11], вынуждало население либо искать новый источник заработка, либо «для сохранения» традиционного, устоявшегося уклада жизни переселяться на новые, необжитые места. Таким образом, главным фактором, приведшим к значительному увеличению численности населения Мезенского и Печорского уездов, было переселенческое движение населения, в большинстве случаев самовольное, из южных районов Коми края.

Территория Кемского и Кольского уездов во второй половине XIX в. также становится местом притока переселенцев. Этот процесс был вызван двумя причинами. Во-первых, с 1868 г. Кольский полуостров, а точнее побережье Мурмана, становится местом колонизации. Колонизация Мурмана была поставлена под правительственный контроль. Издавались указы, регулирующие вопросы землевладения, предостав-

лявшие переселенцам различные льготы (выдача ссуд, освобождение от ряда повинностей, в том числе воинской, льготы на рубку казенного леса и т.п. [12]). Архангельский губернатор обязан был ежегодно в своем отчете докладывать о ходе колонизации Мурмана. Исходя из всего вышесказанного, мы можем говорить о правительственной политике в вопросе освоения части территории Кольского полуострова. Во-вторых, строительство железной дороги на Мурман, развернувшееся в начале XX в., способствовало ускорению темпов экономического развития и притоку новых переселенцев.

Необходимо отметить, что строительству железных дорог во второй половине XIX – начале XX в. местные губернские чиновники придавали огромное значение. Неоднократно, особенно в отчетах Архангельского губернатора, отмечалось, что проведение железной дороги позволит включить в экономическую жизнь губернии и страны обширные богатейшие природными ресурсами территории и поспособствует как внутренней колонизации, так и привлечет переселенцев из-за пределов губернии.

Архангельский уезд становится со второй половины XIX в. одним из экономических центров региона, что было связано с развитием лесозаготовительных и лесоперерабатывающих производств. На территории Архангельского уезда располагалась большая часть действующих в Архангельской губернии лесопильных заводов. Лесопильные заводы, а также морские промыслы становятся главными факторами, привлекавшими на территорию уезда население извне. Подтверждением того, что высокий прирост населения в Архангельском уезде был обеспечен во многом пришлым населением, является соотношение реального и естественного прироста населения уезда в последней трети XIX в. Реальный прирост существенно превышал естественный.

К уездам со средним уровнем прироста населения относятся Пинежский уезд Архангельской губернии и Вельский, Тотемский, Яренский, Усть-Сысольский уезды Вологодской губернии. Процессы, происходившие в Пинежском уезде, характеризуются стремлением к сохранению устоявшегося образа жизни как в социально-экономической, так и политической, культурной и демографической сферах. В перечисленных уездах Вологодской губернии в рассматриваемый период наблюдался высокий естественный прирост населения и весьма значительный отток населения за пределы уезда и губернии в поисках заработка.

Уезды с низким уровнем прироста населения можно разбить на два географических региона. Вологодский, Кадниковский, Грязовецкий уезды располагались в юго-западной части Вологодской губернии; Шенкурский, Онежский, Холмогорский уезды – в центральной и южной части Архангельской губернии. Определить причины низкого уровня

прироста населения в этих районах (по сравнению с другими уездами Европейского Севера) довольно сложно.

На наш взгляд, это было связано со следующими причинами. Соотнесение уровня естественного и реального приростов населения в центральных и южных уездах Архангельской губернии показало, что данные о естественном приросте значительно превосходили данные о реальном приросте населения. Это показывает наличие значительного оттока населения за пределы указанных уездов. Это было связано с рядом факторов, носящих, прежде всего, экономический характер. П.П.Котов, рассмотрев уровень земледелия в Холмогорском уезде во второй половине XIX – начале XX в., пришел к заключению, что «население уезда обеспечивалось своими хлебами лучше по сравнению с населением Архангельской губернии в целом» [13]. Однако на протяжении XIX в. происходило снижение урожайности (более чем в 1,5 раза). Расширение посевных площадей не могло в полной мере компенсировать потери от снижения урожайности. В итоге «землепашество обеспечивало населению Холмогорского уезда менее 50% необходимой нормы зерновых... Основной недостаток хлебов восполнялся из привозного зерна. Это требовало свободных денежных средств, что предполагало развитие неземледельческой деятельности населения уезда» [14]. Именно в поисках заработка население и покидает территорию уезда сначала временно, а потом, по всей видимости, окончательно. В соседних с Холмогорским Онежском и Шенкурском уездах, по нашему мнению, происходили те же процессы по снижению результативности земледельческого производства. В результате земледельческое производство не может обеспечить потребности увеличивающегося населения. Неземледельческие промыслы на территории этих уездов были развиты довольно слабо. В основном население занималось отхожими промыслами. Это и «выталкивает» население в поисках новых источников дохода за пределы уездов. В целом, мы можем говорить о наличии аграрного перенаселения на территории Шенкурского, Онежского и Холмогорского уездов, результатом чего и стал низкий прирост населения во второй половине XIX – начале XX в.

Юго-западные уезды Вологодской губернии. По своим природно-климатическим и хозяйственно-экономическим условиям Вологодский, Кадниковский и Грязовецкий уезды были более схожи с соседними уездами Новгородской, Ярославской и Костромской губерниями, чем с остальными уездами Вологодской губернии. Это были уезды, в которых в дореформенную эпоху крепостное население составляло большую часть населения (61,8% – по данным X ревизии [15]). Возможно, сохранение остатков феодально-крепостнических отношений и привело к низкому уровню прироста населения во второй половине XIX в. Подтверждает данную гипотезу тот факт, что в конце XIX – начале XX в.

уровень прироста населения юго-западных уездов Вологодской губернии по сравнению с 1860–1880-ми гг. значительно возрастает.

Таким образом, на динамику населения Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX в. влияло, прежде всего, становление буржуазных социально-экономических отношений, что приводило к изменению общественных отношений, условий жизни людей. Так как более 90% населения северных губерний проживало в сельской местности, то характеристика общей динамики численности и прироста населения северных уездов может быть в полной мере отнесена к сельскому населению этих уездов.

Литература и источники

1. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998. С. 4.
2. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 44–45.
3. РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.2692, 2894; Оп.2. Д.5127, 5393, 5448, 5455, 5499; Ф.1281. Оп.6. Д.4, 9, 11, 12, 15, 18, 19, 24, 26, 27, 48; Оп.7. Д.13, 17, 23, 24, 27, 29, 32, 38, 40, 41, 44; Ф.1282. Оп.3. Д.442, 449; Ф.1284. Оп.67. Д.154, 207, 212, 218; Оп.69. Д.191, 197, 199, 213, 217, 229, 236, 240, 242, 256, 264, 265, 266, 268; Оп.70. Д.38, 80, 208, 247, 255, 281, 282, 314; Оп.192. Д.35; Оп.194. Д.34, 37, 61, 63, 64, 67, 73, 78, 82, 83, 88, 97, 109, 117; Оп.223. Д.5гр.Б., 7 лит.БП, 15 лит.БП, 16 лит.Б, 31 лит.Б, 50 гр.Б, 88, 90, 99, 122, 124, 134, 138, 144, 146, 148, 152, 153, 154, 161, 162, 164, 166, 167, 173, 201, 203, 212, 216; Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Вып.1; Военно-исторический сборник. Вып. IV. Россия. СПб., 1871. С.54–56, 60–61; Обзор Архангельской губернии за [1896–1914] год. Архангельск, 1897–1915; Обзор Вологодской губернии за [1896–1914] год. Вологда, 1897–1916.; Движение населения в Европейской России за [1867–1884] год. СПб., 1872–1889. (Статистический временник Российской империи Сер.2. Вып.8, 12, 13, 14, 17, 18, 20–26; Сер.3. Вып.3, 7, 20, 21, 23, 24); Движение населения в Европейской России за [1885–1910] год. СПб., 1890–1916. (Статистика Российской империи. Т.11, 12, 18, 21, 24, 33, 34, 38, 41, 45, 47, 48, 50, 56, 58, 62–63, 66, 70, 74, 84–85, 87–88, 91, 93); Колесников П.А. Поуездные итоги ревизского учета. X ревизия. 1857–1858 гг.: Архангельская и Вологодская губернии // Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 330–340; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899. Т.1. Архангельская губерния. Тетр.1. С.1; СПб., 1901. Т.7. Вологодская губерния. Тетр.1. С.1; Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып.2. Наличное население империи за 1858 г.; Сборник сведений по Европейской России за 1882 г. СПб., 1884; Статистический ежегодник России за [1904–1915] год. СПб., 1905–1916.
4. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX вв. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 108.

5. Островский А.В. Сельское хозяйство Европейского Севера России. 1861–1914 гг. СПб., 1998. С. 38.
6. Там же. С. 38.
7. Рашин А.Г. Указ.соч. С. 47.
8. Там же. С. 54
9. Жеребцов И.Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми. Сыктывкар, 1995; Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы). Сыктывкар, 1993.
10. Жеребцов И.Л. Основные этапы... С. 12.
11. См. подробнее: Котов П.П. Внеземледельческие занятия населения Коми края в конце XVIII – первой половине XIX веков. Сыктывкар, 1999. С. 10–12.
12. См. подробнее: Якименко Н.А. Указ.соч. С. 81.
13. Котов П.П. Уровень земледелия в Холмогорском уезде Архангельской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Проблемы региональной истории России: Сб. статей. Липецк, 1997. Ч. 1. С. 123.
14. Там же. С. 126.
15. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 334–340.

Ю. В. Аргудяева*

Демографическая ситуация и демографическое поведение старообрядцев Дальнего Востока

Основное условие образования семьи предусматривает наличие двух брачных партнеров. Однако складывавшийся в дальневосточном регионе во второй половине XIX – начале XX в. половозрастной состав населения и демографическая ситуация создавали дефицит женщин на Дальнем Востоке. Эта проблема возникла со времени воссоединения Дальнего Востока с Россией в середине XIX в.

Дефицит женщин был характерен для всех групп Дальневосточного региона, в том числе и для крестьян. Он был обусловлен целым рядом причин. В определенной степени первоначально это были ошибки правительства, стремившегося отправить на восток страны семьи, где преобладали мужчины-работники. В целях более усиленного развития хлебопашества на неосвоенных землях Дальнего Востока следует переселять семьи с преобладающим взрослым мужским населением. Да и большинство семей решалось на переселение обычно в тех случаях, если в них преобладали мужчины. Эти факторы определили перевес мужчин в численности сельского населения края. Бесспорно, в условиях освоения нетронутой дикой дальневосточной природы постоянно требовалось применение тяжелого физического мужского труда. Однако традиционное разделение крестьянских работ не могло обойтись и без женских рук, без жены крестьянин не мог завести самостоятельное хозяйство.

Не улучшилась ситуация с женщинами и в последующие годы. В 1880–1890-е гг. в Приморской области женского населения было почти в три раза меньше мужского [1]. Дефицит женщин определял и демографическое поведение мужчин – они брали в жены не только девушек, но и всех вдов с детьми и даже пожилых. Таким образом, неординарная ситуация с невестами в новых районах освоения на востоке страны оказывала существенное влияние на условия образования крестьянских семей и создания здесь своего демографического потенциала.

Менталитет дальневосточного крестьянина в вопросах брака в основном не отличался от менталитета российского сельского жителя. Традиционные нормы такого поведения были всегда согласованы с условиями крестьянской жизни и составляли неотъемлемую часть ценностных ориентаций, регламентировавших все стороны поведения российского крестьянина и значительной части других сословий [2].

*Аргудяева Юлия Викторовна (Владивосток) – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Брачное поведение восточнославянского крестьянина XIX – начала XX в. непосредственно определялось его взглядами на брак и семью [3]. Взгляды эти отражали не только этические нормы и нормы обычного права, но и ряд социально-экономических факторов, среди которых важнейшими были невозможность существования крестьянского хозяйства вне семьи, необеспеченность общиной и государством старости родителей, религиозный характер норм крестьянского поведения и др. В совокупности эти взгляды образовали социально-психологическую модель брачного поведения крестьянства, которое имело такие основные составляющие, как брак, развод, вдовство, повторные браки, рожаемость, и др.

Отрицательное отношение крестьян к холостой жизни обусловило и высокую брачность в российской, в том числе и дальневосточной деревне, хотя в последней, как уже говорилось, она была затруднена из-за дефицита женщин. Традиционно в XIX в. в брак вступали в довольно раннем возрасте: девушка – с 15-16 лет и парень – с 18 лет. За стремлением женить парня, как только он достигнет совершеннолетия, скрывалось желание его родителей иметь в семье дополнительные рабочие руки невестки. Однако иногда экономические соображения перекрывались другими – боязнью, что невеста в «девках засидится», а пуще всего боялись, что «девка до брака согрешит». Это не только обесчестит семью, но и создаст ситуацию невозможности ее выхода замуж в своей этнической и конфессиональной среде. В некоторых районах Приморья такая девушка могла создать семью только с китайцем. Но главное, ранние браки, являясь элементом обычного семейного права, были истари приняты почти повсеместно в сельской среде России.

Не отличаясь в общей направленности от аналогичного поведения в Европейской России, брачное поведение восточнославянского крестьянства на Дальнем Востоке имело целый ряд особенностей, обусловленных спецификой социально-экономического и демографического развития дальневосточного региона и конфессионального состава населения.

Представители старообрядчества в своем брачном поведении в определенной степени отличались от остальной массы крестьянства, хотя основные направления общепринятых брачных норм выдерживались четко [4]. В XVIII – первой половине XIX в. вопрос о браках имел особую значимость в беспоповщине, в поморском согласии которой в первой половине XVIII в. выделились приверженцы брачников и безбрачников. Принцип безбрачия довольно жестко насаждался и в федосеевском согласии. Однако как в федосеевском, так и в поморском согласии все настойчивее проявлялись тенденции в защиту института брака. В этом, безусловно, сыграл свою роль тот фактор, что социаль-

ной базой старообрядчества было крестьянство, в менталитете которого семья всегда представляла большую ценность.

В поповщине все толки и согласия признавали брак. Венчали старообрядческие священники или беглые попы. Однако священников и беглых попов в условиях жесткого прессинга официальной церкви явно не хватало. Семейные пары жили невенчанными по нескольку лет. Особенно это характерно для осваиваемых восточных регионов России. Чтобы узаконить свой брак, старообрядцы-поповцы вынуждены были венчаться в официальной церкви и давать подписку о присоединении к ней, переходить в единоверие. Подписка, как правило, не выполнялась. Это приводило к преследованию со стороны светских и духовных властей. И только указ 1874 г. признал законность старообрядческих браков с условием их записи полицией в особые метрические книги при волостных правлениях [5]. Такие записи выявлены нами у старообрядцев-поповцев; беспоповцы не признавали метрические записи. И хотя браки в гражданском отношении считались действительными, юридическая проблема оставалась нерешенной вплоть до принятия закона о свободе вероисповедания в 1906 г.

Основные направления брачного поведения старообрядцев были аналогичны брачным установкам остального крестьянства. Здесь так же, как и в целом в крестьянской среде, при заключении браков преобладали мотивы экономического характера (возможность получить рабочие руки, породниться с зажиточными соседями и этим упрочить свое положение и т.п.), строго соблюдались брачные запреты на вступление в брак с кровнородственниками до 8-го колена прямого и 4-го колена бокового родства и с духовными родственниками, т.е. с крестными и их детьми, и др. Но важнее для старообрядцев было найти себе семейную пару из своего толка и согласия. Поэтому в старообрядческой среде как у поповцев, так и беспоповцев особенно строго соблюдались подбор брачных пар и регламент заключения брака.

Все эти обстоятельства и обусловили для старообрядцев довольно сложную брачную ситуацию, при которой они в иных случаях женили своих сыновей в довольно раннем возрасте. В таких семьях жених был гораздо моложе своей невесты и нередко вступал в брак в довольно юном возрасте [6].

Специфическая демографическая ситуация в малозаселенном дальневосточном регионе, особенно в первые десятилетия его освоения, ставила старообрядцев в сложные условия при выборе брачного партнера из своей среды. Они вынуждены были вступать в брак с представителями аборигенных народов, но чаще – с приверженцами официального православия. Последнее обстоятельство вызывало особую тревогу у православного духовенства, так как обычно итогом заключения таких браков было «совращение» православных в раскол [7].

На Дальнем Востоке браки старообрядцев с православными не были редкостью. В условиях постоянного дефицита невест некоторые старообрядцы принимали православие исключительно для получения разрешения на вступление в брак с девушкой из православных. Спустя некоторое время они непременно возвращались к своей вере, причем обычно вместе с женой. На рост доли конфессионально смешанных браков влияло также дисперсное расселение самих старообрядцев, их сложный (по толкам и согласиям) состав. Договориться между собой им было сложнее, чем с представителями официального православия.

Нельзя исключать и хозяйственно-соседские связи старообрядцев и новоселов-православных, которые приводили к брачным союзам при условии перехода православного в старообрядчество. Вступление в конфессионально-смешанные браки чаще происходили в таежных районах Дальнего Востока, населенных преимущественно старообрядцами-беспоповцами. В таких районах на первых этапах освоения региона официальное православие имело слабое влияние. Православных приходов было мало, территория, которую обслуживал один священник, обширная, и своевременно выполнить все духовные требы было практически невозможно. Поэтому в отдаленных местах региона православные крестьяне не только вступали в брак со старообрядцами, но и для выполнения духовных треб пользовались услугами старообрядческих уставщиков-беспоповцев.

Сложнее было разрешить брачную ситуацию старообрядцам-поповцам, поселившимся преимущественно в одних селах с православными в густонаселенных и сравнительно освоенных районах. Здесь духовная и светская власти были сильнее, у них было больше возможности вникать в вопросы вероисповедания и держать под контролем все действия православного населения. Поселившиеся в таких районах старообрядцы-поповцы и беглопоповцы признавали таинство брака, но из-за отсутствия старообрядческих священников были вынуждены венчаться в православной церкви. Именно к такому оформлению брака прибегали молодые люди разной религиозной направленности. Они стремились при помощи православной церкви узаконить свой брак и тем самым избежать преследования со стороны официального православия. Их венчали, но при условии предоставления подписки о том, что один из новобрачных переходит из старообрядчества в православие и в семье будут выполняться все требы по обрядам официальной церкви, в том числе и в отношении родившихся в браке детей. В подписке требовалось также указать, что в будущем супруги не «уклонятся» в раскол.

Духовная консистория и представители официальной власти считали смешанные между приверженцами официального православия и старообрядцами браки «незаконными». Они рассматривали такие брачные союзы не только как средство пропаганды старообрядцами своего

учения, но и как «совращение» православных в раскол. Супруги, вступившие в такой брак, признавались виновными и подлежащими наказанию. Законным и признанным в обществе мог быть только такой брак, в котором супруг-старообрядец давал подписку о присоединении к православию. Однако практика показывала, что такая подписка, данная новообрачными, как правило, не выполнялась. Через определенное время оба супруга переходили в старообрядчество [8].

Смешанные, так называемые «незаконные» браки между православными и старообрядцами перестали быть предметом острых обсуждений лишь после принятия в 1906 г. закона о свободе вероисповедания. Теперь супругам (только совершеннолетним) разрешалось по их желанию оставаться приверженцем своей веры или переходить в веру своего супруга.

В советское время уже не смотрели так строго на конфессионально-смешанные браки. Такая ситуация начала складываться в период коллективизации и репрессий, сильно подорвавших религиозные установки старообрядцев. Многие из них совершенно отошли от «старой веры». Немалую роль в этих процессах сыграла и массовая, принявшая государственные масштабы, атеистическая пропаганда.

При превалировании в целом в старообрядческой среде Дальнего Востока этнически гомогенных брачных союзов, было немало семей со сложным региональным и этническим (русские, украинцы, белорусы, поляки, удэгейцы и др.) составом. Это лишний раз указывало на то, что этническая принадлежность другого супруга не играла для старообрядцев существенной роли, для них важнее была принадлежность к «древлеправославной» вере.

В дальневосточном регионе в конце XIX – начале XX в. девушки-старообрядки вступали в брак обычно в 16-18 лет, юноши — в 18-20. Были, безусловно, отклонения при вступлении в брачный союз как в сторону более молодых, так и старших возрастов. В настоящее время практика заключения конфессионально-смешанных браков по-прежнему существует, но в ограниченном виде и далеко не во всех районах расселения дальневосточных старообрядцев. И сейчас из всех брачных запретов в современной староверии особенно строго придерживаются общеславянской традиции не разрешать браки с кровными родственниками по прямой линии до 8-го колена и по боковой – до 4-го, а также с духовными родственниками, т.е. с крестными и их детьми. У потомков «харбинских» старообрядцев, поселившихся на севере Хабаровского края в нескольких соседних поселках, в настоящее время сложилась острая демографическая ситуация. Все старообрядцы, живущие в этих поселках, а также в Еврейской автономной области, со старообрядцами которой были тесные брачные контакты, стали родственниками. Таких контактов нет со старообрядцами других дальневосточных регионов –

Амурской области и Приморского края, так как здесь придерживаются староверия почти исключительно только люди преклонного возраста. Остались брачные связи со старообрядцами Красноярского края. Современная брачная ситуация усложняется и тем обстоятельством, что в последние годы произошло возрождение на притоках Енисея старообрядческих – и мужских, и женских монастырей, куда уходят немало юношей и, особенно, девушек из числа старообрядческой молодежи.

В модели брачного поведения крестьянства отношение к повторным бракам крестьян было в целом отрицательно. Второй брак разрешался обычно в случае смерти одного из супругов. При этом учитывались возраст супруга (желательно достаточно молодой или средний) и наличие малолетних детей. Считалось, что при таких условиях вести крестьянское хозяйство одному супругу будет не под силу. К третьему браку относились с предубеждением. Расторжение брака считалось невозможным.

В течение всего досоветского периода у дальневосточного крестьянства преобладала малая семья из двух поколений: родители и дети. Сохранялись также и большие, наразделенные трехпоколенные, четырехпоколенные семейные коллективы – «отцовские» семьи, состоявшие преимущественно из родителей, детей, в том числе женатых сыновей, и внуков (правнуков) и так называемые «братские» семейные коллективы – совместное проживание братьев со своими семьями.

На формирование численности, структуры и типов семьи старообрядцев на первых этапах освоения Дальнего Востока оказали влияние как аналогичные показатели на материнских территориях, так и особенности миграционного процесса, социально-экономических и демографических условий региона вселения.

Численность и структура первых переселенческих партий отражали установки и распоряжения Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) и губернаторов мест выхода переселенцев, согласно которым разрешение на переезд в Приамурский край предпочтительно выдавалось семьям достаточно молодым, имеющим несколько работников и не выдавалось семействам, состоящим исключительно из престарелых членов и малолетних детей, и по некоторым другим причинам. Таким образом, на ранних этапах формирования населения Дальневосточного региона структурно-поколенный состав крестьянских семей был определенным образом регламентирован и не отражал полностью реальную картину ее численности и структуры. В иных случаях переселялась только часть семейного коллектива, состоявшего, по ревизской сказке, в одном семействе. В то же время анализ посемейных списков и ревизских сказок старообрядцев свидетельствовал о том, что средняя численность семьи первых групп переселенцев из Сибири и Урала колебалась от 5,7 до 9,6 чел., доля сложных семей («отцовских» и «братских»)

достигала 69%, что существенно превышало аналогичные показатели в последующих переселенческих партиях.

Таким образом, в первые годы освоения Дальнего Востока средний состав семьи и доля сложных семейных коллективов у старообрядцев не отражали общероссийского процесса развития семьи с превалированием в эти годы малой неразделенной семьи, но были близки к общесибирским нормам. Однако уже в последующий период в дальневосточном регионе в целом все шире распространяется тенденция уменьшения количественного состава семьи и некоторое упрощение ее структуры.

В 80–90-е гг. XIX в. на Дальнем Востоке шли параллельно два процесса, влиявшие на численность и структуру семьи, так называемое «вторичное разрастание» больших неразделенных семей и семейные разделы сложных по составу семей, что также отразилось на статистике численности и структуры семейных коллективов. Вторичное разрастание неразделенных семей было характерно для всех осваиваемых районов России и представляло временное явление, вызванное хозяйственной необходимостью освоения нетронутых земель и адаптацией к новой среде обитания. Начало сегментации больших семей на Дальнем Востоке в этот период явилось следствием закономерных процессов исторического и социального развития общества, хотя на Дальнем Востоке эти процессы имели свои особенности. В частности, у крестьян-старожилов, получивших 100-десятинный надел на семью, это было связано, в том числе, и со стремлением получить аналогичный по размерам земельный участок на выделившегося сына. Таким образом община получала право на большую площадь надела, что было выгодно всем. В то же время значительное количество разделов как в «отцовских», так и в «братских» семьях дальневосточных старообрядцев, обусловленных, судя по материалам, не только хозяйственной необходимостью, но и «семейными обстоятельствами» («неуживчивость» членов семьи, «нежелание подчиниться кому-либо», «ссоры и интриги баб» и др.) и прежде всего «большесемейностью». Выделившаяся семья могла состоять как из одного, так и двух-трех женатых братьев или женатого и холостого брата (взрослого или подростка), что в перспективе предполагало разрастание и этого семейного коллектива, и новый раздел.

Другим не менее важным фактором, обусловившим размер семейства, были рождаемость и, следовательно, количество в нем детей. Репродуктивное и витальное, как и брачное поведение русского крестьянина XIX – начала XX в. непосредственно определялось его взглядами на брак, семью, детей, среди которых важное место занимало религиозное осуждение противодействия любых способов ограничения рождаемости, ибо дети – божья благодать, их должно рождаться и

умирать столько, сколько богу угодно («Бог дал, бог взял»).

У дальневосточных старообрядок практически не было ограничения рождаемости детей в браке, большинство из них не знали аборт и не применяли противозачаточных средств. Рожали в среднем от 5 до 15 детей с интервалом между родами 2,5 года, т.е. придерживались обычая кормить ребенка грудью «два великих поста», а иногда и весь период лактации. Наряду с традициями и нормами обычного права высокая рождаемость обуславливалась экономическими, социальными и этическими соображениями, в том числе потребностью в детях, необходимостью иметь потомство для получения земельного надела, обеспечения семьи рабочей силой и содержания родителей в старости, межпоколенной передачей хозяйственно-бытовых, семейных навыков и духовной культуры, и др. В случае отсутствия детей брали приемышей (усыновляли), а если были только дочери, брали в семью зятьев («примаков»). У старообрядцев, в отличие от остальной массы дальневосточного крестьянства, институт опекунства нами не зафиксирован. Детей умерших родственников брали в семью и воспитывали как своих.

Внебрачные дети в условиях всеобщего осуждения, а иногда и осмеяния были редки у старообрядцев. Родившую вне брака дальневосточную старообрядку старались выдать замуж за старообрядца-новосела, еще не окрепшего экономически и стремившегося породниться с зажиточными старожилами.

Высокая рождаемость в старообрядческих семьях лишь немногим превышала простое воспроизводство населения, так как она сопровождалась высокой детской смертностью. Практически в живых оставалась треть рожденных, умирая чаще от инфекционных заболеваний. Прививки от них старообрядцы отказывались делать, считая их «антихристовой печатью», к тому же пользоваться услугами медиков старообрядцам не позволяли религиозные воззрения. Итог такого отношения к медицине был плачевным. При вспышках эпидемий иные старообрядческие семьи лишались сразу двух-трех детей. Умирали дети и от других заболеваний и причин. Все это, безусловно, увеличивало смертность и уменьшало естественный прирост населения, что в целом отразилось на статистике численности семьи и ее структуры.

В целом демографическое поведение дальневосточного старообрядчества в общей направленности не отличалось от аналогичного поведения восточнославянского крестьянства на Дальнем Востоке и в Европейской России. Однако оно имело и целый ряд особенностей, обусловленных спецификой социально-экономического развития Дальневосточного региона, сложившейся здесь демографической ситуацией и конфессиональным составом населения. Отметим, что вплоть до начала коллективизации изменения в демографическом поведении крестьянства, в том числе старообрядцев, как в Европейской России, так и в

Дальневосточном крае не носили кардинального характера. В то же время у старообрядческого населения, в отличие от других сельских жителей, демографическое поведение сохранило многие традиционные черты русского крестьянства: определенные брачные запреты по кровному и духовному родству, высокую детность, раннее вступление в брак девушек, превалирование конфессионально-гомогенных браков и др.

Литература и источники

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 87, оп. 1, д. 99, л. 95; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года: Приморская область. Тетрадь 1. СПб., 1899. Т. 76. С. 40–42.
2. Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 105.
3. Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 83.
4. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С.194.
5. Подробнее см.: Ю.В.Аргудяева. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. С. 195.
6. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке... С. 196.
7. Лобанов В.Ф. «Незаконные» браки у старообрядцев Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.) // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С. 63.
8. Там же. С. 63, 65, 66.

О. А. Никифорова*

**Воздействие миссионерских школ на демографическое
поведение чувашей в традиционном обществе
во второй половине XIX века**

Развитие капитализма в Российской империи во второй половине XIX в. требовало пересмотра традиционных трудовых отношений. В этот период наблюдается изменение ситуации в области землепользования. Крестьяне, утратившие в пореформенные годы большую часть своих наделов и вынужденные выплачивать огромные налоги и выкупные платежи, находились в поиске новых возможностей дохода. В связи с этим, с середины XIX в. возрастает роль отходничества в города, значение постоянно действующих ярмарок и базаров [1]. В процессе буржуазной модернизации происходила интенсификация межэтнических контактов. Особое воздействие на деформацию традиционного чувашского общества оказывало тесное взаимодействие с русским населением [2].

Взаимоотношение нерусских народов Чувашского края с русским населением на различных исторических этапах складывалось далеко неоднозначно. Государственно-правовые, социальные, языковые, конфессиональные, культурно-бытовые различия сдерживали процесс сближения и формирования единого сообщества россиян, о чем свидетельствуют источники и историко-этнографическая литература [3]. Представителям разных культур предстояло преодолеть сложности, препятствия на пути к сближению.

Со времени образования многонационального Российского государства царизм всегда стремился к унификации мозаичного общества на основе русских культурно-исторических ценностей, что на практике должно было привести к обрусению нерусских народов. В этом процессе основная роль отводилась Русской православной церкви, осуществлению мер на утверждение православия среди всех российских «иноверцев». Христианизаторская политика получила новое развитие во второй половине XIX в., когда среди чувашей участились случаи перехода в ислам, и в условиях буржуазных реформ 60–70-х гг. и польских событий 1863 г. начался процесс национального пробуждения [4].

Таким образом, мы рассматриваем историческую обусловленность сближения двух народов – русского и чувашского, которые, однако, помимо общей цели ставили и решали разные политические, этносо-

*Никифорова Ольга Анатольевна (Чебоксары) – студентка Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова.

циальные, этнокультурные задачи. Сближение по проекту российского правительства должно было проходить путем утверждения среди нерусского населения империи (татар, чувашей, марийцев, удмуртов и других) российской гражданственности. Однако такое «лидирующее» положение русского народа не ликвидировало, а напротив создавало условия для пробуждения национального самосознания чувашей [5]. В соответствии с государственной политикой в 1870 г. были утверждены «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», предполагавшие основным методом духовного обрусения школу. В рамках этой же программы в 1867 г. в Казани открылось Братство Святого Гурия, которое учреждало свои школы и в чувашских селениях по миссионерско-просветительской системе Н.И.Ильминского (к 1892 г. насчитывалось 52 школы). Братство главную ставку для достижения намеченной цели сделало на широкое использование родного языка в начальных школах, в церковном богослужении, в изданиях религиозной литературы [6].

Школы Братства Святого Гурия носили религиозный характер обучения. Основу учебного плана составляли предметы, знакомящие детей с основами православия. Выбранный метод объяснялся бытованием в среде нерусского населения, в том числе и чувашей, языческих культов и традиций, несмотря на формально принятое крещение большей частью населения. Первоначально планировалось воспитать человека, воспитывать в нем нравственные качества и уже «хорошего человека» обучать по выбранной специальности. Решение первой задачи брала на себя народная школа (или начальное народное училище с 25 мая 1874 г.). Нравственные качества определялись как честность, доброжелательность, набожность.

Н.И.Ильминский считал, что школу необходимо рассматривать не просто как место обучения общеобразовательным предметам, а как «действительно миссионерское, христианско-просветительское учреждение» [7]. Христианское религиозно-нравственное воспитание подразумевало христианско-русское воспитание чувашей [8]. Он обращался к историческому опыту русского народа, в чей быт вошли многие церковные черты и обряды во многом благодаря миссионерско-просветительской деятельности церкви. Формирование мировоззрения русского человека проходило сквозь призму догматов христианства. Такие же образовательно-воспитательные задачи призвана была решать «иностранческая» народная школа. «Воспитание нравственных и религиозных людей по началам и в формах православной церкви и русской народности», – определялось ее программами [9]. Школы Братства Святого Гурия, где воспитывались русские и «иностранцы», ставившие перед собою цель разрушить разделяющую чувашей от русских отчужден-

ность должны были представлять собой одну «семью», где нет различий по принадлежности к тому или иному народу [10].

Положение о преподавании основ религии в школах нерусских народов не являлось принципиально новым. Изменилось отношение к языку преподавания. Впервые по миссионерско-просветительской системе обучение стало вестись не на русском языке, а на родном (чувашском). Русское влияние планировалось оказывать поэтапно: познакомить учеников с русской верой и вслед за этим с русским языком. Для успешного обучения чувашей на родном языке переводческая комиссия при Братстве Святого Гурия издавала переводы религиозной литературы на чувашском языке наиболее приближенными к разговорному стилю.

Миссионеры и просветители второй половины XIX в., принимая во внимание предшествующий опыт приобщения чувашей к российской гражданственности, наиболее рационально оценили восприимчивость и пластичность детского ума ко всему новому и на этой основе выстроили учебный процесс. Русский язык не насаждался, а вводился постепенно после двух лет обучения на родном чувашском языке, когда ученики прошли определенную подготовку.

К тому же учителя, как и ученики должны были быть чувашами по происхождению, следовательно, знать и понимать чувашские обычаи, помогать осваивать детям учебные предметы. Учителя должны были хорошо знать русский язык, при этом наличие образования не являлось обязательным требованием. Основой подготовки учителей являлась их религиозность, знание Закона Божьего и церковного пения. Выбранный метод, по мнению миссионеров, должен был облегчить христианское просвещение чувашей [11].

В отчетах о деятельности Братства можно найти положительные отзывы о результатах обучения. Так, в 1867 г. ученики Яльчиковской школы показали хорошее знание предметов и на чувашском языке «очень отчетливо пропели символ веры» [12]. За 1870–1871 учебный год об Абызовской школе оставлено замечание: «успехи учеников по чтению, письму, счислению и знанию молитв можно назвать весьма удовлетворительными» [13]. Наблюдающий за Яншиховой братской школой священник Николай Богородицкий в ведомости об успеваемости учеников в 1872 г. писал об одиннадцати из двадцати пяти учеников школы так: «учились читать и писать порядочно очень. Рассказывают священную историю до потопа и приучаются петь по-русски и по-чувашски необходимые молитвы» [14].

Директор народных училищ Казанской губернии отмечал, что учителя, ведя первоначальное обучение на родном языке и обращая особое внимание на религиозно-нравственное развитие учеников, старались постепенно ознакомить их с русским языком [15]. На страни-

цах отчета в 1878 г. об одной из братских школ сказано: «хорошо читают по-русски, удовлетворительно объясняя прочитанное, и твердо знают молитвы». Однако отмечается, что учащиеся еще не совсем обрусели и не понимают многих русских слов [16]. В Куркинской школе шло успешное освоение Закона Божьего [17].

При осмотре Второ-Пихтулинской школы в 1888 г. упомянуто следующее: «тридцать мальчиков, чуваш, удовлетворительно читали по-русски и по-чувашски; письменные работы их были найдены удовлетворительными» [18]. Отзывы подобного рода находим в документах Братства и через пять лет о деревне Подлесной и других [19]. «Молодое поколение стремится к религиозному знанию и охотно по вечерам собирается на беседы и спевки в школу», – сообщается об учениках Вурман-Кассинской братской школы за 1896 г. [20].

В последующие учебные года можно обнаружить подобные отзывы. Практически в каждом наблюдении, в первую очередь, уделяется внимание усвоению учащимися религиозных предметов и русского языка. Как показывают источники второй половины XIX в., учебная программа усваивалась детьми, а общеобразовательные предметы не являлись критерием оценки работы школ.

Миссионерские школы помимо религиозного характера обучения целенаправленно и планомерно распространяли православие на население деревни, в которой располагалась школа. Школы Братства Св.Гурия, кроме влияния учеников на своих родителей, как и в других школах, проводили специальную миссионерскую работу. Учителям после занятий следовало вести так называемые миссионерские беседы с жителями деревни. Учителя разъясняли чувашам смысл молитв, рассказывали об иконах, необходимости исповеди и причащения, читали и комментировали Евангелие, отвечали на интересующие вопросы. Объясняя особенности христианства как религии, учителя стремились способствовать принятию оставшимися язычниками монотеистической веры, также усиливать веру у «заблуждающихся и отпадающих» [21]. Учителя, ученики и выпускники должны были применять полученные знания для христианского просвещения нерусского народа [22].

Например, результативные миссионерские беседы с чувашским населением в 1874 г. вел учитель Больше-Абызовской школы М.Дмитриев [23]. Отчет о деятельности за девятый братский год подтверждает посещение учителями в свободное от занятий в школе время родителей своих учеников, «ведут с ними разговор в назидательном, поучительном духе и таким образом, мало-помалу вносят в темные сердца их свет христианских истин» [24]. Собеседования с местными жителями в деревне Мелькеевой вел Тимофей Иванов. Он проводил в школе с учениками и населением «моление с чтением молитв и с пением божественных песен в свободное время, более по субботам вечером». Поучения в 1877–1878 гг.

проходили и в селе Тюрлеме Чебоксарского уезда чувашским учителем Григорием Филипповым, селе Оштормо-Юмью – учителем-дьяконом М.Апаковым, селе Новочурашево – В.Васильевым. Эти учителя помимо встреч с населением «говорили поучения с церковной кафедры» [25].

Результатами работы миссионеров стали несколько случаев обращения чувашей-язычников в христианство. В 1886–1887 учебном году священник села Старых Шигалей Цивильского уезда Гурий Васильев крестил одну чувашскую женщину, священник Григорий Филиппов – мужчину [26]. В следующем году крещено было десять человек в четырех селах [27]. С момента открытия Братства Св. Гурия в Казани, его миссионерская деятельность способствовала переходу язычников в православие и христианскому просвещению уже крещенных чувашей. Например, школа в деревне Больших Яльчиках, по наблюдениям братчиков, в течение своего шестилетнего существования успела оказать благотворное влияние на население. «Теперь в среде большеяльчиковских жителей довольно появилось чуваш грамотных; все они с охотою начали посещать церковные богослужения; из воспитанников школы образован уже довольно-удовлетворительный хор певчих» [28].

Несомненно, члены Братства несколько преувеличивали итоги работы школ и миссионеров. Нельзя говорить о полном обрусении чувашей [29]. Все же этноконфессиональное положение чувашского народа в конце XIX в., безусловно, изменилось по сравнению с первой половиной века. Период второй половины XIX в. можно определить как наиболее плодотворный в приобщении чувашей к российской гражданственности.

Происходившие перемены вели к трансформации традиционного общества чувашей, изменялось демографическое поведение народа под действием российской культуры. Повышение образовательного уровня [30], освоение ими русского языка и православия стали важнейшим этапом к сближению с русским бытом, культурой. Дети, рождавшиеся в национально смешанных семьях, при вступлении в брак очень часто предпочтение вновь отдавали русским. В семьях чувашей, где муж и жена были русскими, чувашский язык нередко выходил из употребления. Росло стремление овладеть русским языком, это стали находить престижным, как отмечается в описании деревни Аркасов Чебоксарского уезда, Яргуныкино Ядринского уезда, Мало-Шемякино Тетюшского уезда, Кичнеево Цивильского уезда, Старое Тюмерово, Большое Чурашево Ядринского уезда и др. [31]. В этнографических записках Степана Филимонова из деревни Яргуныкино Ядринского уезда отмечено: «у русских и чувашей одна вера, поэтому у них доверительные отношения» [32].

Тяготение к русскому населению повлияло на отношения чувашей с татарами. Численность татарского населения за 118 лет (1795–1913 гг.)

выросла на 325,2%, численность чувашей – на 184,8%. Исключительно высокий прирост татар падает на 1795–1859 гг., составив 115,8% при 46,3% – чувашей. Высокие темпы роста численности татарского населения до 1859 г. нельзя объяснить только естественным приростом. Они могли быть обусловлены, по мнению В.Д.Димитриева, ассимиляцией татарами главным образом чувашей. Во второй половине XIX в., когда шло формирование буржуазных наций, росло самосознание народов и, главное, в Поволжье активизировалось официальное антимусульманское направление, с введением системы Н.И.Ильминского исламизация и связанное с ней отатаривание чувашей было в основном приостановлено [33].

В конце XIX в. наблюдается усиление отхода чувашских крестьян на заработки и рост числа торговцев среди них. Так, в Янгильдинском приходе Козьмодемьянского уезда крестьяне для заработков отправлялись в г. Чебоксары. Чувашские селения часто навещали русские ремесленники. Отходничество и торговые занятия крестьян стали важными общественными явлениями в чувашской деревне конца XIX – начала XX в. Посещение чувашских селений русскими торговцами, промышленниками и ремесленниками также носили регулярный характер. В самих источниках отмечается также роль школ в усвоении чувашами русской культуры и русского языка. В описании Апанасова-Тимяшей Тетюшского уезда читаем: «Нужда в образовании чувствуется инородцами, чуть ли не сильнее, чем русскими, так как без знания русского языка, русской грамоты инородцу очень трудно обойтись в настоящее время». Автор описания с. Юванова Козьмодемьянского уезда считает, что в прошлом жители этого села, не владея русским языком, не уходили на заработки. После открытия школ ее выпускники, в какой-то мере усвоившие русский язык, стали уходить на заработки. «Кто часто ходит на заработки, тот по-русски разговаривает ничего», – заключает автор описания [34].

Рост населения в городах обуславливался промышленным развитием. Например, с завершением строительства первой в Чувашии железной дороги Алатырь – Казань население г. Алатырь выросло почти вдвое [35]. В период экономического подъема с 1859 по 1913 гг. мигранты увеличили население г.Цивильска в 1,3 раза. Рост Алатыря и Цивильска соответственно на три пятых (на 60,8%) и почти наполовину (46,0%) обеспечивался притоком в эти города жителей других населенных пунктов [36].

К концу XIX в. городское население по-прежнему состояло преимущественно из русских, но в отличие от феодального периода в формировании городского населения начинали принимать участие чуваша и другие национальности. Во всех городах проживало чувашей 874 чел., из них 50% (или 439 чел.) – в Чебоксарах, 374 чел. – в Цивильске, 58 чел. –

в Ядрине и три человека – в Алатыре. В этих городах чуваша составляли около 3,6% городского населения, а в 1858 г. в них чувашей почти не было. В конце XIX в. чуваша проживали в Казани, Симбирске и других городах. В Казанской губернии в 1897 г. в городах проживало 1645 чувашей, что составляло 0,9% городского населения губернии, русские составляли 77,2%, татары – 19,0%. В городах Симбирской губернии было 462 чуваша [37].

Кроме этого, многочисленные статистические материалы свидетельствуют об очень высокой рождаемости в уездах Чувашии. За продолжительный промежуток времени (1860–1914 гг.) рождаемость на 1000 чел. населения не имела тенденции к снижению, наоборот, в 1910–1914 гг. она стала выше (48,2 – в сельской местности и 46,0 – в городах), чем в 1860–1869 гг. (при показателе 47,8 и 40,3). Рождаемость в Чувашии была выше, чем среди татар, мари и русских Казанской губернии [38].

Во второй половине XIX – начале XX в. для чувашских трудящихся добровольное усвоение русского языка представляло насущную потребность, вызванную экономическими условиями. Оно шло посредством все расширявшихся трудовых общений чувашей с русскими, главным образом, отходничества, а также торговых сношений и школьного преподавания. Миссионерско-просветительская система Н.И.Ильминского и открываемые в соответствии с ней братские школы среди чувашского населения стали одним из важнейших факторов, повлиявших на приобщение чувашей к российской гражданственности, и как следствие этого вызвали изменения в их демографическом поведении в традиционном обществе второй половины XIX в.

Литература и источники

1. Дружинин Н.Н. Русская деревня на переломе 1861–1881 гг. М., 1986. С. 49.
2. История промышленности и рабочего класса Чувашии. 1861 – июнь 1941 гг. Чебоксары, 1978. Ч. 1. С. 72.
3. Машанов М. Обзор деятельности Братства Святого Гурия за 25 лет его существования. 1867–1892 гг. Казань, 1892. С. 33.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 36.
5. Краснов Н.Г. Национальная двуязычная школа И.Я.Яковлева // Педагогика. М., 1998. № 4. С. 86.
6. Известия по Казанской епархии Казань, 1867. С. 6.
7. Износков И. Двадцатипятилетие Братства Святого Гурия. Казань, 1892. С. 29.
8. О церковном богослужении на инородческих языках // Православный собеседник. Казань, 1883. С. 8.
9. Ильминский Н.И. Избранные места из педагогических сочинений. Казань, 1892. С. 53.

10. Там же. С. 48.
11. Никольский Н.И. Основы инородческого просвещения. Казань, 1919. С. 4.
12. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1867–1868 гг. Казань, 1868. С. 2.
13. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1870–1871 гг. Казань, 1871. С. 71.
14. Государственный Исторический Архив Чувашской Республики. Ф. 503. Цивильский уездный училищный совет Казанской губернии. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.
15. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1874–1875 гг. Казань, 1876. С. 15.
16. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1877–1878 гг. Казань, 1879. С. 11.
17. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1886–1887 гг. Казань, 1887. С. 8.
18. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1887–1888 гг. Казань, 1888. С. 17.
19. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1892–1893 гг. Казань, 1893. С. 43.
20. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1895–1896 гг. Казань, 1897. С. 51.
21. Машанов М. Указ. соч. С. 194.
22. Центральная крещено-татарская школа. Казань, 1887. С. 182.
23. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1874–1875 гг. Казань, 1876. С. 22.
24. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1875–1876 гг. Казань, 1877. С. 19.
25. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1877–1878 гг. Казань, 1879. С. 11–12.
26. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1886–1887 гг. Казань, 1887. С. 14.
27. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1887–1888 гг. Казань, 1888. С. 25–26.
28. Отчет о деятельности Братства Святого Гурия за 1872–1873 гг. Казань, 1873. С. 56.
29. Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. С. 233–234.
30. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XIV. 1903 г. (Казанская губерния). С. 9, 63, т. XXXIX (Симбирская губерния).
31. Димитриев В.Д. Общение чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX – начале XX веков // Ученые записки. Чебоксары, 1986. Вып. XL. С. 113.

32. Николаев Г.А. Заметки о чувашско-русских взаимоотношениях в Средневолжской деревне на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 45–47.
33. Дмитриев В.Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XX вв. // Ученые записки. Чебоксары, 1969. Вып. 47. С. 244.
34. Дмитриев В.Д. Общение чувашей... С. 109–113.
35. Сидоров П.А. Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период // Вопросы экономики и истории Чувашской АССР. Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. XXIII. С. 240.
36. Дмитриев С.К. Городское население Чувашии во второй половине XIX – начале XX века: численность, естественное и механическое движение // Из истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1992. С. 132, 140.
37. Сидоров П.А. Указ. соч. С. 142.
38. Алексеев Г.А. Демографические процессы населения дореволюционной Чувашии // Ученые записки. Чебоксары, 1969. Вып. 47. С. 74–75.

*В. Ю. Козлова**

**Этническая, конфессиональная и социальная
характеристика населения городов Пермского Прикамья
на рубеже XIX–XX веков**

Этническая, конфессиональная и социальная структуры населения городов Пермского Прикамья (Пермь, Кунгур, Оса, Оханск, Соликамск, Чердынь) второй половины XIX – начала XX в. представляют интерес для исследования, так как именно в это время этническая мозаичность населения достигла максимума, а культурная жизнь населявших город национальных групп бурно развивалась. Этническая проблематика играет существенную роль в изучении городского населения. Его структура зависит от многих факторов: состава населения региона, уровня хозяйственного и культурного развития города, его административной значимости, миграций. Многонациональность характерна, прежде всего, для крупных городов, в которых постепенно стирались локальные различия в культуре народов и усиливались межнациональные связи. Это обуславливалось размыванием этнической замкнутости, активизацией переселений, знакомством с чужой культурой на уровне бытового общения. Малые этнические группы, проживавшие в русских городах, с одной стороны, вносили свой вклад в культуру большинства, с другой – играли значительную роль в национальном развитии собственных народов. Повышенная этническая мозаичность населения городов, приток в них иноязычного населения, двуязычие, несовпадение языковой характеристики отдельных групп с их этническим самосознанием осложняло выяснение этнического состава населения городов. В городах шла постепенная ассимиляция среди русского населения представителей других народов. Сложность состоит в том, что в переписных материалах XIX в. указывалась не этническая принадлежность, а родной язык. Однако жизнь в русском городе требовала хотя бы минимального знания русского языка, следствием чего становилось двуязычие, а в дальнейшем – полный переход на русский язык. Кроме того, часть городского населения, в отличие от сельского, обладала неустойчивым этническим самосознанием, чему способствовали смешанные браки и процессы ассимиляции. В такой ситуации нерусские жители часто объявляли родным языком русский, и их истинная национальность не находила отражение в переписях. Конфессиональная принадлежность в таких условиях играла важную роль в определении этни-

**Козлова Вероника Юрьевна (Пермь) – аспирантка кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета.*

ческой, ибо при стирании различий в языке религиозное самосознание сохранялось более длительный период.

Развитию городов способствовал демографический рост второй половины XIX в. Пермская губерния занимала пятое место в России по численности населения, но темпы его роста отставали от общероссийских [1]. Процент городского населения в регионе являлся одним из самых низких в стране – 3,2% в 1863 г., 4,7% – в 1897 г., а на 1 января 1914 г. – 6,3% [2]. Хотя населенность Прикамских городов превышала общероссийскую, плотность их по отношению к территории была заметно ниже. Быстрее всего абсолютная численность населения росла в крупных городах. Примером тому может служить Пермь. С 1811 по 1863 г. ее население выросло в 6,2, с 1863 по 1914 г. – в 3,3, а всего за 100 лет – в 20,4 раза [3]. Динамику роста населения изучаемых городов за весь период можно проследить по табл. 1.

Таблица 1

Динамика роста населения городов
во второй половине XIX – начале XX в. [4]

Годы Города	1860 г.	1860-е гг.	1880-е гг.	1897 г.	1900 г.	1910-е гг.
Пермь	12439	19556		45205		75000
Кунгур	9456	10439		14295	14499	
Оса	3005			5067		5500
Оханск	1056		1595	1894		2300
Соликамск	2838		1450	4073	3000	
Чердынь	3425			3658		4212

Наиболее полные данные о городском населении Пермской губернии содержит Первая всеобщая перепись населения России 1897 г., именно на нее мы и будем, главным образом, опираться, привлекая другие источники, такие как: Мозель Х. Материалы для географии и статистики России...; Однодневная перепись Перми 1890 г.; Адрес-календари Пермской губернии; Отчеты губернаторов; Городовая обывательская книга губернского города Перми и т.п. Для анализа будут использоваться только данные о наиболее значительных по количеству народах, которые встречаются во всех городах: русских, украинцах, белорусах, поляках, евреях, немцах, коми-пермяках и коми-зырянах, татарах и башкирах.

Первые сведения, которые дают представление об этнической структуре населения Пермской губернии, содержатся в труде Х. Мозеля: «По племенам население губернии разделяется на славянское, финское, татарское... и небольшое число иностранцев. К славянскому племени

принадлежат собственно русские, составляющие повсеместно главную массу населения, к финскому: пермяки, зыряне, вогулы и черемисы; к татарскому: татары, башкиры и мещеряки;... к иностранцам относятся: англичане, немцы, шведы, французы..., которые в небольшом количестве живут в городах и на заводах» [5]. В работе Мозеля приведены только общие сведения по губернии и уездам, однако благодаря им нам известны национальности, которые были представлены и в городах. Русские составляли 92% населения губернии, коми-пермяки, коми-зыряне и т.п. – 3%, татары и башкиры – 4,3%, иностранцы и евреи – по 0,01% [6]. Если рассмотреть этнический состав по уездам, то видна его неоднородность. Самый высокий процент русских отмечен в Оханском уезде – 99,9, около 97% – в Кунгурском и Пермском, около 82% – в Осинском и Соликамском, а в Чердынском – только 59%. Больше всего инородцев зафиксировано именно здесь – 40% коми-пермяков. В Соликамском уезде последних насчитывалось 18%, в Осинском отмечено 15% татар и башкир. Остальные народности составляли около 1% и менее [7]. Таким образом, этническая структура населения Пермской губернии отражала соотношение и расселение народов, исторически ее населявших. Они сохранили свое присутствие в городах и в конце XIX в. В 1897 г. коми-пермяки, коми-зыряне, татары, башкиры, удмурты, марийцы составляли 3,4% горожан [8]. В 1920 г. на долю нерусских народов приходилось 2,9%, но численность их заметно выросла. Среди этой категории населения преобладали татары (в 1920 г. 24,5%), значительная часть которых проживала в Перми, Кунгуре, Осе [9]. Коми-пермяков в городах проживало мало: в 1897 г. – 67, в 1920 г. – 65 чел. [10]. Местом их проживания являлись только Чердынь, Соликамск и Пермь.

На рубеже XIX – XX вв. не только увеличилась численность городского населения, но и усложнилась его этническая структура. В городах Пермской губернии расселялись народы, происхождение которых связано с отдаленными территориями: евреи, немцы, поляки и др. Евреи формировались из потомков солдат-кантонистов, ссыльных и беженцев. Первыми появились в Перми ссыльные евреи. Рекруты, отслужившие 25 лет и получившие право селиться вне «черты оседлости», положили начало постоянному еврейскому населению. Далее его рост происходил, в основном, за счет ремесленников, работавших в часовом, кожевенном, маслобойном, мыловаренном, ювелирном, типографском промыслах. В 1897 г. в Прикамских городах евреев насчитывалось 901 чел. и 3329 чел. в 1920 г. [11]. Немцы также появились в регионе в середине XIX в. и их доля в населении неуклонно росла. Особенно значительно немецкое население увеличилось в первой четверти XX в. (с 201 чел. в 1897 г. до 1264 чел. в 1920 г.) [12]. Города являлись также местом сосредоточения поляков. Начало образованию польской диаспоры положили люди,

которых в административном порядке переселяли из Польши, как только в начале XIX в. она стала частью Российской империи. Ссылных поляков насчитывалось в Перми в 30-е гг., после первого польского восстания, около 400 чел. Другая, более значительная часть поляков сформировалась из ссылных, участвовавших в восстании 1863–1864 гг., после которого число ссылных в губернии достигло 760 чел. [13]. В первой четверти XX в. образовалась большая группа горожан из прибалтийских народов. Литовцев, латышей, эстонцев в 1920 г. насчитывалось 1468 чел. Из них основная часть проживала в Перми (1185 чел.) и Кунгуре (219 чел.) [14]. Они занимались служебными делами, ремеслом, учебной работой. Белорусы начали приезжать только в пореформенное время, но их было не очень много. Украинцев в начале изучаемого периода насчитывалось не много, но постепенно число их возрастало за счет внутреннего прироста, к 1920 г. их число достигло 741 чел. [15].

Общую картину этнического состава населения городов Пермской губернии дают сведения, содержащиеся в Первой всеобщей переписи 1897 г. и Переписи 1920 г. В данном исследовании приходится оперировать процентами, а не абсолютными цифрами, поскольку количество изучаемых категорий в разных городах несопоставимо – от нескольких сотен до единиц. В этническом отношении в городах абсолютно преобладали русские: в 1897 г. – 93,6%, 1920 г. – 89,3% [16]. Численность русских с 1897 по 1920 г. возросла в 1,5 раза за счет внутреннего прироста. Однако их доля в составе населения городов несколько снизилась, особенно в Перми, где снижение произошло на 5%. Около 4% оно составило в Осе и Кунгуре, в остальных – около 1%. Удельный вес нерусских народов за этот период наоборот увеличился с 6,4 до 10,7% [17]. Заметно выросло почти во всех городах число евреев и немцев, в Перми и Кунгуре несколько выросла доля татар. Численность поляков в Перми, Соликамске и Чердыни уменьшилась, а в остальных городах увеличилась. Процент коми-пермяков, коми-зырян и башкир несколько снизился, что, возможно, связано с их ассимиляцией. Появились после 1897 г. удмурты, марийцы, латыши и эстонцы. Переписи 1897 и 1920 гг. показывают, что этническая структура населения в 1920-е гг., в целом, сохранилась, изменилась лишь численность представителей разных национальностей.

Многонациональность населения городов Пермского Прикамья определила их религиозную структуру, которая усложнялась по мере появления среди жителей городов представителей новых национальностей. В 60-е гг. XIX в. появляются первые сведения о конфессиональной принадлежности жителей городов. В это время окончательно складывается религиозная структура населения. Кроме православных, старообрядцев и мусульман появляются католики, протестанты и иудеи. Прежде чем приступить к исследованию вероисповеданий жителей

Этнический состав населения городов Прикамья в 1897 и 1920 гг., % [18]

Таблица 2

Национальность	Пермь		Кунгур		Оса		Оханск		Соликамск		Чердынь	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
Русские	92,7	87,0	93,7	90,4	94,8	90,7	98,3	97	97,2	97,9	95,9	94,8
Украинцы	0,2	0,1	0,1	0,3	0,08	3		0,4		0,02		0,3
Белорусы	0,05	0,1		0,8		0,9	0,1	0,2			0,08	0,1
Коми-пермяки	0,01	0,02	0,01						1,3	0,07	0,2	0,1
Коми-зыряне	0,1	0,02	3,3	0,06	0,4				0,4	2,8	1,6	0,5
Татары	2,8	3,3	1,4	1,7	3,0	2,2	1,2	0,3	0,3	0,5	0,6	2,5
Башкиры	0,1	0,005	0,1	0,01	1,4	0,7				0,8	0,05	
Удмурты		0,02				0,04						
Марийцы		0,001								0,01		
Евреи	1,8	3,9	0,5	2,7	0,08	0,04	0,2	1,4		0,4	0,3	0,02
Поляки	1,6	1,3	0,2	0,9	0,2	0,3	0,05	0,2	0,5	0,1	0,5	0,1
Латыши		1,1		0,7		0,2		0,1		0,01	0,02	0,02
Литовцы	0,7	0,4	0,01	0,3		0,3			0,1	0,02	0,03	0,1
Эстонцы		0,1		0,2		0,01		0,03		0,04		0,2
Немцы	0,4	1,3	0,03	1,7	0,08	0,5	0,1	0,1	0,05	0,01	0,06	
Прочие	0,1	1,3	0,4	0,1		0,08	0,05	0,1	0,05	0,03	0,5	

городов, проследим появление неправославных исповеданий. Почти все сведения об этом относятся к Перми, но, вероятно, и в других городах неправославные общины формировались подобным образом.

Кроме православных среди русских встречались старообрядцы. «В среде коренного русского населения, особенно по городам и заводам, в значительной степени распространен раскол» [19]. В 1830 г. появилась первая старообрядческая церковь в Перми, но она сгорела и в 1844 г. заложили вторую – Свято-Троицкую. В 1860 г. единоверцы рассматривались как представители старообрядчества, а в Переписи 1897 г. они уже исчислялись вместе с православными, а отдельно выделялись «старообрядцы и уклоняющиеся от крещения». Католицизм в Пермской губернии появляется с ссыльными поляками в 30-е г. XIX в. Пока в Перми не было своего священника, 16 лет ежегодно приезжал военный капеллан из Казани. В 1830-е гг. ссыльные поляки создали первую католическую общину в Перми и добились разрешения молиться в самодельной «капище». После второго польского восстания, в 1863–1865 гг. количество высланных в Пермскую губернию под надзор полиции католиков резко увеличилось. Учитывая это, в 1864 г. в Пермь назначили ксендза А.Шостаковского, при участии которого заложили римско-католический костел Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии. При нем числилось 1035 прихожан. В Перми в будние дни на службы собирались от 5 до 20 чел., в воскресенье – 100-200, в праздники – до 400 чел. [20]. Немцы, поселившиеся в регионе, в большинстве своем являлись протестантами. К ним православное духовенство относилось гораздо благожелательней, чем к католикам. В 1864 г. была построена лютеранская церковь – кирха. В то время пермяков, исповедующих лютеранство, отмечено 70 чел. В кирху приезжал пастор из Екатеринбурга. Постоянные обязанности исполнял церковный староста А.В.Ланге. Существовал пасторат местной лютеранской общины [21]. В Перми служили рекруты из еврейских семей. Одной из целей их подготовки к службе было обращение в православие. Только за 1837–1842 гг. в Перми обращены в христианство 380 мальчиков-кантонистов [22]. Однако большинство евреев исповедовало иудаизм. В 1869 г. в Перми находился один еврейский «молельный дом» и хедер для религиозного обучения детей. В 1886 г. построили еще деревянную синагогу, а в 1894 г. по инициативе раввина Л. Р. Линденбратена – каменную. На рубеже веков еврейская община содержала богадельню, двухклассное училище на 170 детей, детский очаг, погребальное братство [23].

Теперь рассмотрим соотношение названных религий в городах. В 1870 г. наибольшее количество иноверцев на 1000 православных приходилось в Осе – 39,57, из них 31,86 составляли мусульмане, что связано с тем, что город возник на исконных землях башкир. На втором месте находился Соликамск – 27,52, из них 25,32 – католики, т.е. скорее всего,

поляки, сосланные сюда после восстания 1863–1864 гг., также как и в Чердынь, где их числилось 15,33 чел. Пермь располагалась на третьем месте, но здесь иноверцы распределялись более равномерно между всеми известными конфессиями. Самым православным и однородным по вероисповеданию являлся Оханск, где отмечено на 1000 православных всего 3,07 иноверца, представленные католиками и иудеями [24].

Мы можем восстановить религиозную структуру на основе данных за 1860 и 1897 гг. Во всех городах безусловно преобладали православные. Однако везде, кроме Оханска и Чердыни, доля православных за 30 лет несколько снизилась, что связано с увеличением представительства нерусских национальностей. В большинстве городов, особенно в Перми, сократилось за это время число старообрядцев [25]. В 1887 г. в Перми единоверцев насчитывалось 194, раскольников – 50 чел. [26]. В 1897 г. единоверцы уже считались вместе с православными. В Перми за 30 лет представительство католиков почти удвоилось (с 1 до 1,8%), а в абсолютных цифрах их количество увеличилось более, чем в шесть раз. В других городах процент католиков колебался. В Осе, Оханске, Соликамске, Чердыни более всего католиков зафиксировано в 1869 г. Это, скорее всего, связано с притоком ссыльных после восстания 1863 г., к 1897 г. большая часть их переселилась в Пермь или вернулась на Родину. Удельный вес протестантов во всех городах был незначительным – не более 0,5%, но постепенно увеличивалась. Так, в Перми число протестантов к концу века увеличилось почти в восемь раз, а в Чердыни оно несколько сократилось [27]. Доля мусульман во всех городах выросла заметно: в Перми, Осе, Оханске – в три раза, в Соликамске – в шесть, в Кунгуре – в восемь, а в Чердыни – в 12 раз [28]. Представительство евреев заметно выросло только в Кунгуре, в остальных городах осталось почти на прежнем уровне, а в Соликамске к 1897 г. их совсем не осталось. Таким образом, на основе этих данных можно констатировать, что за последние 40 лет XIX в. религиозная структура городского населения Прикамья не претерпела качественных изменений, но произошло некоторое перераспределение процентов в сторону неправославных исповеданий, что связано с увеличением доли нерусского населения.

Таблица 3

Религиозная структура населения городов
во второй половине XIX в., % [29]

Город, год	Православные	Старообрядцы	Католики	Протестанты	Мусульмане	Иудеи
Пермь						
1860	93,5	2,8	1	0,2	0,9	1,7
1897	92	0,6	1,8	0,5	2,8	2

Окончание табл. 3

Город, год	Православные	Старообрядцы	Католики	Протестанты	Мусульмане	Иудеи
Кунгур						
1860	98	0,4	0,7	0,05	0,2	0,05
1897	97	0,7	0,4	0,1	1,6	0,6
Оса						
1860	98	0,1	0,5		1,2	
1897	95	0,06	0,2	0,1	4,3	0,02
Оханск						
1860	97		1,9	0,3	0,3	0,1
1897	98	0,4	0,2	0,2	1,1	0,3
Соликамск						
1860	99	0,2	0,2		0,03	0,2
1897	90	0,1	0,6	0,1	0,2	
Чердынь						
1860	98,0		1,3	0,1	0,05	0,4
1897	98,0	0,4	0,6	0,05	0,6	0,3

Более подробно изменение религиозного состава можно проследить на примере Перми, где больше всего в процентах увеличилось число мусульман, католиков и протестантов, доля иудеев выросла менее заметно. Количество православных несколько снизилось, а представительство старообрядцев сократилось более чем в четыре раза [30].

Таблица 4

Религиозная структура населения Перми во второй половине XIX в.

Религиозная принадлежность	В абсолютных цифрах				В процентах			
	1860 г.	1869 г.	1890 г.	1897 г.	1860 г.	1869 г.	1890 г.	1897 г.
Православные	11607	21771	35486	41608	93,5	97,6	94	92
Старообрядцы	343	105	125	287	2,8	0,5	0,3	0,6
Католики	131	169	400	828	1	0,7	1	1,8
Протестанты	30	95	254	236	0,2	0,4	0,7	0,5
Мусульмане	112	30	689	1298	0,9	0,1	1,8	2,8
Иудеи	216	118	837	942	1,7	0,6	2,2	2

К сожалению, мы не располагаем данными о вероисповеданиях горожан, относящихся к концу изучаемого периода. Мы можем только рассмотреть тенденции по Пермской губернии в целом и сравнить их с данными по Российской империи. В Прикамье доля православного населения в начале XX в. была подавляющей – 95,11%, что более чем на 30% превосходит этот показатель в целом по России. В то же время

представителей других конфессий отмечено значительно, в несколько раз меньше, чем в целом по России [31]. Однако необходимо помнить, что удельный вес всех иноверцев в городах был выше, чем в целом по губернии.

Таблица 5

Конфессиональный состав населения
городов Пермской губернии, % [32]

Религиозная принадлежность	Пермская губерния	Российская империя
Православные с единоверцами и старообрядцами	95,11	61,92
Католики	0,86	9,47
Протестанты	0,42	4,64
Иудеи	0,98	15,70
Магометане	2,60	6,49

Чтобы более ясно представлять религиозную структуру населения городов, необходимо также рассмотреть, как распределялись приверженцы той или иной веры среди различных национальностей (табл. 6).

Таблица 6

Конфессиональная принадлежность представителей национальностей, населяющих города Прикамья в 1897 г. [33]

Национальность, конфессия	Пермь	Кунгур	Оса	Оханск	Соликамск	Чердынь
Русские:	99,5	96	99,5	99,9	98	97,5
Православные	98,8	99	99,8	99,6	99,8	99,5
Старообрядцы	0,7	0,7	0,06	0,4	0,1	0,4
Католики	0,1	0,1	0,02		0,05	0,1
Протестанты	0,1	0,02	0,04		0,03	
Иудеи	0,3	0,3				
Мусульмане	0,005		0,04			
Украинцы, белорусы:						
Православные	96	95	75	50		
Католики	4	5	25	50		100
Поляки:	88	75	85	50	73	75
Католики	99	98	100	100	100	95
Православные	0,3	2				5
Протестанты	0,5					
Иудеи	0,3					

Окончание табл. 6

Национальность, конфессия	Пермь	Кунгур	Оса	Оханск	Соли- камск	Чердынь
Немцы:	73	30	60	100	66	100
Протестанты	90	44	75	100	100	100
Православные	5	44	25			
Католики	5	12				
Евреи:	86	94	100	100		100
Иудеи	99	100	100	100		100
Православные	1					
Финно-угорские народы						
Православные	93	100	100		100	100
Нехристианские исповедания	7					
Тюркские народы	99,4	97	100	100	100	100
Мусульмане	99	98	99	95	85	96
Православные	1	2	1	5	15	4

Практически каждая национальность имела свою отличительную религию, большинство верующих которой составляли ее представители (католичество – поляки, мусульманство – татары и т.п.). Только православие являлось основной религией для русских, украинцев и белорусов, а также для финно-угорских народов. Так, среди православных русскими являлись 98-99% [34]. Поляками были 75-85% католиков. Больше всего – 88% – в Перми. Евреи везде преобладали среди иудеев. В Осе, Оханске и Чердыни – 100%, Кунгуре – 94%, Перми – 86% [35]. Мусульмане почти все являлись татарами и башкирами, во всех городах они составляли 97-100%. Немцев среди протестантов числилось меньше, чем представителей других национальностей среди основных религий. В Перми их числилось – 73%, в Осе и Соликамске – около 60%, а в Оханске и Чердыни – все 100%. В Кунгуре же на их долю приходилось лишь 30%, что было связано с тем, что 10 женщин, возможно, после замужества, стали православными [36]. В Перми взаимосвязь между религией и национальностью менее выражена, а в мелких городах – более явная.

В то же время среди всех народов встречались люди, исповедовавшие отличную от большинства религию. Свыше 99% русских исповедовали православие. Наименьший процент православных русских отмечен в Перми и Кунгуре, здесь же русские исповедовали наибольшее количество других религий: католичество, протестантизм, иудаизм, мусульманство, но таких людей встречались единицы. Большая однородность

русского населения зафиксирована в малых городах, Осе, Соликамске и Оханске. Кроме православных там отмечены только старообрядцы [37]. Большинство украинцев и белорусов являлись православными. В Перми и Кунгуре – 95%, в Осе – 75%, в Оханске – 50%, остальные относились к католикам, в Чердыни таковых зарегистрировано 100%. Последние цифры не показательны, так как речь идет об единицах. 95-100% поляков исповедовали католичество, остальные – православие, в Перми отмечены еще протестанты и иудеи [38]. От 75 до 100% немцев были протестантами. К православным относили себя 25% немцев в Осе и 44% – в Кунгуре (все женщины). В Перми немцы исповедовали также православие и католичество. В Кунгуре тоже насчитывалось 12% немцев-католиков. Единственная религия евреев, отмеченная почти во всех городах – иудаизм. Только в Перми 1% составляли православные. Представители финно-угорских народов во всех городах, кроме Перми, являлись православными. 95-99% татар и башкир были мусульманами, в Соликамске – 85%, остальные во всех городах – православными [39]. Таким образом, довольно четко прослеживается взаимосвязь между принадлежностью к определенной национальности и вероисповеданием. Тем не менее, в силу процессов ассимиляции и смешанных браков эта зависимость не являлась жесткой.

Наравне с этнической принадлежностью важно знать социальный состав городского населения. В 60–90-е гг. он заметно изменился. В семь раз возросло число крестьян за счет переселения из других регионов и перевода башкир из военного сословия в сельское. Удельный вес крестьян среди горожан увеличился с 13,7 до 42,6%. Рост численности мещан в 2,6 раза объясняется переходом в это сословие горнозаводских людей, отставных солдат с семьями, башкирского населения, освобожденного от обязательной военной службы, разорившихся купцов [40]. В 1861–1897 гг. численность дворянства увеличилась в 2,5 раза. Обедневшие дворяне становились чиновниками, врачами, инженерами, а некоторые занимались предпринимательской деятельностью [41]. Вместе с тем уменьшилась численность и удельный вес купечества (с 7,2 до 2,7%), а также военного сословия (с 16,7 до 1,6%) в связи с переходом этих категорий в мещан [42]. Почетных граждан и купцов 1-й гильдии в середине века насчитывались единицы: в Перми – 13, в Кунгуре – 5, в Оханске – 1. Купцы 2-й гильдии были только в Перми и Кунгуре. Основную массу во всех городах составляли купцы 3-й гильдии [43]. Мы видим, что крупное купечество сосредоточилось в Перми и Кунгуре, а в остальных городах – мелкое. Таким образом, в городах Пермского Прикамья жили представители всех известных сословий России: дворяне потомственные и личные, почетные граждане потомственные и личные, купцы, мещане, близкие к мещанам «цеховые», крестьяне, военные. Тем не менее, соотношение их в каждом городе выглядело

Таблица 7
Социальная структура населения городов Прикамья во второй половине XIX в., % [44]

Город Сословие	Пермь		Кунгур		Оса		Оханск		Соликамск		Чердынь	
	1860 г.	1897 г.	1860 г.	1897 г.	1860 г.	1897 г.	1860 г.	1897 г.	1860 г.	1897 г.	1860 г.	1897 г.
Дворяне	10,7	10,8	1,1	2,2	2,4	4,8	13,4	7,8	3,4	6,5	3,9	7,5
Духовенство	1,5	2,4	0,9	1,3	1,5	0,9	2,5	1,8	2,9	2,9	2,0	1,6
Купцы, почетные граждане	3,4	1,5	6,2	1,8	5,7	2,8	5,0	2,2	5,7	1,5	3,6	3,8
Мещане	45	30,3	77,0	50,7	29	47,2	7,6	23,0	73,8	47,2	74,8	48,5
Крестьяне	11,1	52,1	4,6	42,2	46,9	41,9	28,2	61,1	4,6	39,6	2,7	36,9
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

по-разному. Сравнивая данные, приведенные в исследовании Х.И.Мозеля, и данные Первой всероссийской переписи, мы можем проследить изменения в сословной структуре населения городов во второй половине XIX в.

В конце XIX в. крестьяне были на первом месте в Оханске, а в других городах – на втором. В Чердыни и Соликамске первые места занимали мещане, а вторые – крестьяне. В Осе в середине века более всего насчитывалось крестьян, а в конце – мещан. В Кунгуре в середине XIX в. мещане стояли на первом месте, а к концу века произошло увеличение крестьянского сословия до уровня мещанского. В Кунгуре, Соликамске, Чердыни и Перми заметно сократилась доля мещан и выросло число пришедших крестьян. В Осе и Оханске, наоборот, выросло число мещан, так как там городские сословия только формировались. Представительство купцов и почетных граждан заметно сократилось во всех городах, кроме Чердыни, где она осталась прежней. Особенно заметно сокращение количества купцов в Кунгуре (с 6,2 до 1,8%) и в Соликамске (с 5,7 до 1,5%) [45]. Удельный вес духовенства во всех городах остался примерно на одном уровне, с небольшими изменениями в ту или другую сторону. Только в Перми он возрос на 1% (с 1,5 до 2,4%), а фактически численность духовенства увеличилась почти в семь раз. В Кунгуре, Осе, Соликамске, Чердыни процент потомственных и личных дворян существенно вырос, а их абсолютная численность в несколько раз увеличилась за счет чиновничества. В Перми же доля дворянства и чиновничества за 50 лет не изменилась и составляла около 11%. Личных дворян и чиновников было почти в 3 раза больше, чем потомственных [46]. Во всех городах резко сократилось число неопределенных в сословном отношении, большинство среди которых составляли военные из регулярных и иррегулярных войск и отставных нижних чинов [47].

Важным дополнением к анализу городского населения является рассмотрение того, какими этносами были представлены сословия. На основании данных Первой всеобщей переписи 1897 г., можно восстановить этносоциальную структуру населения изучаемых городов. Подавляющую часть крестьян и мещан составляли русские. В крестьянском сословии из нерусских народов во всех городах на первом месте находились татары, башкиры, коми-пермяки. Только в Перми к крестьянскому сословию относилась значительная часть поляков и украинцев. Крестьяне имели однородный этнический состав, а мещане – более сложный. К мещанам относились евреи, поляки, татары. Подавляющая группа дворян не являлась русской. Больше всего дворян было среди поляков и немцев. Из евреев и татар дворянами являлись единицы [48]. Таким образом, этническая принадлежность была взаимосвязана с

сословным положением человека. Сословная структура всех крупных национальностей представлена в табл. 8.

Таблица 8

Этносоциальная структура населения г.Перми
в конце XIX – начале XX в. [49]

Сословие	Русские	Украинцы, белорусы	Поляки	Немцы	Евреи	Финно-угорские народы	Татары, башкиры
Потомственные дворяне	2,4	10	33	20	0,6	1,5	
Личные дворяне и чиновники	8,5	12	9	22			0,5
Духовенство	2,7						0,1
Почетные граждане	1,7		0,3	7			
Купцы	1,5		0,8	1	5,4		1
Мещане	30	9	15	26	90	13	6
Крестьяне	53	66	41,5	22	3,7	80	90

Этносоциальная структура населения городов наиболее ярко прослеживается на примере Перми, так как в других городах некоторые национальности представлены единицами и их социальный статус не может дать объективной картины. В Перми же представители всех национальностей были наиболее многочисленны и их социальное положение является обобщением картины по всем другим городам. Среди русских наибольший процент (53%) составляли крестьяне. Также очень много отмечено мещан – 30%. Потомственных дворян числилось всего 2,4%, личных дворян и чиновников – 8,5%. Духовенство и люди, работающие при церквях, составляли 2,7%. Почетных граждан зафиксировано 1,7%, а купцов – 1,5% [50]. Большинство украинцев и белорусов (66%) также являлось крестьянами. Много среди них было потомственных и личных дворян – 10 и 12% соответственно. Мещан числилось 9%, а казаков – 3%, последнее больше, чем у представителей других национальностей. 41,5% поляков Перми являлись крестьянами. В других городах поляков-крестьян насчитывалось значительно меньше. Поляки-потомственные дворяне составляли 33%. Кроме того, зафиксировано 9% личных дворян и чиновников. На долю мещан приходилось 15%, а почетных граждан и купцов вместе – чуть больше 1% [51]. Среди немцев зафиксировано потомственных и личных дворян примерно поровну – 20 и 22%, что вместе составляет более 40%. Количество немцев-крестьян такое же, как и личных дворян – 22%, а мещан чуть больше – 26%. Кроме того, выявлено 7% почетных граждан –

больше, чем у других народов, и 1% – купцов. 1% немцев являлись иностранными подданными. 90% евреев были мещанами, 3,7% – крестьянами (меньше всех), 5,4% – купцами (больше всех), 0,6% являлись потомственными дворянами. 80% представителей финно-угорских народов – крестьяне, 13% – мещане, 4% – инородцы, но встречались и потомственные дворяне – 1,5%. 90% татар и башкир принадлежали к крестьянам, 6% – к мещанам. 1% составляли купцы, 0,5% – личные дворяне, а духовенство – лишь 0,1%, 0,3% были инородцами [52].

Рассмотрев социальную структуру каждой национальности, интересно иметь представление и о доле их представителей среди основных социальных групп. Наибольший процент потомственных дворян зафиксирован у поляков и немцев. Среди украинцев и белорусов их было несколько меньше. У других народов они составляли явное меньшинство. У тюркских их вообще не обнаружено. Самый большой процент личных дворян и чиновников отмечен у немцев. Примерно одинаковое, чуть меньшее количество, насчитывалось у русских, поляков. Представители духовенства встречались только среди русских и татар. Наибольшая доля почетных граждан приходилась на немцев, среди русских их числилось заметно меньше. Купцы были среди большинства национальностей, кроме украинцев, белорусов и финно-угорских народов. Наибольший процент купцы составляли среди евреев. Мещане выявлены среди всех национальностей. Больше всего их числилось у евреев. Крестьяне также отмечены среди всех народов, но наибольшая их доля была у финно-угорских и тюркских народов. Около половины населения они составляли среди поляков и русских, чуть больше у украинцев, а у евреев зафиксирован самый маленький процент [53].

К 1897 г. этнический состав мещан изменился в том же направлении, что и крестьян: уменьшилась доля русских. Почетные граждане составляли очень тонкую прослойку населения, представительство русских среди них было не велико, а удельный вес нерусских напротив самый большой, так как получение почетного гражданства было почти единственной возможностью социального продвижения для мещан и иностранцев. Дворянство представляло собой, главным образом, служилое образованное сословие – чиновники, военные, учащиеся. В этой группе населения очень интенсивно шла языковая ассимиляция. Личное дворянство являлось более русским, чем потомственное. С одной стороны, это отражало этническую пестроту российского дворянства в целом (доля русских в нем ниже, чем во всем населении), с другой – являлась следствием его большей миграционной подвижности. Представительство русских среди личного дворянства было значительно более заметно, так как это звание получали чаще всего по службе. Большой процент нерусских отмечен также среди купечества. Из двух низших,

податных сословий более высокой миграционной активностью в нерусских группах отличались горожане. Отсюда – большая этническая пестрота мещан по сравнению с крестьянами.

Таким образом, среди горожан Пермского Прикамья в конце XIX в. отмечена большая этническая мозаичность, следствием которой явилось наличие приверженцев почти всех основных религий. В городах сложилась, кроме того, взаимосвязь между этнической и социальной принадлежностью.

Литература и источники

1. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 100.
2. Там же.
3. Плотникова Г.Н. Изменение численности сельского населения Пермского края в пореформенный период // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998. С. 90.
4. Таблица составлена по материалам следующих источников: за 1860-е гг. по кн.: Город Пермь. Сборник очерков по истории, культуре и экономике города. Пермь, 1926. С. 17; за 1910-е гг. – Верхованцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 16; Кунгур за 1860-е, 1900 г. – Николаев Ф.С. Кунгур. Пермь, 1958. С. 37; Оса за 1910-е гг. – Устинов Н.П. Осинский край. Оса, 1995. С. 40; Оханск за 1880-е, 1910-е гг. – Шумилов Е. Городок на Каме // Знамя коммунизма, 1980. 16 окт.; Соликамск за 1880-е гг. – Луканин А. Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска. Пермь, 1882. С. 610; за 1900 г. – Соликамский путеводитель. Пермь, 1980. С. 18; Чердынь за 1910-е гг. – Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 773; за 1860 г. – Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 1. С. 690; за 1897 г. – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. 31. Пермская губерния. СПб., 1904.
5. Мозель Х. Материалы для географии и статистики... С. 292, 293. С. 2.
6. Там же. С. 293.
7. Там же. С. 295.
8. Первая всеобщая перепись населения... С. 2.
9. Итоги всероссийских переписей 1920 г. по Пермской губернии. Вторая перепись населения (демографическая). Пермь, 1921.
10. Первая всеобщая перепись населения... С. 2; Итоги всероссийских переписей 1920 г.
11. Первая всеобщая перепись населения... С. 2; Итоги всероссийских переписей...
12. Первая всеобщая перепись населения... С. 2; Итоги всероссийских переписей...

13. Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки. Пермь, 2000. С. 110.
14. Итоги всероссийских переписей...
15. Там же.
16. Первая всеобщая перепись населения... С. 2; Итоги всероссийских переписей...
17. Там же.
18. Таблица составлена на основе данных по кн.: Первая всеобщая перепись населения... С. 2; Итоги всероссийских переписей...
19. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 4. Отчет губернатора за 1878 г.
20. Пермь от основания до наших дней.... С. 110.
21. Гладышев В. Перми старинное зеркало. История Перми в зеркале некрополя. Пермь, 2001. С. 22.
22. Пермь от основания до наших дней.... С. 110.
23. Там же.
24. Список населенных мест по сведениям 1869 г. Вып. 31. Пермская губерния. СПб., 1877. С. CCCLXV.
25. Мозель Х. Материалы для географии и статистики... С. 292, 293.
26. Губернский город Пермь. Краткая статистико-историческая справка. Пермь, 1887. С. 9–10.
27. Первая всеобщая перепись населения... С. 2.
28. Мозель Х. Материалы для географии и статистики... С. 292, 293.; Первая всеобщая перепись населения... С. 2.
29. Таблица составлена на основе следующих данных: за 1860 г. – Мозель Х. Материалы для географии и статистики... С. 292, 293; за 1869 г. – Список населенных мест... С. CCCLXV; за 1897 г. – Первая всеобщая перепись населения... С. 2.
30. Таблица составлена на основе тех же данных, а за 1890 г. по кн.: Однодневная перепись жителей губернского города Перми, произведенная 7 апреля 1890 г. Пермь, 1892. С. 82–83.
31. Статистический ежегодник России 1914 г. Петроград, 1915. С. 75, 77.
32. Таблица составлена на основе данных по кн.: Статистический ежегодник России 1914 г. Петроград, 1915. С. 75, 77.
33. Таблица составлена на основе данных по кн.: Первая всеобщая перепись населения... Пермь – С. 98–100, Кунгур – С. 114–115, Оса, Оханск – С. 117–118, Соликамск, Чердынь – С. 120–121.
34. Первая всеобщая перепись населения... С. 117–118.
35. Там же. С. 98–121.
36. Там же.
37. Там же. С. 117–118, 120–121.
38. Там же. С. 98–121.
39. Там же. С. 120–121.
40. История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 103.
41. Там же. С. 108.
42. История Урала в период капитализма. С. 110.

43. Иофа Л.Е. Города Урала. М.,1957. С. 320.
44. Таблица составлена на основе данных за 1860 г. по кн.: Мозель Х. Материалы для географии и статистики... Ч. 1. С. 691; за 1897 г. – Первая всеобщая перепись... С. 58–59.
45. Там же.
46. Первая всеобщая перепись населения... С. 58–59.
47. Там же.
48. Чагин Г.Н. Этнический состав населения городов Прикамья в конце 19 – первой четверти 20 века // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья. Березники, 1995. С. 64.
49. Таблица составлена на основе данных по кн.: Первая всеобщая перепись населения... С. 270–274.
50. Первая всеобщая перепись населения... С. 270–274.
51. Там же.
52. Там же.
53. Там же.

А.П.Обедков*

**Образование городов как фактор русской колонизации
евразийского Севера в дореволюционный период**

Расширение территории Российского государства в ходе завоевания обширных северных и северо-восточных провинций Евразии, слабо заселенных малочисленными коренными народами Севера, потребовало целенаправленного формирования сети опорных пунктов русской колонизации. На начальном этапе важнейшим средством закрепления государственных границ, внутренней колонизации северных территорий и их оснащения центрами обслуживания выступали укрепленные поселения – городки-остроги. Со временем большинство из этих поселений, длительное время выполнявших административные и иные несельскохозяйственные функции, были преобразованы в города и одновременно востребованы на роль административных центров в процессе зарождения и последующего реформирования сетки административно-территориального деления северных территорий страны. Формирование сети городов в дореволюционный период имело волнообразный характер и происходило по сложным траекториям, направления которых определяли менявшиеся требования географической и экономической целесообразности освоения северных территорий.

Ведущим фактором колонизации и последующего освоения северных территорий были и остаются богатейшие природные ресурсы. Отсчет истории русской колонизации Севера начинается с IX в., когда новгородцы приступили к освоению земель, примыкающих к бассейнам Северной Двины и Печоры. Первоначально новгородцы имели к этим территориям, богатым разнообразными природными и промысловыми ресурсами, лишь фискальный интерес. Обложив данью проживавшие на них коренные северные народы, они не создавали здесь стационарные поселения. Исключение составили основанные новгородцами Тотьма и Вологда, впервые упоминаемые соответственно в 1137 и 1147 гг. После образования Новгородской Республики (1136) им отводилась роль опорных пунктов колонизации обширных северо-восточных владений. С этой миссией Вологда и Тотьма успешно справлялись до конца XIV в., когда они попали под власть Великого княжества Московского. Кроме новгородцев в колонизации территорий Кольского, Карельского, Двинского и Печорского Севера, где с давних пор проживали угро-финские племена, принимали участие выходцы из других древнерусских земель, из кото-

*Обедков Анатолий Павлович (Сыктывкар) – кандидат географических наук, доцент, зав. кафедрой географии Коми государственного педагогического института.

рых позднее сложились этнографические группы русских – двиняне, ваяжане, поморы, усть-цилемы и пустозеры, ставшие сторожилами Европейского Севера и составившие основу его городского населения.

В течение XII–XIV вв. на Европейском Севере был основан ряд сельских поселений, впоследствии получивших официальный статус города. В их числе – Вельский посад (1137; позднее г. Вельск), погост Пинежский Волок (1137; позднее г. Пинега), Сердобольский погост (XII; позднее г. Сордвалла, Сердоболь, Сортавала), Шенкурский погост (1229; позднее Шенкурский посад, Вага, г. Шенкурск), Каргополь (1380), селение Пудога (1382; позднее г. Пудож), Еренский городок (1384; позднее г. Яренск), Усть-Онега (XIV в.; позднее г. Онега) и Колмогоры (XIV в.; позднее г. Холмогоры). Последний играл важную роль опорного пункта новгородцев в их торговле с северными народами.

Упорная борьба Великого княжества Московского и Новгородской Республики за обладание территориями Европейского Севера продолжалась в течение XIV–XV вв. Окончательно власть Новгорода была ликвидирована в результате походов Ивана III и Ивана IV (Грозного). На рубеже XV–XVI вв. новгородские владения, охватывавшие Северо-Западную и Северную Русь, были включены в состав возрождавшегося централизованного Русского государства. Со второй половины XV в. роль форпоста Москвы на Европейском Севере играл Устюг – один из древнейших городов Русского Севера, упоминаемый в письменных источниках с 1212 г. Именно за заслуги в присоединении к Москве северо-восточных владений Новгорода Устюг стал именоваться Устюгом Великим, а с конца XVI в. стал официально называться Великим Устюгом. После создания централизованного Русского государства Устюг Великий встал во главе союза северодвинских городов, сыгравшего важную роль в подъеме экономики Двинского Севера и Поморья. Большинство северодвинских городов имели преимущественно торговое значение. Особое место среди них занимал Сольвычегодск, известный с XIV в. как поселение у Солёного озера, с XV в. – посад Усолье, а с 1492 г. – город с нынешним названием. В начале XVI в. предприимчивые купцы Строгановы zaloжили здесь первые соляные варницы, что способствовало появлению первого ресурсного города в современных границах Российского Севера.

Поиск безопасных путей торговли с европейскими странами привел к необходимости дальнейшего продвижения на север в район Белого и Баренцева морей, на побережье которых были основаны укрепленные поселения, ставшие со временем важными торговыми центрами и морскими портами Русского государства. Первоначально как остроги возникли и функционировали первые заполярные города Пустозерск (XV в.) и Кола (1550), а также приполярная Кемь (1598). В XV–XVI вв. наиболее значительным портом и торговым центром стали Колмогоры

(Холмогоры – с 1692 г.). В 1553 г. устье Северной Двины достигли корабли английского мореплавателя Р.Ченслера, участвовавшего в экспедиции Х. Уиллоби для поисков Северо-Восточного прохода. Принятие Р.Ченслера в Москве Иваном IV способствовало налаживанию торговых связей Русского государства с европейскими странами через Север страны. В 1584 г. по указу Ивана IV был основан Архангельск – первый крупный морской порт Русского государства, который до возникновения Санкт-Петербурга был главным центром заморской торговли.

После ликвидации татаро-монгольского ига одним из основных направлений расширения территории Русского государства стал восточный вектор территориального развития, связанный с колонизацией сибирских земель и поиском эффективных путей выхода к Тихому океану. Между тем, интерес русских к Сибири и населяющим ее народам возник задолго до присоединения сибирских земель к Русскому государству. Первоначальные сведения о Сибири и ведущих к ней торговых путях содержались в летописных источниках новгородского цикла. На их основе были определены возможности организации торговых связей с народами Азиатского Севера. Основной вклад в открытие и покорение неизведанных земель внесли уроженцы Русского Севера и Европейского Северо-Востока, которые оказались наиболее подготовленными к преодолению трудностей сурового края и к освоению северных территорий. Среди наиболее выдающихся первопроходцев и мореходов, внесших значительный вклад в освоение Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, были устюжане, тотмичи, вологжане, поморы и зыряне.

Начало истории покорения Сибири Русским государством положил поход казачьего атамана Ермака Тимофеевича, организаторами которого выступили русские купцы Строгановы, вышедшие из поморских крестьян. Ведомые Ермаком войска в 1482–1485 гг. впервые перешли Уральские горы и проникли в бассейн Оби. Здесь первые русские колонизаторы Сибири встретили ряд укрепленных поселений, которые играли роль местных центров. Сотни подобных поселений были основаны остяками и вогулами в пределах нижней и средней Оби. Практически до середины XVII в. поиск укрепленных городков-крепостей коренных народов Сибири нередко вменялся в обязанность сибирским воеводам. Однако достоверных сведений об общем числе подобных поселений не сохранилось. Вместе с тем, в указателе географических названий к первому тому «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера, изданном в 1750 г. под названием «Описание Сибирского царства», перечислено всего 75 городков-крепостей местных жителей. Причем большинство из них было сосредоточено на Обском Севере. По мере продвижения на Енисейский Север и далее на Ленский Север и Крайний Северо-

Восток Евразии сеть укрепленных поселений коренных народов Севера Евразии становилась все более редкой и разреженной, что существенно облегчило продвижение русских колонизаторов по первоначально выбранным ими северным трассам проникновения в Сибирь и на Дальний Восток [5].

Самой северной трассой русского проникновения в центр континентальной Арктики на широте Северного полярного круга стал «Мангазейский ход», который пролегал по Баренцеву и Карскому морям, рекам и волокам полуострова Ямал к Обской и Тазовской губам Карского моря. На пути его следования на правом берегу Оби в 1595 г. была заложена в то время самая северная в Сибири казачья крепость Обдорск, а в 1601 г. в трехстах километрах от Тазовской губы была основана Мангазея – первый русский город в зоне многолетней мерзлоты. Русские поселенцы этого северного города занимались металлургическим переделом норильской медно-никелевой руды, откуда и пошла слава о «златокипящей Мангазее» [3, с. 16]. Однако век Мангазеи оказался недолгим и его эстафету приняла основанная в низовьях Енисея в 1607 г. Новая Мангазея, некоторое время спустя переименованная в Туруханск.

Более протяженная северная трасса русского проникновения в Сибирь и на Дальний Восток прошла несколько южнее Северного полярного круга. Ее основными вехами стала редкая цепочка небольших острогов и зимовий от Урала до Тихого океана. Большинство из них со временем переросли в города и получили официальный статус городского поселения. Первым русским городом в Сибири стала Тюмень, основанная в 1586 г. на высоком правом берегу Туры. Находясь в приграничной полосе у южных рубежей зоны Севера, Тюмень выполнила историческую роль русского плацдарма для дальнейшего покорения Евразии в восточном и северо-восточном направлениях.

В качестве линейных элементов зарождавшегося опорного каркаса расселения севера Сибири и Дальнего Востока выступали естественные пути сообщения – речные системы бассейнов Оби, Енисея, Лены, Яны, Индигирки и Колымы, вытянутые в меридиональном отношении. Продвигаясь с запада на восток, русские землепроходцы последовательно сооружали городки-остроги на основных водных путях и волоках, создавая почти непрерывную водно-сухопутную трассу освоения северных территорий Сибири и Дальнего Востока. В 1593 г. был основан Берёзов, в 1594 г. – Сургут, в 1595 г. – Нарым, в 1618 г. – Енисейск, в 1630 г. – Киренск, в 1631 г. – Илимск, в 1632 г. – Жиганск и Якутск, в 1634 г. – Оленск (Виллюйск), в 1635 г. – Олѣкминск, в 1638 г. – Верхоянск, в 1639 г. – Зашиверск, в 1642 г. – Верхнеколымск, в 1644 г. – Акланск, Нижнеколымск и Среднеколымск [2].

В 1639 г., спустя всего 57 лет со времени начала сибирского похода Ермака, русские землепроходцы впервые достигли Тихого океана. В

1648 г. на пути из Якутска на Камчатку было основан Охотск – старейшее русское поселение на тихоокеанском побережье Дальнего Востока. Долгое время Охотск был единственным дальневосточным портом России, ее «окном» в Америку, на Камчатку и Курильские острова. В 1679 г. к югу от Охотска в 90 км выше устья реки Уды, впадающей в Охотское море, был построен Удский острог.

Поход Ермака и последовавшие за ним активные проникновения на Азиатский Север казаков, землепроходцев и мореходов способствовал становлению сети опорных пунктов русской колонизации на северных трассах освоения, служившей средством утверждения власти Москвы в сибирских землях. Вырастая из острогов и зимовий, первые в Сибири русские поселения лишь со временем обрастали посадками, в которых преобладало пришлое русское население, представленное главным образом казаками, а также ремесленниками и торговцами из регионов Европейской России. На рубеже XVI–XVII вв. поселения с наиболее выгодным транспортно-географическим положением стали первыми русскими городами на севере Сибири. Первоначально они создавались для выполнения военных и административных функций. В дальнейшем часть из них расширила набор выполняемых функций, став ремесленными, торговыми, экономическими и культурными центрами. Однако еще долгие десятилетия после покорения Сибири основной задачей местных воевод было экономическое принуждение местных жителей к выплате ясака.

В течение XV–XVII вв. города северодвинской сети выполняли роль торговых посредников, оставаясь единственным безопасным транспортным путем для осуществления торговых связей с европейскими странами набиравшего силу Российского государства. Однако благополучие большинства городов северодвинской системы, сопряженно работавших с городом-портом Архангельском, стало ухудшаться к началу XVIII в., когда был завоеван выход к Балтийскому морю. Основание на берегу Финского залива города Санкт-Петербурга – новой столицы государства и крупного морского порта, значительно приблизившего Россию к Европе. Возвышение Санкт-Петербурга сопровождалось переориентацией транспортных и торгово-экономических связей от Белого моря к Балтике. Это привело к тому, что большинство городов северодвинской системы пришло в упадок, превратившись в заурядные сельские поселения. По данным К.И.Арсеньева, только в период с 1637 по 1719 г. число городов северодвинской системы сократилось с 31 до 15, или в 2,1 раза [1]. Одновременно с этим северодвинские города стали утрачивать прежнюю роль торгово-операционных и тыловых баз, обеспечивших в свое время русское продвижение в Сибирь.

После выхода к Балтийскому морю интерес к районам Севера, и особенно к внутренним северным регионам Сибири, стал постепенно

падать. С целью закрепления ранее завоеванных территорий на побережьях северных морей в первой половине XVIII в. были основаны укрепленные поселения и портовые пункты. В 1723 г. на Баренцевом море началось освоение Екатерининской гавани, где в 1899 г. был основан город-порт Александровск-на-Мурмане. В ходе русской колонизации Камчатки в 1703 г. были заложены Большерецкий, Верхнекамчатский и Нижнекамчатский остроги, в 1740 г. – Петропавловский острог, в 1753 г. – Гижигинская крепость.

Губернская реформа административно-территориального деления 1708 г. практически не повлияла на развитие сети городов северных территорий России и повышение их административного статуса. В соответствии с этой реформой на слабообжитых северных пространствах России только два города стали административными центрами первого или второго порядка. При этом Архангельск был назначен центром одноименной губернии, а Енисейск – уездным центром самой обширной Сибирской губернии.

В первой половине XVIII в. наметились серьезные предпосылки трансформации сети северных городов и смещения к югу трасс освоения Сибири, обусловленные сооружением в 30–40-е гг. XVIII в. Сибирского тракта от Перми до Албазина через Омск, Томск, Красноярск, Иркутск и Нерчинск. Его траектория, ставшая прообразом будущей Транссибирской железнодорожной магистрали, во многом предопределила характер и географический ход дальнейшего хозяйственного освоения и обживания Азиатского Севера России.

Подавляющее большинство городов в современных границах Севера, получивших официальный статус города в дореволюционный период, стали городскими поселениями в ходе административной реформы 1775–1785 гг. Одной из целей этой реформы было создание более равномерной сети городов – административных центров различного ранга за счет разукрупнения уездов и образования областей в составе ряда наместничеств. Поскольку существовавших в то время городов явно не хватало для всех вновь учрежденных уездов, их центрами назначались уже существовавшие сельские населенные пункты, которые лишь со временем могли обрести городские черты. В качестве основных кандидатур на роль новых административных центров уездов и округов чаще всего рассматривались городки-остроги и сельские волостные центры.

Всего за десятилетие административной реформы на Севере Российской империи городской статус получили 35 населенных пунктов, из них 14 – на Европейском Севере, три – на Западно-Сибирском Севере, два – на Восточно-Сибирском Севере и 11 – на Дальневосточном Севере. Указами Екатерины II впервые официальный статус города и уездного или окружного центра в 1775 г. получили Верхоянск, Киренск и Средне-

колымск, в 1776 г. – Каргополь и Петрозаводск, в 1777 г. – Паданск и Повенец, в 1780 г. – Вельск, Красноборск, Мезень, Онега, Пинега, Сольвычегодск, Усть-Сысольск, Шенкурск и Яренск, в 1782 г. – Берёзов, Нарым, Сургут и Туруханск, в 1783 г. – Акланск, Баргузин, Верхнекамчатск, Вилуйск, Гижигинск, Жиганск, Зашиверск, Нижнекамчатск, Олёкминск, Охотск и Сердоболь, в 1784 г. – Кола и Холмогоры, в 1785 г. – Кемь и Пудож. При этом впервые в 1784 г. уездным центром стал Олонец, имевший статус города с 1648 г. По первоначальному замыслу город Олонец должен был стать форпостом на северо-западных рубежах Российского государства. В течение длительного периода Олонец успешно справлялся с этой задачей, выступая в роли единого военного, административного и торгового центра карельской земли.

Все новые города на момент получения городского статуса отличались малолюдностью и долго сохраняли черты сельских поселений, выполняя главным образом промысловые и сельскохозяйственные функции. Не сумев приобрести городские черты, некоторые из ново-явленных городов к концу XVIII в. пришли в упадок и были лишены городского статуса. Самый непродолжительный период пребывания в статусе города был у Паданска, общий официальный городской стаж которого составил всего пять лет. Город Паданск был упразднен в 1782 г. из-за неудобства его расположения. К тому времени Паданск представлял из себя одно из самых отдаленных и бедных селений Олонецкого наместничества. В ходе ликвидации наместничества по указу Павла I в 1796 г. входившие в его состав города Повенец и Пудож были низведены в степень посадов, а их уезды упразднены. Однако уже в 1802 г. указом Александра I вслед за восстановлением Олонецкой губернии (1801) центром Олонецкой губернии был назначен город Петрозаводск.

Недостаточная обоснованность выбора кандидатур, назначенных в ходе екатерининской реформы на роль уездных и окружных городов, в последующие годы еще не раз приводила к необходимости пересмотра их административного статуса. В течение XIX – первой четверти XX в. одни уездные и окружные города были выведены за штат, а другие – лишены городского статуса с преобразованием в сельские поселения, а третьи – вообще упразднены как населенные пункты. На практике широко использовался перевод неперспективных городов за штат, служивший своеобразным предупреждением об их неполном соответствии городскому статусу. В этом случае населенный пункт продолжал пользоваться городскими правами, но, лишенный возможности выполнения административной функции, становился заштатным, или безуездным (неуездным) городом.

С начала XIX в. и до революции 1917 г. в разное время на Российском Севере заштатными городами стали Баргузин, Верхнекамчатск, Жиганск, Зашиверск, Илимск, Кола, Красноборск, Нарым, Сольвычегодск.

В разные годы этого периода были упразднены и преобразованы в сельские поселения города Акланск, Верхнекамчатск, Гижига, Жиганск, Зашиверск, Нижнекамчатск, Сургут, Удск, Яренск. При этом наиболее печальной среди них оказалась судьба старинного русского городка-острога Зашиверска, построенного русскими землепроходцами в 1639 г. В 1783–1805 гг. Зашиверск был уездным городом Якутской области – административным центром огромной территории на северо-востоке Якутии, охватывавшей бассейны рек Яна, Индигирка и Колыма. Оказавшись в стороне от Яно-Индигирско-Колымского тракта, Зашиверск стал постепенно приходить в упадок и в 1805 г. был оставлен за штатом. После эпидемии оспы 1812–1856 гг. город потерял большую часть своих жителей и к концу XIX в. практически обезлюдел, прекратив свое существование как населенный пункт.

В XIX в. развитие сети северных городов замедлилось. На смену массовому переводу сельских поселений в города, характерному для последней четверти XVIII в., пришла политика более продуманных городских преобразований с учетом новых геополитических требований, географической и экономической целесообразности. В течение столетия в современных границах Российского Севера было образовано всего пять новых городов, расположенных на приморских окраинах и пограничных районах Российской империи. На тихоокеанском побережье Дальнего Востока появились города Петропавловский Порт (1822), Николаевск (1856), Софийск (1859) и Удск (1859), а на побережье Баренцева моря – город Александровск-на-Мурмане (1899). При этом в течение девятнадцатого столетия три ранее упраздненных города были восстановлены в своих правах. В 1802 г. городские права вновь получили Повенец и Пудож, востребованные также как центры уездов Олонецкой губернии. В 1867 г. в статусе города был восстановлен Сургут, утвержденный в 1868 г. вначале в качестве окружного центра, а в 1898 г. – уездного города Тобольской губернии.

Петропавловский Порт (с 1924 г. – Петропавловск-Камчатский), основанный как острог на месте камчадальского поселения Аушин, к началу XIX в. стал главным российским портом на Дальнем Востоке, перенеся эти функции от Охотска. В 1812 г. он был назначен центром самостоятельной Камчатской области, которая была образована в 1803 г. В 1822 г. одновременно с получением официального статуса города возглавлявшаяся им Камчатская область была лишена самостоятельности и передана в подчинение Иркутску под названием Камчатского приморского управления. После этого город Петропавловский Порт еще дважды назначался административным центром Камчатской области в 1849–1858 и 1909–1918 гг., а в промежутке между этими периодами с 1858 по 1909 г. был уездным городом.

Первым российским городом в Приморье стал Николаевск (с 1926 г. – Николаевск-на-Амуре), основанный в 1850 г. как военно-административное поселение Николаевский пост. Выгодное транспортно-географическое положение поселения в северном Приамурье позволило ему за весьма короткий срок занять важное экономическое и геополитическое положение на Тихоокеанском побережье Дальнего Востока. Порт Николаевска, возникший в 1855 г. на базе Петропавловского порта, оставался ведущим тихоокеанским портом России до начала 1870-х гг., когда он был перенесен во Владивосток. В 1856 г. Николаевск был утвержден в статусе города и административного центра вновь образованной Приморской области, а в 1880 г. после перенесения центра области в Хабаровск был назначен уездным городом. Наряду с Николаевском в качестве кандидатуры на роль административного центра Приморской области первоначально намечался Софийск, который в 1859 г. вместе с Удском получил статус окружного города Приморской области. Однако эти два поселения недолго имели городской статус, постепенно превратившись в заурядные сельские поселения. Город Удск начал приходить в упадок после 1880 г., когда управление округом было перенесено в Николаевск. Подобная судьба ожидала и центр Софийского округа, который в 1896 г. был переименован в Хабаровский округ.

Своеобразный итог эволюции сети городских поселений в дореволюционный период подвела Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. По данным этой переписи населения, в современных границах районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей насчитывалось 39 городов, в которых проживало 115,1 тыс. чел. На долю северных территорий приходилось 9,1% от общего числа российских городов и всего 1,2% городского населения в современных границах Российской Федерации. В эти годы отличительной особенностью северных городов была их малолюдность, обусловленная отсутствием интереса к северным территориям со стороны государства. В 1897 г. средний размер северного города (3,0 тыс. чел.) в 7,7 раза уступал среднему размеру российского города (23,1 тыс. чел.). Наиболее типичными на Севере были мелкие города с численностью населения до 2 тыс. чел., на долю которых приходилось 56,0% всех российских городов с такой людностью и 71,8% от общего числа северных городов. При этом в сети северных городов отсутствовали средние и большие города (табл. 1).

Таблица 1

Число городов России и ее северных территорий в 1897 г.
и их распределение по людности
(в современных границах Российской Федерации)

Территория	Людность, тыс. чел.								Всего
	до 2	2-5	5-10	10-20	20-50	50-100	100-250	свыше 1000	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Число городов									
Россия	50	123	110	73	47	17	5	2	428
Северные территории	28	5	3	2	1	–	–	–	39
Доля городов различной людности в общем числе городов, %									
Россия	11,7	28,7	25,7	17,1	11,0	4,0	1,2	0,6	100
Северные территории	71,8	12,8	7,7	5,1	2,6	–	–	–	100

Составлено по: [2], [4].

В соответствии с предложенной В.П.Семеновым-Тянь-Шанским классификацией городов по людности 33 северных города, или 84,6% от их общего числа, относились к категории городков с численностью населения менее 5 тыс. чел., из них 15 имели людность менее 1,0 тыс. чел. В 1897 г. самым малонаселенными городками Севера были Охотск и Туруханск, в каждом из которых проживало около 200 чел. При этом во всех городках проживало 52,0 тыс. чел., или 45,2% всех горожан Севера. Только 6 городов имели численность более 5 тыс. чел., из них три малых города (Киренск, Николаевск, Якутск) с численностью населения от 5 до 10 тыс. чел. и три средних города (Архангельск, Енисейск, Петрозаводск) с численностью населения от 10 до 40 тыс. чел. Самым населенным городом Российского Севера в конце XIX в. был Архангельск, в котором проживало 18,2% всех горожан северных территорий страны (табл. 2).

Таблица 2

Урбанистическая структура Российского Севера
(по данным переписи населения 1897 г.)

Показатели	Всего	В том числе с числом жителей, чел.		
		до 5000	5000-9999	10000-40000
Европейский Север				
Число городов	19	17	—	2
В % к итогу	100	89,5	—	10,5
Число жителей, тыс. чел.	64,9	31,5	—	33,4
В % к итогу	100	48,5	—	31,5

Окончание табл. 2

Окончание табл.

Показатели	Всего	В том числе с числом жителей, чел.		
		до 5000	5000-9999	10000-40000
Западно-Сибирский Север				
Число городов	3	3	—	—
В % к итогу	100	100	—	—
Число жителей, тыс. чел.	3,6	3,6	—	—
В % к итогу	100	100	—	—
Восточно-Сибирский Север				
Число городов	5	3	1	1
В % к итогу	100	60,0	20,0	20,0
Число жителей, тыс. чел.	19,7	2,2	5,8	11,5
В % к итогу	100	12,2	29,4	58,4
Дальневосточный Север				
Число городов	12	10	2	—
В % к итогу	100	83,3	16,7	—
Число жителей, тыс. чел.	26,9	14,7	12,2	—
В % к итогу	100	54,6	45,4	—
Российский Север				
Число городов	39	33	3	3
В % к итогу	100	84,6	7,7	7,7
Число жителей, тыс. чел.	115,1	52,0	18,0	44,9
В % к итогу	100	45,2	15,6	39,0

Составлено по: [2], [4].

Характер размещения сложившейся к концу XIX в. сети городов Севера отразил исторический ход колонизации и неравномерность освоения северных территорий. Подавляющее большинство городов Российского Севера располагалось на западной и восточной окраинах, где было сосредоточено 79,5% всех северных городов. Из общего числа северных городов 48,7% (19) была сосредоточена в пределах Европейского Севера, имевшего наиболее продолжительный опыт освоения, и 30,8% (12) – на Дальневосточном Севере. При этом крайне редкой оставалась сеть городов слабообжитых и малоосвоенных территорий Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского Севера, где официальный статус города имели соответственно всего 2 и 5 городов. Наиболее людным городом Европейского Севера был Архангельск (20,9 тыс. чел.), Западно-Сибирского Севера – Берёзов (1,4 тыс. чел.), Восточно-Сибирского Севера – Енисейск (11,5 тыс. чел.) и Дальневосточного Севера – Якутск (6,5 тыс. чел.). Средняя людность города Европейского Севера составила 3,4 тыс., Западно-Сибирского Севера – 1,2 тыс., Восточно-Сибирского Севера – 3,9 тыс., Дальневосточного Севера – 2,2 тыс. чел.

В период с 1898 по 1917 г. в современных границах Российского Севера было образовано всего пять новых городов, которые создавались

главным образом для выполнения транспортных, организационно-хозяйственных и административных функций. В 1899 г. был основан город Александровск (Александровск-на-Мурмане), в 1906 г. – Зея-Пристань (с 1913 г. – Зея), в 1916 г. – Романов-на-Мурмане (с 1917 г. – Мурманск), в 1917 г. – Котлас и Пост Александровский (с 1926 г. – Александровск-Сахалинский). Будущие города Александровск-на-Мурмане и Пост Александровский изначально развивались как административные центры и морские порты. Город Мурманск был основан в связи с созданием морского порта и проведением к нему стратегической железной дороги Санкт-Петербург–Мурманск, названной «Вторыми Дарданеллами» из-за своего стратегического значения для России. Возникнув как конечная станция железной дороги, Котлас уже ко времени получения статуса города превратился в значительный транспортный узел и перевалочный пункт по перегрузке лесных, промысловых и сельскохозяйственных грузов на речные суда. Город Зея-Пристань, возникший как поселок Зейский склад в связи с открытием и разработкой месторождений золота в бассейне Зеи, стал одним из первых ресурсных городов Дальневосточного Севера. В результате этих преобразований ко времени установления Советской власти в современных границах Российского Севера насчитывалось 43 города, которые входили в состав семи губерний и четырех областей на правах губерний.

Литература

1. Арсеньев К.И. Гидрографическо-статистическое обозрение городов Российской империи с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков от начала XVII столетия и доныне // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1832–1834.
2. Города России: Энциклопедия / Гл. ред. Г.М.Лаппо. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
3. Куцев Г.Ф. Человек на Севере. М.: Политиздат, 1989.
4. Население городов по переписи 28 января 1897 г. Вып. 2. СПб., 1897.
5. Резун Д.Я. Очерки изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука, 1982.

Содержание

<i>Этническое и социально-демографическое развитие Севера России в XI – начале XX века</i>	3
<i>Савельева Э.А.</i> Истоки народа коми.....	3
<i>Кленов М.В.</i> Пермь вычегодская. К проблеме формирования населения Коми края в эпоху средневековья	33
<i>Коробейников А.В.</i> Идеи к созданию процессуальной демографической модели городища (водоснабжение и водоотведение)	43
<i>Аверьянов К.А.</i> Печорский край в XIV веке	61
<i>Рошкин Е.Н.</i> Этнодемографические процессы и административные границы на Европейском Севере России.....	66
<i>Смирнов Ю.М.</i> «Русский» Муром: Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет	82
<i>Бурцев И.Г.</i> Миграционные процессы на Куликовом поле в XII–XVII веках	96
<i>Пугач И.В.</i> Русский феодальный город: социально-демографическая характеристика Устюжны Железопольской XVI–XVII веков	107
<i>Черненко Д.А.</i> Структура сельского расселения в Центральной России в XVII–XVIII веках и проблема демографического оптимума (на примере Суздальского уезда)	117
<i>Самигулов Г.Х.</i> Некоторые аспекты формирования русского населения Зауралья XVII–XVIII веков (попытка комплексного подхода на примере населения Челябинской крепости).....	127
<i>Пинаевский Д.И.</i> Население Важского края в конце XVIII – начале XX века	141
<i>Пинаевский Д.И.</i> Демографические аспекты развития Европейского Севера России в середине XIX – начале XX века.....	154
<i>Аргудяева Ю.В.</i> Демографическая ситуация и демографическое поведение старообрядцев Дальнего Востока	165

Никифорова О.А. Воздействие миссионерских школ на демографическое поведение чувашей в традиционном обществе во второй половине XIX века	174
Козлова В.Ю. Этническая, конфессиональная и социальная характеристика населения городов Пермского Прикамья на рубеже XIX–XX веков	183
Обедков А.П. Образование городов как фактор русской колонизации евразийского Севера в дореволюционный период	201

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ

Сборник научных трудов. Выпуск 3. Часть 2.

Научное издание.

Печатается по решению оргкомитета Всероссийской научной
конференции по исторической демографии
«Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)».

Оригинал-макет: Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Уч.-изд.л. 13,0. Тираж 200 экз. Заказ № 44.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36

